

АЛЕКСАНДРЪ



ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 6 (81)

июнь, 2023





УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Стал замечать, что с особым трепетом и душевным волнением готовлю июньский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Собираю всё лучшее за год об Александре Сергеевиче, и у меня возникает страх опустить высокую планку, подобающую Великому Поэту, или оказаться непонятым.

Наверное, нет другого русского человека, чью жизнь уже два века так прилежно рассматривали бы под всеми мыслимыми углами, с различных точек зрения. Исписаны тонны бумаги, с десятков симпозиумов на сотни конференций летает рой пушкиноведов, миллионными тиражами изданы труды. На протяжении двухсот лет Пушкина цитируют все – даже самые ленивые и далёкие от литературы люди.

Его творчество давно стало поводом, оправданием для самостоятельного существования мифа гармонии. Нам кажется, что поэт является автором особого восприятия мира, в его стихах нет никаких действующих лиц, кроме самого автора, который ушёл в свою картину, в размер стиха, слился с его вечным ритмом. Не найдёшь сегодня на бескрайних просторах нашего государства человека, которому незнакомо светлое имя – Пушкин, имя, ставшее олицетворением всей России.

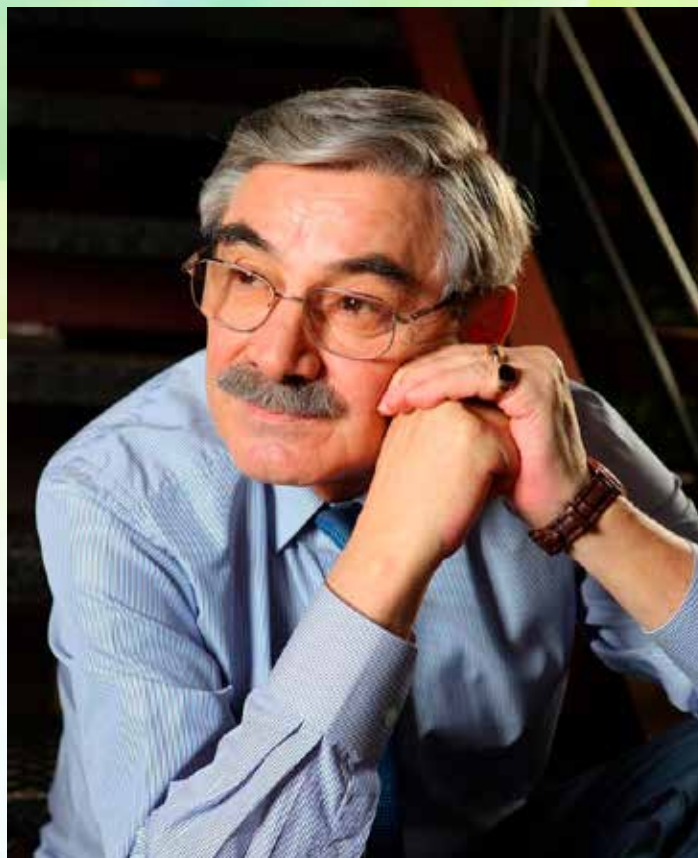
И я безмерно благодарен Александру Васильевичу Панкратову-Чёрному, который раскрыл нам «алтайского» Пушкина.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор



ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад возможности поздравить вас с днём рождения великого Александра Сергеевича со страниц литературного издания, носящего его имя – «Александръ». Своё общение с вами хотелось бы начать строчками Поэта, которые мне, как человеку, выросшему в деревне, близки по духу. (Стоит отметить, что, к сожалению, за два столетия ситуация в нашей деревне не улучшилась, а за последние десятилетия она и вовсе почти исчезла.)



*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.*

Сколько бы на земле ни сменилось поколений, Пушкин – их современник, его поэзия на века, потому что она несёт в себе прекраснейший и благородный заряд. Это удивительно: чем дальше от нас по своему рождению, тем ближе к нам и всё совершеннее становится каждая строчка его творений. Творчество поэта сопровождает нас с первых сказок в детстве до самой старости. Не одно поколение людей постигло ту простую истину, что русский человек неотделим от Пушкина во всей своей жизни, в мыслях, в делах. Это та точка отсчёта, с которой начинается высокая литература и высокая поэзия.

Александр Сергеевич стал не просто символом целой эпохи, он ознаменовал собой возрождение мировой культуры, литературы, духовного самосознания. Именно возрождение необходимо нам сегодня в трудный момент для нашей Родины. Каждый обратившийся к творчеству Александра Сергеевича открывает его по-своему. Мало того, даже обратившись к тому же произведению Пушкина, но в иной период своей жизни, вы воспримете его с другой, совершенно неожиданной стороны. У каждого свой Пушкин.

А ознакомиться с моим Пушкиным вы сможете на страницах «Александра». Мира и удачи.

**Ваши
Александр ПАНКРАТОВ-ЧЁРНЫЙ**



Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (81), июнь 2023 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.06.2023 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Александр Панкратов-Чёрный.
А. С. Пушкину

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 8 Вадим Кулинченко.
О прочтении классики

ЛИРИКА

- 11 Александр Балтин.
Устаревает ли язык?

ПОЭЗИЯ

- 14 Анатолий Арестов.
«Родные просторы»
17 Людмила Радул
22 Владимир Икорский

КЛАССИКИ

- 28 Алла Новикова-Строганова.
Стремление любить

ПУШКИНИАНА

- 34 Владимир Спектор.
Бездна пространства
39 Ангел по имени Пушкин

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 42 Николай Денкевиц.
Стансы

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

- 45 Валентина Черемисина.
Самолёт «Александр Пушкин»

МЕТАМОРФОЗЫ

- 47 Яков Шафран.
Параллельная жизнь

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

- 55 Евгений Голоднов.
Повторил судьбу Маресьева...

ПРОЗА

- 60 Юрий Александров.
Золотая рыбка
62 Роман Леонов.
Не сразу, но навсегда...
65 Александр Ралот.
За служение России
к смертной казни приговорить!

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

- 68 Виктор Бакин.
Далёкое. Святое. Дорогое...
75 Людмила Брагина.
Исцеляющая сила

ДЕБЮТ

- 82 Джернс Алор (Андрей Лесной).
Встреча на узкой дороге

ФЕЛЬЕТОН

- 86 Валерий Румянцев.
Розыск «героя нашего времени»

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 92 Александр Сергеев.
Юбилей классика
93 Елена Осминкина.
«И снова "Коктебельская весна",
И снова гумилёвские мотивы...»





А. С. Пушкину

Александр ПАНКРАТОВ-ЧЁРНЫЙ

1

Рассвет пришёл – и некуда деваться.
Всю комнату изрезали лучи –
Кинжалы солнца, вызывая драться,
И радостно в саду кричат грачи...
Но к чёрту всё!.. Зачем мне развлечения?
Я прячусь от лучей, закрыв окно,
И к Пушкину... И лёгкое течение
Стихов его, как крепкое вино,
Приносит грусть... Она необъяснима...
И хочется мне песни петь о ней,
Как о прекрасной женщине любимой,
О юности единственной моей.

2

По строчкам я вхожу в стихотворенье,
Как в мир иной, как в день иной и час,
Где все миры, эпохи и творенья
Людей земли уменьшатся в сто раз.
И вспомнится от детства до дуэли
Вся жизнь его, где, падая на снег,
Увидит кровь он на своей шинели
И в сумерках вечерних страшный век.

Карета остановится на Мойке...
Друзья придут... Последний разговор...
И после отпеванья – с гробом тройка
В Михайловское... В ночь... Во весь опор!..

3

Уже повечерело... За окном
Ветра, играя, бегают с позёмкой,
Где окна ярко вспыхнули огнём,
Квадратами прорезавшись в потёмках.
Кричу: «Не надо в Пушкина стрелять!»
Кричу в бреду и привстаю в постели:
«Не надо, слышите? Постылая земля!
Ни холода ночного, ни метели!..
Постой, Тургенев, тройку не гони!
Постой, останови, Россия, гибель!..
Оставь лица радостные дни,
Бокал поставь, чтоб за друзей он выпил...
Повешенных на виселице той,
Которая Голгофой и распятием
Возвысилась над пёстрою толпой
Для пятерых союзников и братьев.
А сердце пусть от гнева и любви
Рождаёт строчки, строя их в куплеты,
Чтоб не склоняли гордой головы



Идущие в грядущее поэты.
А Пушкина... Не надо, ни к чему!..
Он радости достоин и горенья,
Чтоб вспышкой огня врывалось в тьму
Написанное в ночь стихотворенье.
Нам жизнь его нужна, а смерть – зачем?
Не верьте, что он сам хотел дуэли,
И тающих вокруг себя свечей,
И ночи той, пришедшей из метели».
Свершилось всё!.. Я бредить перестал..
Здоровье поправлялось всем на радость..
За окнами под солнцем снег блистал..
И Пушкин ждал... Но как-то... не читалось...

4

Родина, любимая... Не плачь...
Это уже в древности, как эпос...
По Дворцовой набережной вскачь,
По Неве застывшей через крепость,
Мимо света, мимо Натали,
Мимо близорукости и смеха,
К Чёрной речке, как на край земли,
Александр Сергеевич поехал.
Рядом с ним взволнованный Данзас
Удивлён, что Пушкин веселится;
А над Русью бьётся пятый час,
Кончиться боясь под страшный выстрел.
За спиной каналы, и мосты,
И дворцы остались, а направо
От дороги только полверсты
Отойти, и выстрелить, и «браво!»
Крикнуть, улыбнуться – и в снегу,
Не увидеть больше неба синим,
Он лишь секунданта, что бегут,
Взглядом угасающим окинет.
Петербург дворцовой колоннадой
Вытянется в камне у Невы,
Не склонив в печали головы,
Будто всё свершается как надо.

5

*Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума...*

А. С. Пушкин

«Не дай мне бог сойти с ума!»
От одиночества и боли,

От осознания, что тюрьма
Мой дом пустой в открытом поле.
«Не дай мне бог сойти с ума!»
От памяти, где сохранилась
Последней ночи кутерьма,
Когда ты вдруг со мной простилась.
«Не дай мне бог сойти с ума!»
От снов, что мучают ночами,
От слов, которые кричали:
«Не дай мне бог сойти с ума!..»
И я не знал, что рядом – Пушкин.

6

Я к Пушкину, а Пушкина нет дома!
И в доме все не знают ничего.
Жуковский на обеде у знакомой!
Я выяснил – не видел он его.
Подумал: «Он у Вяземских!» – однако
Вчера у них до вечера сидел..
А может быть?.. И я чуть не заплакал.
Конечно! Да! О Боже! Не успел!
Ловлю такси, а Пушкин этим часом
Торопится с товарищем – Данзасом –
Туда, где от дороги влево – лес,
Где нервный у кареты ждёт Дантес
И смотрит, как, волнуясь, секунданта
Утаптывают снег для них двоих.
Поймал такси! «Скорей!» – кричу... – «Куда ты?» –
Приятель зовут, но разве мне до них?
Пока я на машине к месту ехал,
Уж Пушкина, подняв легко со снега,
В карету посадили – и домой,
Покуда небо не закрылось тьмой..
Что делать мне? Я еду к Натали.
Она бледна... молчит... и только! «Увезли», –
Единственное слово мне сказала
И в пустоту куда-то указала.
«В Михайловское!» – сказывал лакей,
Но это я читал и слышал от людей.
А там одна могила с постаментом
И прах его... А где же сам поэт?
Не ведают... И вот уж сколько лет,
Как Петербург я посетил студентом...



О ПРОЧТЕНИИ КЛАССИКИ

«Классика бессмертна» – это выражение, крылатое во все времена, не потеряло своего значения и сегодня. Многие из того, что предсказывали поэты и писатели века назад, совершается сегодня, и это заставляет задуматься, что, пусть и небольшой, дар оракульта есть в каждом писателе и поэте, не говоря о великих. Просто мы не умеем их читать. «Истинные таланты всегда сидят в потёмках, в толпе, подальше от выставки...», «Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную...», «Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем...», «Они горды своим талантом, сознавая, что они призваны воспитывать влиять...» – эти короткие изречения,

принадлежащие перу одного классика, – портрет каждого из них и общий для всех.

Возьмите Антона Павловича Чехова, слова которого я привёл выше и который известен во всём мире. Его «Вишнёвый сад», кажется, обошёл все мировые сцены, и по праву. А вот его рассказ-повесть – «Палата № 6» не пользуется особым расположением и редко вспоминается современными критиками, хотя и считается одной из вершин его творчества. А почему? Вопрос весьма интересный и лежит, кажется, на поверхности.

Произведение, написанное около 130 лет назад, отображает реалии, казалось бы, того



времени, но если читать его и перечитывать внимательно, то невольно возникает мысль, что все упомянутые явления не только не исчезли, а, наоборот, обострились. И не одна страна, а весь мир просится, чтобы его поместили в палату № 6. «Вы спрашиваете, что делать? Самое лучшее в вашем положении – бежать отсюда, – даёт совет доктор Андрей Ефимыч. – Но, к сожалению, это бесполезно. Вас задержат». И логичное продолжение: «Раз существуют тюрьмы и сумасшедшие дома, то должен же кто-нибудь сидеть в них». Далее глубоко символично рассуждение двух неглупых людей, которые оба кончают свой жизненный путь в палате для сумасшедших.

Если глубоко вникать в содержание «Палаты № 6», то становится ясна глубокая философская сущность этой работы, которая, опираясь на фактический житейский материал того времени, вольно или невольно улавливает черты будущего общества, в чём мы убеждаемся сегодня, по прошествии стольких лет...

Задумайтесь только над одной мыслью. «Тюрем и сумасшедших домов не будет, и правда, как вы изволили выразиться, восторжествует, но ведь сущность вещей не изменится, законы природы останутся всё те же. Люди будут болеть, стариться и умирать так же, как и теперь. Какая бы великолепная заря ни освещала вашу жизнь, всё же в конце концов вас заколотят в гроб и бросят в яму».

Прошло уже столько лет с написания этих мудрых слов, но что изменилось? Богатые думают, что они бессмертны, бедные жалуются на своё бытие до конца своих дней, и всё повторяется вновь. Круговорот жизни как в природе, так и в человеческом обществе, которое потихоньку сходит с ума.

Незначительная, на первый взгляд, глава пятая, где даётся портрет доктора Андрея Ефимыча Рагина, при внимательном прочтении невольно выводит мысли на уровень страны. Не буду комментировать её по зёрнышкам, просто пусть каждый, кто прочтёт «Палату № 6», задумается над этой главой и сделает выводы о наших чиновниках, которые долго засиживаются на своих должностях. Они приходят на высокие

посты с благими намерениями, а потом, по истечении времени, дело заметно прискучивает им своим однообразием и бесполезностью, и...

Одну фразу из этой главы, без всяких сомнений, можно считать мировым афоризмом: «На земле нет ничего хорошего, что в своём первоисточнике не имело бы гадости».

И своеобразным продолжением этого афоризма является десятая глава, где рассуждения о жизни подтверждают его суть: «Учение, проповедующее равнодушие к богатству, удобствам жизни, презрение к страданиям и смерти, совсем непонятно для громадного большинства, так как это большинство никогда не знало ни богатства, ни удобств в жизни...» Богатство и роскошная жизнь тоже начинаются с грязи. «А вот если бы вас трахнул паралич или, положим, какой-нибудь дурак или наглец, пользуясь своим положением и чином, оскорбил вас публично и вы знали бы, что это пройдёт ему безнаказанно, – ну тогда бы вы поняли, как это отсылать других к уразумению и истинному благу». Сегодня никому не надо объяснять смысл этой фразы из произведения А. Чехова. Мы ежедневно сталкиваемся с фактами, когда люди с положением уходят от наказания за свои безнравственные поступки. И продолжением этого являются рассуждения о судебной системе, в которой «...судебная ошибка при теперешнем судопроизводстве очень возможна, и ничего в ней мудрёного. Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе, как формально...»

Из этого перечня извлекаем врачей и в главе седьмой прочтём рассуждения Рагина о медицине: «С другой же стороны, ему отлично известно, что за 25 лет с медициной произошла сказочная перемена... <...> "Но что же? – спрашивает себя Андрей Ефимыч, открывая глаза. – Что же из этого? И антисептика, и Кох, и Пастер, а сущность дела нисколько не изменилась. Болезненность и смертность всё те же..."» Не напоминает ли это каждому из нас о

растущем числе различных медицинских центров, о котором мы ежедневно узнаём по ТВ, с последними фантастическими достижениями – мёртвого воскресят, – а в обычных городских больницах, не говоря о сельских, которых давно уже нет, лечат по старинке. И смертность не уменьшается... Система показухи!

Читая «Палату № 6» А. П. Чехова, удивляешься: это какой же талант надо иметь, чтобы в небольшой повести об одной захудалой больнице, даже палате в ней, отобразить жизнь целого небольшого города России, которых тысячи по стране, и на его фоне показать проблемы всей империи. Это действительно классика. Недаром Илья Репин так отозвался о «Палате № 6»: «...Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея человечества».

О «Палате № 6», со всеми её проблемами и мыслями, невозможно полно рассказать в одной небольшой статье. Да это и не нужно. Каждый имеет своё мнение о прочитанном. Повесть-рассказ надо читать в первозданном виде и сравнивать с настоящей жизнью, тогда будет понятно её течение, когда процесс технического развития не очень влияет на сущность человеческого бытия.

Казалось бы, далёкий от медицины вопрос, а затрагивает суть жизни городов российских: «Судя по всему, в наших столицах нет умственного застоя, есть движение – значит, должны быть там и настоящие люди, но почему-то всякий раз оттуда присылают к нам таких людей, что не глядел бы. Несчастный город!» Да разве он один такой? Эта небольшая речь указывает на всеохватывающий смысл «Палаты № 6», который не ограничивается только медициной.

Более всего поражает окончание повести, где подлость правит бал. Заманили старого доктора в палату, отобрали всё и заперли навсегда, казалось бы, хорошие друзья и сослуживцы. Вроде бы Хоботов и добился своего, занял место главного врача, но вот злость его и подлость поражают. Этот сюжет сегодня проходит красной нитью через всю нашу жизнь: в книгах, в телесериалах, в литературе главным героем стал подлец, и кажется, весь мир катится в тартарары. И когда мы признаем свою ответственность за всю эту безысходность, то захотим исправить это – убить устроивших такую жизнь, а потом и себя, потому что сами виноваты в этом... Но уже поздно – «...но из груди не вышло ни одного звука и ноги не повиновались; задышавшись, он рванул на груди халат и рубаху, порвал и без чувств повалился на кровать».

Конец у всех один, хоть и внешне разный. Только на том свете мы становимся равными. Почему это так? Никто не может ответить на этот вопрос. Не ответил и Антон Павлович. В своей «Палате № 6» он только дошёл до роковой черты. А вот земную нашу сущность отобразил сполна.

Чехов как будто принял из рук Щедрина эстафету русской сатиры, которая в самое мрачное время вела свою могучую борьбу за правду и свободу, против всех сил лжи, мракобесия и угнетения. Сегодня мы даже и не видим в литературе такого направления, как сатира, которую победила та же подлость. И остаётся только классика, которая, как ни банально звучит, бессмертна.

Что ни говорите, а у классиков был какой-то дар предвиденья. Но никто из властей предрежащих не слушал их тогда, как не слушает и сегодня!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
публицист.
Октябрь 2021 г.





Художник Алексей СЕРГИЕНКО



УСТАРЕВАЕТ ЛИ ЯЗЫК?

Александр БАЛТИН

Человек текущего момента отличен даже от того, кто жил десятилетия назад: знание интернета, мобильной связи и прочего сильно меняет и сознание, и мировосприятие, тем не менее нечто стержневое остаётся в человеке, заставляя вслушиваться вновь и вновь в... скажем:

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло;
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдёт, то будет мило.*

Гениальное психологическое видение – с неимоверной, алмазом вспыхивающей языковой гранью – делает стихотворение настолько подходящим к любой жизненной ситуации, не говоря уже – ко всем временам, что люди любого поколения, проживая собственную жизнь, будут вчитываться, замирая: «Как точно!» – соглашаясь, соизмеряя свой опыт с опытом, предложенным классиком...

...Невесел памятник – классический, один из символов Москвы – невесел: чему особенно радоваться?

Жизнь вокруг технологичная без меры, слишком нервно-напряжённая, не позволяющая... «остановиться, оглянуться»...

А поэзия требует остановки, замедленного дыхания, размеренного вчитывания... Смакования даже: так смакуют благородные, долго вызревающие вина.

*Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?*

Необычность этого янтаря – особенно в сочетании с ярко-кипенной зимой, со всё укрывающей сонной белизной – поражает: словно картина сама, представленная суммой слов, затянута волшебной янтарной плёнкой, сквозь которую глядеть одно удовольствие...

И глядишь сквозь миры технологий и ускоренного времени, глядишь в янтарную эту плёнку, видя почему-то... паркет, обстановку, которой не представляешь... пока потоки разноцветных машин, преимущественно иномарок, несутся и несутся мимо склонившего грустно курчавую голову бронзового человека...

...Захлебнётся монологами Годунов: изломы страсти и страха расколют воздух, и вибрирует он – нервно, напряжённо, не предлагая других вариантов, только трагедия, только тяжесть...

Жизнь, являющаяся проблемой для человека, всегда тяжесть: со властью или без, но калёное неистовство белого стиха, определяющее Годунова, столь существенно, что века колышутся, не предложив в сфере власти ничего нового, просто поменяв исторический антураж.

А то бывает: человек, а-ля Никанор Иванович Босой, прожил долго, произведений Пушкина не читая, и вдруг услышал где-то:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

И замрёт, словно у бездны на краю, замрёт, глядя в себя, ужасаясь, содрогаясь, не в силах ничего понять, ничего изменить...

Выбор, увы, из тяжелейших человеческих иллюзий: разве вольны мы выбрать час собственной кончины? Родителей?

...Из тысяч видов деятельности будем выбирать из двух-трёх-четырёх, а то и вообще способности определяют нечто одно, и не надоело б до смерти...

Пушкин, переезжая на лодке через Неву, бросает в воду червонцы, наслаждаясь тонкими лучевыми изломами, которыми играют они, золотые, столь необходимые...

И зажжётся лучшее русское стихотворение, вспыхнет, опалит, стягиваясь к финалу – и оним прожигая сознание до стержневой боли:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Бумага, кажется, чернеет и коробится: уж если он – Пушкин! – так, так что же нам-то бедным делать...

...Можно, впрочем, отпраздновать даты, как было описано в замечательных «Пушкинских днях» М. Зощенко: где нечтение и незнание классики продёрнуто языком сатирического великолепия.

Можно праздниками (равно елеем почитания) залить образ – дабы не слишком раздражал, можно многое – не отменить одного: феномена словесной вертикали, предложенной классиком.

...У него устарело многое: если быть честным, не впадать в интеллектуальное раболепие, многое сегодня воспринимается карикатурно, слишком литературно:

*В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.*

Кто так чувствует сегодня?
Да и «огонь желанья, горящий в крови», –





Анатолий АРЕСТОВ

«Родные престоры»

Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края, где проживает на данный момент. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА. Публиковался в журналах: «Юность», «Наши современники», «Волга – 21 век», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Традиции @ Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Сибирь», «Ротонда», «Невский альманах», «Александръ», «Мир животных», «Эколог и Я», «ЛИФТ», «Нижний Новгород»; газетах: «Литературный Крым», «Слово»; сетевых ресурсах: «День литературы», «Литературная газета», «Причал», «Камертон», «СОТЫ», «Белая скала». Автор книги в двух частях «В потоке поэзии».

ПОЛЕВАЯ ПОЛЫНЬ

С полевой дороги пыль
Ветер гнал, оставив был.
Ветер гнал, оставив вой,
На дороге полевой.

«Эх, полынь моя, полынь,
Ты под ветром-то не сгинь,
Ты под ветром не остынь,
Желтоглазая полынь!»

«Не кручинься, мой родной!
Я в земле полевой.
Я привыкла к пылевой
Жизни ветреной, родной!»

ЧУДО

Свет потонет в мраке вод
Под кувшинкой, где цветок
На листьях несёт восход.
С неба льющийся поток

Пригревает стрекозу,
Проверяя прочность крыл.
В предстоящую грозу
Ей придётся сложно. Пыль

Поднимается с дорог,
Налипая на листья
Ивы скрюченной. Мирок
Затихает. С высоты

Тучи злятся. Грянул гром –
Стрекоза на ветку ивы.
В камыше гуляет шторм!
Всполох молнии стыдливой

На секунду. Вспышка. В пруд
Капли бьют. Шумит повсюду!
Через час дожди пройдут,
Засверкает в каплях чудо!



НА ПОСТРОЙКЕ ПИТЕРА

Грозный царь явился миру,
Русской правил стороной!
Был привязанным к потиру,
Но сильнее – к земле родной.

Пётр Первый, Пётр славный,
Как велик он и могуч!
Всё в руке его державной –
И замок, и верный ключ...

Прогуляться ранним утром
Он решил по тем местам –
По замшелым, влажным, утлым.
Всё неважно! «Город там

Будем строить, красить будем,
Будем плотничать, народ!
Мой подарок станет людям
Питер – град продолжит род

Всям русским, православным,
Чтоб Россия процвела!
Чтобы знали, кто здесь главный!
Братцы! Взялись за дела!»

Приступили. Камни колют,
Там по доскам возят грязь
Из карьера вниз по полю...
Да. Затея удалась!

Плотник тешет лихо брёвна:
«Царь-то батюшка силен!
Сам топориком проворно
Три стволины, словно клён,

Обтесал. А дуб-то прочен!
Знать, умение в руках
От рождения, а, впрочем,
В голове, не в кулаках

Острый ум и сила воли,
Что предвестники идей...»
За Россию царь до боли,
За Россию, хоть убей...

ЗВЁЗДНАЯ ДАЛЬ

Точки миров засверкали
Ночью в глухой пустоте,
Лёжа в далёкой спирали,
Там, в ледяной красоте.

Вакуум – ноль мироздания,
Словно пустая постель,
Где отдыхают создания,
Жадно глотая коктейль

Из облучений Рентгена
С кварком высоких частот.
Может, какой-нибудь Гена
Там на планете живёт?

Ищет крутую работу,
Грезит о дальних мирах,
Едет на дачу в субботу,
Верно, испытывал страх,

Что не политы растенья?
Нам никогда не узнать.
Светлое в небе свечение –
Неба ночного печать!

ПОСЛАНИЕ КОСМОСА

Звёздный свет, звёздный шум, звёздный век
На порог, в пыль дорог в краткий срок
Залетел, прошептал: «Человек?
Ты венец, ты творец, ты пророк!

Окропись, освятись, поклянись,
Приглядишься в невесомую высь.
Ты Земле, не боясь, поклонись –
Это дом, это ты, присмотришься...»

ВНЕЗЕМНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Проторённая тропинка во вселенские глубины
Замечается ветрами многочисленных процессов.
Человек же отправляет, словно почтой голубиной,
Разноцветные ракеты, как прекрасную принцессу,

Для создания в дальнейшем межпланетных
отношений,
Обособленных от злобы и военного коварства.
Исключительно для дружбы без словесных
поношений,
Принижающих способность человеческого
царства

Адекватно относиться к предстоящему прогрессу,
Без эксцессов удивленья и ненужных
вакханалий.

Полетела вдаль ракета с космодрома,
как принцесса.

Убеждённые в ответе внеземного долго ждали...

БРЯНСКИЙ ЛИСТ

По краю Брянска шум лесов...
– Запомни, внучек, ту победу,
Когда фашистов на засов
Закрыли мы по белу свету!

В последнем доме, где село
Однажды было, партизаны
Вели атаку, снег мело,
И кровь лилась из свежей раны

На землю Брянщины твоей,
На землю русскую, святую!
И шум лесов, и шум полей
По нашим воинам тоскуют.

Запомни, внучек, ту победу!
Не рви листочек, пусть растёт.
Он машет в небо белу свету
За то, что в мире он живёт!

БЕСПОКОЙСТВО

Дождём окропило наивные косы
Берёзы, растущей в овраге глухом,
Где прячется ветер от знойной угрозы
В июльские дни. Под большим лопухом

Гнездо желтогрудой увёртливой птицы
Из трав сплетено, как корзина крестьян,
Что сходят по краю оврага напиться
Воды ключевой. Двухметровый бурьян

Стеной окружает жилище певуны,
Зелёный лопух заменяет навес.
С берёзы кричит желтогрудая врунья
На бедных крестьян: «Ну куда ты полез?»



**Людмила РАДУЛ****МАТЬ**

Я мельком в зеркало гляжу
И вижу лик почтенной дамы.
И в нём я сходство нахожу
С забытыми чертами мамы.

Мы – отраженье двух эпох,
И жизни наши непохожи.
Не пара мы для двух сапог,
И счастье – не одно и то же.

Непросто было нам вдвоём,
А иногда – всего труднее.
Но мысль о прошлом о своём,
Где рядом мама, душу греет.

И, как в молитве, средь ночи
Я у неё прошу прощенья.
И ощущаю, как лучи,
Её души прикосновенья.

А покаяние как гром,
И это чувство непростое.
Ведь понимаешь лишь потом,
Что мать – понятие святое.

РУССКИЙ ФЛОТ

Древние викинги, кланяясь Одину,
Флотом военным прославили Родину.
Шведы, потомки их, так же смогли.
Стали угрозой для нашей земли.
Русской земли.

Трудно России без сильного флота,
На рубежах без морского оплота.
Шведы не ждали, что явится Пётр,
Станет Великим, построит свой флот,
Русский флот.

Флот этот был и огромным, и сильным,
Враг перед ним становился бессильным.
Дрогнут на море и турки, и шведы:

Дарит России большие победы
Русский флот.

Славных побед за три века не счесть,
Это – большая для Родины честь.
Всяким преградам наперекор
Флот наш российский могуч до сих пор,
Русский флот.

РАРИТЕТ

Есть в нашем доме раритет.
Его не купишь – не товар.
Привёз когда-то дедов дед
Вот этот тульский самовар.

Ему уж полтора ста лет.
Он помнит Крымскую войну,
Где как герой сражался дед
За Севастополь и страну.

С тех пор прапрадед – кавалер
Георгия золотых крестов.
Бывалый унтер-офицер
Служить Отечеству готов.

Сам генерал ему вручил
За героизм – как личный дар –
Наш дед в награду получил
Вот этот тульский самовар.

Как крепостной – крестьянский сын –
Он двадцать лет царю служил.
И вот в прекрасный день один
Вернулся в дом, где раньше жил.

Был принят унтер-офицер
В своём селе как Божий дар.
Девчат сразили: кавалер,
Мундир, кресты и самовар.

Конечно, нет ничьей вины,
Что тех крестов в помине нет.
Останется от той войны
Лишь самовар как раритет.

ОГОНЬ – МОЯ СТИХИЯ

Если я в прошлом – из древней Руси,
Богом моим было солнце Ярило.
Пламени солнца мне не погасить,
Если огонь мне судьба подарила.
Помните меня, сидя у огня.

Этот огонь мне всегда диктовал:
Надо гореть, а не тлеть неустанно.
Сам всё плохое сжигал наповал,
Свет и тепло приносил постоянно.

Так я с огнём и жила, и была,
Но иногда приносил он и беды:
Помню, тебя я чуть-чуть не сожгла,
Но не считаю я это победой.
Вспомни и ты меня, сидя у огня.

Я с восхищеньем смотрю на костёр:
Как загорелся, горит, догорает,
Но с огорченьем гляжу я в упор –
Только что жил, а теперь умирает.

Так беспощаден закон бытия –
Жизнь как костёр. Но моё утешенье
В том, что огонь мой поддержит семья,
В детях и внуках – моё продолженье.
Помните меня, сидя у огня.

МОНАСТЫРЬ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

В Сан-Катрино – монастырь,
Древняя обитель.
Представляет целый мир
Каждый посетитель.

Неприступный бастион
Среди гор Синая.
В православном мире он
Как звезда сияет.

Век четвёртый. Заправлял
Здесь Константинополь.
Он собой объединял
Азию с Европой.

Император Константин
Повелел построить
Этот грозный исполин
(И казну утратить).

И стоит он здесь один
В мусульманской сфере.
С христианством он един
В православной вере.

Начинался здесь ислам
С первой мечетью.
А зайдёт сейчас имам –
Принимают с честью.

Здесь такие раритеты,
Что мороз по коже.
И древнейшие «Заветы»
Сохраняют тоже.

Не пройдут колодца мимо
Старины любители.
С Купиной Неопалимой
Встретятся в обители.

Служба в храмах здесь идёт,
Как и встарь, по-гречески.
Посещающий народ
Встретят по-отечески.

И звонят колокола –
Дар царя российского –
На высоких куполах
Храма византийского.

МОЛЧАНИЕ

Не всегда молчание –
Это знак согласия.
Не всегда отчаянье
Требует безгласия.

Но порой молчание –
Просто оскорбление.
Иногда проявится
Как благодарение.



Лев Нецветаев. У Лукоморья. Х/м.



Лев Нецветаев. Доктор Арендт у постели умирающего Пушкина. Х., м. .



Лев Нецветаев. Молодожёны Пушкины. Б., тушь, перо.



Иногда молчание
Как ружейный выстрел –
Вызовет отчаянье,
Поражает быстро.

И сразит молчание
Результатом мощным:
Словно наказание
С пораженьем точным.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

В платье Снежной королевы
И сама стройна, как дева,
Величава ель.
Королева где-то рядом,
Но следы искать не надо –
Замела метель.

Деревянные дома,
Их закутала зима
Мягкою рукой.
В облаченье белом также
Деревя стоят, как стражи,
Берегут покой.

Засыпает зимний вечер,
Зажигает небо свечи,
Только над рекой
Лишь одна метель резвится,
Почему-то ей не спится,
Машет мне рукой.

Непокорную метель,
Засыпающую ель,
Тёплые дома
В одеянье белоснежном
Убаюкивает нежно
Матушка-зима.

БЛУДНЫЙ СЫН

Смотрю с волненьем Рембрандта творенье:
Отец-старик и рядом блудный сын.
Евангельскую притчу-утешенье
Проинсценировал по жизни не один.
Однажды дом покажется вам тесным,
И на свободе вдруг сошёлся клин,
И внутренний конфликт становится
протестом –

И вот уже готовый блудный сын.
Должны пройти и месяцы, и годы,
Пока ты не поймёшь однажды сам,
Что на свободе тоже нет свободы –
Повязан по рукам и по ногам.
Возможно, там совсем другое бремя,
Но всё равно нести тебе свой крест.
А объяснит тебе лишь только время,
И поглядеть захочется окрест.
И вспомнишь притчи от Луки и от Матфея.
Ведь жизнь твоя – ну чем же не Содом?
И зазвучит мелодия Орфея,
Когда однажды вспомнишь отчий дом.
И вот уже стоишь ты на коленях:
«Прости, отец, попутал меня бес».
По притче той, дождёшься ты прощенья,
Но в сердце – ты давно уже исчез.
Но пусть по притче, снова отчий дом,
Давление безрадостных тенет.
И снова созревает мысль о том,
Что лучше там, бесспорно, где нас нет.

Хирургу-офтальмологу

И в сумрак погружался мир,
Уже прощалась я с надеждой.
И появляется кумир,
Сияя белою одеждой.
Объяв душою и собой,
Умом, талантом, ясноликий.
И мне становится судьбой,
Как для России Пётр Великий.



Владимир ИКОРСКИЙ

РОССИЙСКИЕ МИХАЙЛЫ

Набат грохочет басом мерным
Звон к литургии – не спеша.
Всё перезвон решает верный,
В России колокол – душа!

Неоднократно Русь звонила
В колокола в честь Михаила,
Когда Романов Михаил
В России Смуту прекратил.

Вслед за Петром она звонила –
В науке солнце засветило,
Когда путь к знаниям открыл
Наш Ломоносов Михаил.

Поёт и молится Сусанин.
Смерть не страшна ему уже...
Полки клянутся: грудью встанем
На Бородинском рубеже.

Война двенадцатого года.
Французов встретил гнев народа.
Кто Русь тогда освободил?
Илларионыч Михаил.

Из полководцев он, мы знаем,
Был Михаилом не один:
И Милорадович с Барклаем,
И Воронцов, и Бородин.

А век спустя – Победоносец,
Тандем – Георгий и Иосиф –
Нам Михаила заменил.
Народ фашистов разгромил

И заново страну отстроил.
В бою, в труде он был героем,
Путь во Вселенную открыл...
Но был иудой Михаил.

Со льдов полярных океана
Пришёл, как враг окаянный,
Медведь, дремавший много лет
И выжидавший свой момент...

Где ж вы, российские Михайлы?
Россию грабят изнутри!
Не эти «звери эпохальные»,
А бурые – богатыри.

СКОМОРОХИ

С незапамятных времён,
От царя Гороха,
По Руси, как перезвон,
Ходят скоморохи.

Скуден, право, их доход,
Подают им крохи.
Прибаутками народ
Лечат скоморохи.

Всё нечистое на суд –
Берегись, пройдохи!
Вы не спрячетесь, найдут
Всюду скоморохи.

На чиновничьих местах
Расплодились «блохи».
Разнесут их в пух и прах
Живо скоморохи.

Наяву, а не во сне
Здороветь эпохе,
Если ходят по стране
Эти скоморохи.



ПАНТЕОН

У Волги есть земля святая.
В далёком пламенном году
Солдаты, кровью истекая,
Держали эту высоту.

На зов сердец, ушедших рано,
Потомки дедов и отцов
Придут на землю Сталинграда,
Как фронтовое письмоце,

Поклонятся родной святыне
И тем, кто здесь землёю стал.
Стоит Вучетича поныне
На высоте мемориал.

Здесь кован меч, чтоб обезглавить
Врагов на Родине моей.
На склоне зал солдатской славы
Как богатырский мавзолей.

Увенчан матерью Державы
С мечом в руке кургана склон.
А рядом зал солдатской славы,
Неповторимый пантеон.

Внутри цилиндра пантеона
Рука воздета, как свеча.
По кругу движется колонна,
И «Грёзы» Шумана звучат.

Звучат как реквием по близким,
Как плач всех вдов и матерей.
Хор женский плачет вокализом,
Слух заполняя всё сильней.

И в зал, как в памятную нишу,
Скорбя, заходит вся страна.
Здесь до сих пор на стенах пишут
Героев битвы имена.

Они навечно будут с нами.
Мы помним смерти ураган.
Весь мрамор стен под именами,
Как под осколками курган.

А «Грёзы» к небесам взовьются
И вновь опустятся к земле,
В пучину Волги окунутся.
Их плач не смолкнет сотни лет.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЦВЕТОК

Цветок из Англии прислали
Царице в дар от короля.
И журавельником прозвали
За сходство с клювом журавля.

Он – пеларгония в науке,
Пеларгой аистов зовут.
Хозяек ласковые руки
С любовью в дом его несут.

Растёт в саду и на окошке
Букет цветков на тонкой ножке.
Цвет белый, розовый и красный,
Добрее нет его окраски.

В квартире воздух очищает
И подоконник украшает,
Он в доме не потерпит зла,
Он – символ мира и тепла.

Листок как веер в развороте,
И если вы его потрёте,
То он вам будет очень рад
Отдать целебный аромат.

Он – друг семейного уюта.
Он гасит ссоры, глушит брань.
Как врач, излечит вас в минуты.
Его название – герань.

КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ

Века историю верстали.
И вот с кремлёвского холма
Надменно, будто с пьедестала,
Глядит История сама.

Казанский кремль эпохой славен,
По-царегрозненски суров,
Здесь с правоверными в исламе,
И православный дух здоров.

В кремле мечеть для правоверных
Стоит в глазури голубой
И красотой беспримерной
Ведёт к Аллаху за собой.

На минаретах каждый полумесяц
На Мекку смотрит остриём.
На мостовой к священной Мекке
Рисунок камня устремлён.

Ворота рядом расписные.
На них луны и солнца свет.
Соединяются святые
В любви Христос и Магомет.

Супруга хана Сююмбеки
Здесь с башни бросилась не зря,
Чтоб не прославиться навеки
Женой московского царя.

Казанка плещет у подножья,
У стен кремлёвского холма.
К лицу российскому Поволжью
И мусульманская чалма.

ДОНБАСС

За горным делом, не за славой
Шахтёр спускается в забой.
Врубаясь в пласт природной лавы,
Он там наедине с судьбой.

А судьбы связаны с Россией
Донского края испокон
Веков прошедших. В этом сила
Всех православия икон.

Донбасс был частью Украины,
Когда пробил майданный час.
Но эту чуждую личину
Не принял на себя Донбасс.

Нацистской сволочи химера
По Украине расплзлась.
Героем стал Степан Бандера,
Чтоб русский покорять Донбасс.

Но россияне не позволят
Стереть истории наказ.
И будет вскоре с Божьей волей
Свободным от врагов Донбасс.

ГОРОД НАШ НАУКОГРАД

Город наш наукоград
Возле древних стен Москвы
Двери первым без преград
Во Вселенную открыл.

Между Яузой и Клязьмой
Был по суше перевал.
И купцы соседних княжеств
К нам в Москву везли товар.

По дороге ярославской,
Может быть, не раз в году
Проезжал здесь поезд царский
Мимо лавры в слободу.

Обмелели наши реки.
Тех купцов уж нет давно.



Было нам в двадцатом веке
В космос выйти суждено.

Собирали всё по нитке
На космический полёт.
Из посёлочка Подлипки
Вырос город Королёв.

Мы живём в наукограде.
Ход истории таков:
В космос, словно пушкой Грабин,
Выстрел сделал Королёв.

Город наш наукоград
Возле древних стен Москвы
Двери первым без преград
Во Вселенную открыл.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ УЛЫБКА

Морось с ветром днём вчерашним
Сеял дождь до темноты.
Надоели людям страшно
Капюшоны и зонты.

В нашем парке у завода
Утром, только рассвело,
С криком разрезая воду,
Утки пробуют крыло.

Липы, клёны в парке старом,
Тайный Ленина приют,
Помнят дружбу коммунаров,
Их дела не предают.

В трудовой коммуне праздник
Красным знаменем горел.
Там на всех хватало разных
И полезных добрых дел.

Всё в коммуне было ново
Той разбуженной порой:
Строки Павла Железнова,
В. Державина перо.

Время память не развеет,

Для потомков сохранит.
Перед техникумом швейным
Бюст Дзержинского стоит...

Приходил мороз, украдкой
Лужи вытеклил с утра.
И на них дорожек гладких
Накатала детвора.

Выткан, и не по ошибке,
Небосвод голубизной –
Поздней осени улыбка
Перед снежной новизной.

РЫЦАРИ-КЛЁНЫ

Морозец пожаловал к ночи
Напомнить, что скоро зима.
А осень сдаваться не хочет,
Не хочет природа сама.
Лишь клёны погодой морозной
Наряд свой сберечь не смогли.
И падали листья, как звёзды,
На плечи земные легли.
Укрыли дворы и газоны
Шуршащей постелью цветной.
Но заново рыцари-клёны
Доспехи наденут весной.

МАЙ

Май, в цветах утопающий, здравствуй!
Ты как праздник идёшь по земле.
Скачешь ты, как мальчишка вихрастый,
Босоногий повсюду твой след.

Многоцветье и царственный ландыш
Щедро даришь лесам и садам.
Колокольчиков белых гирлянды –
Запах для обожаемых дам.

Аромат как достоинство принца
Между всех ароматов лесных.
Он последняя в книге страница
Подмосковной принцессы Весны.

РОЖДЕСТВО

Лишь наступит Новый год,
Рождество приходит.
И гуляет весь народ
Вместе в хороводе.

Ждут колядок на дому,
Отпирают двери.
Приобщается к нему
Даже кто не верит.

Этот праздник Рождества
Людам дан навеки,
Чтобы больше Божества
Было в человеке.

ЕДУ ПО РОССИИ

Еду по России.
Осень на дворе.
Полосы лесные
В тёплом янтаре.

Затянулось небо.
Дождик моросит.
Как давно я не был
Средь полей Руси!

Но поближе к югу,
Вдоль донских степей,
С солнечной услугой
Веселей, теплей.

Поезд лихо мчится.
Край наш так богат!
Нам бы научиться
Жить с природой в лад.

Взгорья и низины
По теченью рек.
Русская равнина,
Ты мила навек.

МОСКВА – И ГОРОД, И РЕКА

Колокольня Ивана как свечка
На холме, русских звонниц глава.
Здесь течёт среднерусская речка
Под названием древним Москва.
От Можайска течёт до Коломны
Через всё Подмосковье она.
В Строгино обнимается скромно
Москворецкая с Волгой волна.
Помнит речка, как вятичей племя
Основалось на древней Руси,
Как возникло в лесах поселенье
Среди сосен, берёз и осин.
И Христу, и Перуну молился
Тот народ работающий лесной,
Знал повадки медвежьи и лисьи,
А врагов бил калёной стрелой.
Реку все из прибрежных селений
Называли Московской-рекой.
Мономах для защиты владений
На холме там поставил остой.
И пришёл его сын Долгорукий,
Повелел заложить город он.
Взял работы в надёжные руки
Первый зодчий Москвы Симеон.
С этих пор стольным градом России
Мы гордимся уже на века.
В нём князей богатырская сила.
И дала ему имя река.





РОССИЙСКИЙ ПРИДЕЛ

Издавна вопрос был острый:
Чей же Крымский полуостров?
Кто им только не владел!
Но российский он придел.

И на суше, и на море,
Дело ратное верша,
Турок бил в Крыму Суворов
И топил Ушак-паша.

С той поры указом царским
В южной бухте Ахтиарской
Основали город-порт,
Заложили русский флот.

Севастополь – «город Славы»,
Так по-гречески звучит.
Берега своей державы
Прикрывает крымский щит.

Бриг «Меркурий», страж на море,
Боевой наш экипаж,
Не смогли на двух линкорах
Турки взять на бордаж.

Бескозырки и бушлаты,
Что внушали фрицам смерть,
Эти рыцарские латы
Отстояли Крыма твердь.

Свят рубеж за Перекопом,
Неба мирного оплот –
Город славы Севастополь,
Черноморский русский флот.

НАШ БЛОК

В России со времён монархов
Любовь к стяжательству жива,
Но капиталы олигархов
Не снились старым буржуа.
У Блока сходства нахожу я,
Как будто он в наш век смотрел.
Клеймил он старого буржуа –
И новых бы не пожалел.
Сто лет спустя для человека –
И не одна, а две и три –
На каждой улице аптеки,
Ну и, конечно, фонари.
Он избы всей России нищей
Обожествил своим пером.
Захочешь – и сейчас их сыщешь
Вдали от каменных хором.
Но грех нам жалиться. Те песни
Поём мы, где слеза чиста.
И в жизнь летим, как в поднебесье,
Со звонами его щита.

И вечный бой! Покой опасен.
Без маеты, без немоты
«Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен».





В ГОД 150-ЛЕТИЯ М. М. ПРИШВИНА

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук,
профессор, член Союза писателей
России (Москва), историк литературы

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) – замечательный русский писатель, в творчестве которого главной темой была жизнь природы родной страны. Он много путешествовал и признавался: «Все́й этой своей географией я обязан вот этому чувству благодати, исходящей от родной земли»¹. Но Пришвин не просто мастер словесного пейзажа. Это писатель-исследователь и философ. На первом плане для него – смысл бытия человека и мироздания.

По собственному признанию, Пришвин «всю жизнь как писатель <...> только и делал это, что пытался своим искусством открыть этот мир сокровищ для людей» (401). На склоне лет художник записал в свой дневник, который вёл более полувека: «Иногда, очнувшись в лесу от своих мыслей, я как бы выгляну из себя и вдруг увижу вокруг деревья, цветы, травы, птиц, муравьёв как существ живых, самостоятельных. В особенности молодые сосны или берёзы, расставленные где-нибудь на лесной

поляне, – глянешь на них из себя и вдруг увидишь в каждом свою судьбу, свою борьбу. Тогда открывается в душе родник радости жизни, чистой, святой, и страстное желание прийти к людям, не понимающим этого, и открыть им непостижимые сокровища жизни, скрытые от них суетой, пустяками» (401).

10 марта 1950 года Пришвин заносит в дневник свои итоговые заветные размышления: «Что же касается эволюции, то есть преобразования во времени, то это есть движение всех частей к воссоединению и возрождению» (525). Вера в конечное торжество правды, в возможность гармонии всего сущего, стремление к этой гармонии давала писателю творческие силы для создания его оригинальной художественной прозы. Философские раздумья естественным образом переплавлялись в красоту словесной живописи, волшебство русского слова.

Такова удивительная пришвинская повесть «Жень-шень» (1932). Она сложилась под влиянием впечатлений от поездки писателя по редакционному заданию на Дальний Восток.

Впервые произведение с подзаголовком «Корень жизни» было опубликовано в третьем номере журнала «Красная новь» за 1933 год. А в феврале следующего, 1934 года, как раз ко дню рождения писателя, «Жень-шень» вышел

¹ Пришвин М. М. Собрание сочинений в 8 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 8. – С. 475. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.



отдельным изданием. 3 февраля Пришвин записал в дневнике: «Выход книги “Жень-шень”. Перечитываю и удивляюсь – откуда взялось!» (259) Так творение своим совершенством не переставало изумлять даже самого своего творца.

Не случайно писатель считал книгу о легендарном корне жизни одним из самых важных – коренных – своих произведений: «Эта вещь моя коренная». Более того – Пришвин называл повесть «скрытой автобиографией». «Вся моя особенность, все истоки моего характера и поведения берутся из моего физического романтизма, из некоей силы, которая понимается с общей мужской точки как слабость: тут всё, и в книге “Жень-шень” об этом я всё сказал» (561), – такое признание на восьмом десятке лет оставил писатель в своём дневнике.

В лирическом образе безымянного рассказчика в «Жень-шене» передан строй души самого автора, его напряжённая внутренняя жизнь и главное в ней – неистребимая романтическая мечта о всеобщей гармонии. Писатель надеялся даже, что на последнем суде Божьем, предстоящем каждому, повесть «Жень-шень» послужит оправданием всей его брэнной земной жизни. Всего за несколько лет до смерти, 14 марта 1950 года, Пришвин записал в дневник: «На Божьем суде, однако, я в оправдание своё могу показать “Жень-шень”: в нём содержится моя победа» (525–526).

Непрестанно, буквально до последних дней жизни, Пришвин мысленно возвращался к этой повести. Она продолжала тревожить его сознание, беречь душу, являлась во сне: «Ночью мне приснился мотив моей повести “Жень-шень”: “охотник, охотник, отчего ты не схватил её за копытце” – в его автобиографическом происхождении, и это во сне понималось как родник поэзии, который не задавит никакая скала» (294).

Живительный «родник поэзии» открылся рассказчику в повести, когда он, преодолевая свои физические инстинкты, сделал единственно верный выбор, решив сохранить «прекрасное мгновение» не в руках (что разрушило бы красоту), а в душе: «Я как охотник был себе самому хорошо известен, но никогда я не ду-

мал, не знал, что есть во мне какой-то другой человек, что красота, или что там ещё, может меня, охотника, связать самого, как оленя, по рукам и ногам. Во мне боролись два человека. Один говорил: “Упустишь мгновенье, никогда оно к тебе не возвратится, и ты вечно будешь о нём тосковать. Скорей же хватай, держи, и у тебя будет самка Хуа-лу, самого красивого в мире животного”. Другой голос говорил: “Сиди смирно! Прекрасное мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками”».

Писатель не переставал размышлять над своим творением, открывая в нём новые глубины, сакральные смыслы: «человек жизни вступает в борьбу со смертью и побеждает: любовь сильнее смерти. <...> я и “Жень-шень” свой понял как такую же борьбу» (352).

С этой повестью сопоставлял Пришвин и другие свои произведения, словно проверял их потенциальную значимость в сравнении с драгоценным корнем, вобравшим в себя все жизненные силы и тайны природы. И писателю нередко приходилось признаваться самому себе, что его новые сочинения уступают «Жень-шеню». Так, например, об одном из своих произведений Пришвин отозвался 4 апреля 1949 года в дневниковой записи: «В общем, как художественное произведение это не кристалл, подобный “Жень-шеню”» (520).

Бесценный пришвинский «кристалл» принёс писателю заслуженное признание, широкую известность в Советском Союзе и за рубежом. Повесть была переведена на иностранные языки. В 1936 году книга была издана в Лондоне с предисловием профессора Гексли. Писатель, которому тогда перевалило уже за 60 лет, не мог не радоваться, прямо по-детски, международному успеху своего творения. В пришвинском дневнике появляются записи: «9 июля. Великое счастье: “Жень-шень” пробил себе дорогу в свет, книга получена в роскошном издании с предисловием Гексли» (299); «у меня появляется друзей всё больше и больше, даже в Англии, даже в Германии “Жень-шень” назван “мужественной” книгой» (323).

В то же время не всем читателям – современникам Пришвина, даже высокообра-

зованным интеллектуалам, было дано понять и прочувствовать глубинный смысл повести. Писатель замечал в дневнике: «люди, привыкшие ценить в искусстве лишь красоту, а не знание и волю, нескоро меня поймут. Это видно по книге “Жень-шень”, с каким священным восторгом её читают немногие и как равнодушны к ней массы читательские» (401).

Но вот в юбилейный для Пришвина 1953 год – год 80-летия писателя – он получил неожиданный подарок. Дарители тоже были необычные – артиллеристы, проходящие военную службу на Дальнем Востоке – там, где более двадцати лет назад Пришвин создавал свой «Жень-шень». Артиллеристы-дальневосточники не просто удивили и порадовали писателя отзывом о его книге. В очередной раз Пришвин, уже на закате дней, убедился в верности своего литературного пути, дела всей своей жизни: «И теперь вижу ясно, что всё, написанное мною и признанное, были отдельные искорки из пережитого мною, из моей собственной жизненной поэмы. Если же люди эти искры узнают и понимают, значит, и они переживают эту поэму. Особенно убедила меня в этом юбилейная телеграмма какого-то артиллерийского расчёта: «Всем расчётом благодарим вас за “Жень-шень”». А между тем не раз я слышал мнение образованных людей о “Жень-шене”, что это “трудная философская вещь”. Значит, если “расчёт” понял, то существует же такое общее переживание одной поэмы» (632–633).

Созданная 90 лет назад, эта лирико-философская повесть и по сей день завораживает читателя.

Изумляют бесконечным многообразием картины девственной природы дальневосточной тайги: «среди коренастых стволов осокоря тут были чёрная берёза, ель, пихта, граб, мелколистственный клён, и дальше, когда мы прошли этот густой лес, перевитый лианами лимонника и винограда, в третий раз переменялась растительность на берегу какого-то неизвестного ручья: тут вперемежку с широколиственными ореховыми деревьями были только изредка кедры: редкие крупные деревья утопали в гу-

стейших зарослях крушинника, бузины, черёмухи, дикой яблони, под сенью которых, среди буйных тенелюбивых трав, где-то и надо было искать корень жизни Жень-шень».

Вслед за автором мы словно попадаем в первозданный земной рай: «Меня с малолетства манила неведанная природа. И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай. <...> лесистые горы, долины с такой травой, что всадник в ней совершенно скрывается, красные большие цветы – как костры, бабочки – как птицы, реки в цветах. Возможно ли найти ещё такой случай пожить в девственной природе по своей вольной волюшке!» Человек на мгновение может ощутить себя здесь абсолютно счастливым: «перевалил какой-то хребет и увидел перед собой голубой океан. Да, вот за одно только за это, чтобы увидеть с высоты перед собой голубой океан, можно бы отдать много <...> Долго я любовался с высоты, считая себя по всей правде счастливейшим в мире человеком».

Мне не раз приходилось воспринимать подобное переживание красоты дальневосточной природы – только уже не в книге, а в реальности – из многочисленных рассказов моего супруга Евгения Строганова, проходившего армейскую службу в середине 1980-х годов на Дальнем Востоке, среди уссурийской тайги. Своими глазами Женя видел и реликтовые растения, гигантские кедры и пихты, которые едва могли обхватить трое солдат, и россыпи дикорастущих ярких цветов и ягод, и огромных нарядных бабочек, и разноцветных длиннохвостых фазанов с диковинными перьями, и таёжные озёра с чистой родниковой целебной водой, и даже легендарный женьшень. А весной весь военный городок слышал рёв тигра – с вершины близлежащей таёжной сопки грозный голос хозяина тайги раздавался на много километров вокруг несколько дней подряд.

По удивительному совпадению, мой супруг тоже служил в артиллерийских войсках и мог бы присоединиться к отзыву своих предшественников – того артиллерийского расчёта, который в 1953 году прислал Пришвину к юбилею восторженный отклик о «Жень-шене». До сих



пор хранится у нас дома картина армейского художника-самоучки, изображающая сопки – характерный дальневосточный пейзаж. Женя попросил тогда своего сослуживца запечатлеть на память буйство осенних красок на прилегающих к военному городку сопках, которыми любовался за время службы. Неповторимое очарование дальневосточной природы глубоко запало в душу и супругу, и его сослуживцам-артиллеристам.

Бурно цветущие райские кущи в повести Пришвина расцвечены ослепительно яркими тонами: «Та долина, где бежит Зусухэ, вся сплошь покрыта цветами <...> Были ирисы – от бледно-голубых и почти что до чёрных, орхидеи всевозможных оттенков, лилии красные, оранжевые, жёлтые, и среди них везде звёздочками ярко-красными была рассыпана гвоздика. По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы, жёлтые с чёрными и красными пятнами аполлоны, кирпично-красные, с радужными переливами крапивницы и огромные удивительные тёмно-синие махаоны».

Посреди всего этого великолепия герой-повествователь «научился понимать трогательную простоту рассказа каждого цветка о себе» и постиг, что извечная мудрость природы и всего мироздания, открытая даже травинке, цветку, недоступна человеку в полной мере: «каждый цветок в Зусухэ представляет собою маленькое солнце, и этим он говорит всю историю встречи солнечного луча с Землёю. Если бы я мог о себе рассказать, как эти простые цветы в Зусухэ!»

Солнце оставило свои отметины и на животных. Например, в виде экзотического окраса с чередованием ярко-оранжевых широких и тёмных узких полос у хозяина тайги – уссурийского тигра. Причём замечено, что у каждого красавца-тигра рисунок расположения этих полос уникальный, единственный, одинаковых узоров не бывает. Солнечными пятнышками изукрашен мех таёжной рыси. Яркие лучики-кисточки красуются на ушках рыжей белки. Пришвин же выделяет «одно из самых прекрасных в мире, самых нежных и

грациозных существ» – пятнистого оленя. И на нём тоже словно рассып солнечных зайчиков.

К рассказчику приходит неожиданное прозрение – мысль о неразрывной глубинной связи всего живого, сущего в их единой судьбе: «и я сразу понял, почему китайцы этого драгоценного оленя зовут Хуа-лу, значит – олень-цветок».

Такое поэтическое имя дано оленю не только из-за окраса шерсти в виде пятен-цветков. Метафора более глубокая. Она выявляет процесс сотворчества человека и природы. В полной мере образ раскрывается после того, как герою несколько раз посчастливилось увидеть животное так близко, что он смог заглянуть ему прямо в глаза: олениха «сделала один и ещё один шаг ко мне. Я смотрел ей прямо в глаза, дивился их красоте, то представляя себе такие глаза на лице женщины, то на стебельке, как цветок, как неожиданное открытие среди цветов Зусухэ. Тут я ещё раз понял необходимость имени "олень-цветок", и мне было радостно думать, что много тысяч лет тому назад никому не известный желтолицый поэт, увидев эти глаза, понял их как цветок, и я теперь, белолицый, их понимаю тоже как цветок; радостно было и от того, что я не один и что на свете есть бесспорные вещи».

Эти дивные животные также становятся героями повести. Словно в волшебной сказке, олени имеют свои судьбы, собственные имена: Хуа-лу, Серый Глаз, Чернопинник.

Сказка продолжается наяву. Хуа-лу вдруг обернулась женщиной: «олень-цветок превратился в царевну...»; «поняв красоту необыкновенного зверя, я вдруг получил возможность продолжать это бесконечно далеко в человеке. Было – как будто я из тесного распадка вышел на долину Зусухэ, покрытую цветами, с бесконечным продолжением её в голубой океан».

Первая любовь, как несбывшаяся сказка: «я ничем не мог заменить себе то мгновение, когда олень Хуа-лу расцвела в человека и скрылась...», явилась животворящим источником создания повести. 14 ноября 1935 года Пришвин внёс в свой дневник исповедальную запись: «Первая любовь для мужчины только в

редчайших случаях делается любовью брачной <...>. И вот была одна первая любовь, только одна на всю жизнь (поэтическая аскеза)... И там ничего, и всё зря: разряд в пустоту, а песня остаётся, радостная тень любви: так создан «Жень-шень»» (285–286).

Редчайшее сокровище дальневосточной тайги – легендарный корень жизни жень-шень – тоже соотносится с оленем-цветком, в том числе по мощной силе целебного воздействия на человека. «Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то всё равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий... То же самое и панты, взятые с головы красивейшего зверя “Олень-цветок”» (232), – записал Пришвин в дневнике во время работы над повестью.

Издавна женьшень – это реликтовое растение – связан с благоговейным поклонением, окутан множеством преданий, легенд, суеверий. Корень растёт несколько десятилетий. Развившись, принимает очертания человеческого тела: «я тоже, разглядывая, с удивлением стал узнавать в этом корне человеческие формы: отчётливо было видно, как на теле расходились ноги, и тоже руки были, шейка, на ней голова, и даже коса была на голове, и мочки на руках и ногах были похожи на длинные пальцы». В период путешествия по Дальнему Востоку и во время подготовки повести Пришвину посчастливилось найти и сфотографировать женьшень: «21 июля. Солнечный день. Снимал жень-шень (человек-корень). Если говорят просто “Жень”, значит, корень представляет фигуру человека наиболее отчётливо» (231).

Увидеть в природе женьшень было не просто везением, улыбкой фортуны. Согласно древним поверьям, корень открывается только тому из людей, кто имеет чистую душу, доброе сердце, незапятнанную совесть: «для успеха в искании корня жизни надо иметь чистую совесть».

Писатель раскрывает не только медицинское понимание или суеверные представления о таинственном «корне жизни», давшем название

повести. Этот центральный образ произведения является символическим «исходным моментом житнетворчества». Для рассказчика поиски женьшеня в тайге оборачиваются поиском и обретением самого себя, своей внутренней сущности. Найти и понять «свой Жень-шень» – в этом, согласно Пришвину, заключается задача каждого человека: «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья!»

«Жень-шень» – это книга о жизни и смерти, о любви и разлуке, о вечном стремлении человека к счастью, к абсолютной гармонии и об осознании их недостижимости: «ты это понял, что нашёл своё счастье, пошёл навстречу ему, доверился, отдался, а оттуда в тебя, в ту самую точку, где находится счастье, начали стрелять».

Но, несмотря ни на что, пришвинский «Жень-шень» учит мудрости самопознания в самоотвержении, в умении выйти за пределы замкнутого круга узколичных интересов: «Да, мне кажется, в этом и есть творческая сила корня жизни, чтобы выйти из себя и себе самому раскрыться в другом».

Последние лирико-философские раздумья в повести – об умении понимать и принимать ход жизни: «Может быть, я ещё и о многом мечтал, но все эти мечты были, как я их потом стал называть, досрочными. В этом надо всем нам сознаться, что есть сроки жизни, не зависящие от себя лично; как ни бейся, как ни будь талантлив и умён – пока не создались условия, пока не пришёл срок, всё твоё лучшее будет висеть в воздухе мечтой и утопией, только я чувствую, я знаю одно, что мой корень Жень-шень где-то растёт, и я своего срока дождусь» – эти строки соотносятся с итоговыми, глубоко личными, последними исповедальными записями в дневнике писателя: «А природа моя – это личность, это живое изначальное творческое существо. Егто, это существо, и надо ожидать, вот именно надо уметь ожидать. В этом умении ожидания божественной личности, может быть, и таится начало всех наших искусств» (632).



Для Пришвина процесс творчества, вне сомнений, связан с Божественным началом, с воспламенением искры Божьей в душе человеческой, с проявлением Творца в творении. Писатель сознаёт, что без Господней воли, без Божьей помощи истинное творчество невозможно: «Так, оказывается, есть область, в которой при всём таланте к поэзии ничего не сделаешь <...>. Я думал <...> поможет мне смирение, сознание скромности моего места, любимая молитва: “Да будет воля Твоя” (а я – скромный художник)» (370–371).

Сохранять искру Божью, это хрупкое «прекрасное мгновение» во всей его красоте и правде, Пришвин стремился и в других своих произведениях, созданных после повести «Жень-шень», лирический герой которой признавался: «Всякий охотник поймёт моё почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим. Но во мне ещё был другой человек, которому, напротив, не надо хватать, если приходит прекрасное мгновение, напротив, ему хочется то мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда».

И читатель у Пришвина тоже особый, духовно родственник писателю: «Знаю, что не всякого читателя заинтересует моя “Тёплая капля”, и в особенности мало она даёт тому, кто в словесном искусстве ищет обмана, забвения от действительной жизни. Что делать – всем не угодишь, я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни» (371).

«Эта капля, это проходящее мгновение действительности <...>, всегда она – правда» (371), – сформулировал Пришвин в своём дневнике. Из дневниковых наблюдений-капель рождались новые творения, очерковые записи перерастали в художественную прозу. Таковы, например, «записки» «Лесная капля», поэма «Фацелия», сборники рассказов и сказок «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок», повесть-сказка «Корабельная чаща», сказка-быль «Кладовая солнца», цикл «Глаза земли» и многие другие мудрые и добрые произведения.

Пришвина нередко упрекали в том, что не время описывать «травинки и цветочки», когда идёт интенсивное строительство социалистического государства. В первую очередь якобы



нужны произведения об ударном труде рабочих и крестьян, об их борьбе за дело социализма. Но писатель вёл свою борьбу – против утилитарного отношения к человеку как к рабочей силе, против потребительского подхода к природе как к «мастерской».

И человек, и природа у Пришвина предстают как нерукотворный храм Божий, единое творческое целое, в котором никогда не кончается жизнь: «всё человеческое творчество состоит в том, чтобы умереть для себя и найти или возродиться в чём-то другом. Тут и думать-то особенно нечего, стоит только поглядеть на всё живое в природе и понять: всё живое – зверь, птица, дерево, трава – умирает для себя, чтобы воскреснуть в другом. Из этого не выходит, чтобы человек превращался в животное или брал себе с него пример. У человека есть своя человеческая область, где он умирает и возрождается: эта область – его человеческое творчество, или его собственный путь к бессмертию» (473).

В полном соответствии с евангельской заповедью: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (1Ин. 4: 16) – писатель утверждал: «главная сила человека в душе <...>, новый неведомый мир откроется людям, когда они обратят внимание туда»; «совсем недавно я наконец-то понял, что это стремление любить и было действием души моей и что душа – это и значит любовь» (423).



Бездна пространства

Владимир СПЕКТОР

«Пушкин! Он и в лесах не укроется: Лира выдаст его громким пением...» – так прозорливо писал о своём великом друге поэт Антон Дельвиг ещё в пору их общей юности. Он был прав. Пушкину нет нужды скрываться. Он и сегодня на виду у всего мира как лучший поэт России. Да и не только. «Полагаем, что имя поэта А. С. Пушкина сохранится в 2037 году и что не только поэтические его произведения, но и прозаические сочинения будут собраны и перепечатаны...» И в этом тоже не ошибся другой современник гениального поэта, Фаддей Булгарин. Пушкина издают и будут публиковать всегда. Ведь он, как метко замечено Аполлоном Григорьевым, «наше всё». И подтверждением всему сказанному могут стать полки

книжных магазинов, на которых произведения Александра Сергеевича всегда на видном месте и которые постоянно пополняются новыми изданиями, такими, к примеру, как собрание сочинений «Весь Пушкин», подготовленное издательством Александра Стручкова.

И стихи, и проза Пушкина удивительно современны и актуальны. Это свойство гениальной литературы. Так же современны сегодня пьесы Шекспира и Шиллера, проза Толстого, Достоевского, Чехова, поэзия Лермонтова, Байрона, Гёте... Как бы ни менялся мир в своём движении по пути к совершенству, открывая всё новые возможности, превращая некогда фантастические идеи в реальность, природа человека неизменна. И по-прежнему точнее и трогательнее, чем Пушкин, о жизни и надеждах, мечтах и разочарованиях сказать невозможно:



*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

Вот уже два столетия эта формула остаётся неизменной и неопровержимой. Как всё гениальное. И о любви лучше, чем Пушкин, тоже не скажешь. Можно по-другому, тоже хорошо и талантливо, оригинально и трогательно, как делали это Цветаева, Пастернак, Ахматова, Петровых, Есенин, Юрий Кузнецов... Но Пушкин сказал так, что сегодня его слова помнят и повторяют все влюблённые, говорящие на русском языке (и не только):

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты...
...И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.*

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Любовь к Пушкину не тревожит, она радует и вдохновляет. Его лирика – это «чистейшей прелести чистейший образец». В ней воплощение изящных чувств и возвышенных качеств человеческой натуры, данное в лаконичных, ярких и запоминающихся на всю жизнь строках. Добавим – в гениальных строках. Это понимали его современники, с этим согласны

их потомки вот уже на протяжении более чем двух столетий. Казалось бы, в технократический век, подаривший людям мощные компьютеры, способные слагать стихи, выбирая из множества рифм самые оригинальные, популярность поэта и его гениальных творений могла бы пойти на спад. Но этого не происходит. Магия его строк, их волшебное звучание по-прежнему чаруют всё новые поколения, и всенародная любовь к поэту остаётся неизменной. Не зря, обращаясь к Пушкину, писал столь же незабвенный Тютчев: «Тебя ж, как *первую любовь, России сердце не забудет!..*»

Кроме поэтического гения, в Пушкине привлекают, восхищают такие благородные свойства, как честь и достоинство, смелость и решительность, стремление к самосовершенствованию и готовность к самопожертвованию во имя идеалов, искренний патриотизм. Поражают пророческий дар, глубокий ум, эрудиция, умение мыслить не просто образно, красиво и оригинально, но и с философским размахом, на полное постижение которого не хватит и целой жизни.

*...Зачем от гор и мимо башен
Летит орёл, тяжёл и страшен,
На чёрный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет...*

И всё же для поэта и патриота Пушкина гражданственность лирики была негласным, но твёрдым условием, которому он следовал неизменно. Он не был ни шовинистом, ни злобным ненавистником других народов, нетерпимым к иному мнению. Он просто любил своё Отечество, даже обличая недостатки, которые видел и исправления которых желал. Но при этом одно из главных свойств автора и его поэзии – справедливость, уважение к читателю, независимо от его убеждений и места проживания. Удивился ли бы он, глядя на нынешние,

совсем не братские взаимоотношения стран, бывших некогда одной общей державой? Вероятно, и да, и нет. Да – потому что каждому здравомыслящему, совестливому человеку больно смотреть на злые распри родственных людей или народов. Нет – потому что, имея дар пророка, он всё это предвидел.

*...Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Пушкинский глагол всегда духоподъёмен и «сладостно вольнолюбив». Любовь к родному Отечеству для него не пустые, дежурные слова. Это основа жизненной позиции, выстраданной и неколебимой. Она прослеживается во всём его творчестве, увлекая, волнуя, подавая пример читателям и поэтам, всем, кто душой следует за ним, не предавая своих идеалов, убеждений, Родины и друзей.

*...Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Впрочем, предательство известно в мире с древнейших времён. Удивительно актуально звучат пушкинские строки, обращённые к политикам западных стран. Такое впечатление, что написаны они совсем недавно:

*О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?..
...Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?..
...От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

Сколько лет прошло... Но неизменно лишь удивление: «Почему не учит время политиков, президентов, генералов, простых людей, которые готовы так легко верить проходимцам, ломая жизнь себе и всем во имя мифических завоеваний?». Не хватает Александра Сергеевича, который писал, будто предвидел. И ему можно верить.

*...Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны...*

*...Зачем дрожащею рукою
Ещё он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!*

Но ненависть без любви бесплодна. Она обречена на поражение. Пушкин утверждал это всем своим творчеством. Дефицит понимания этого разрушает общество, мораль, и в целом жизнь ещё страшнее, чем пандемия. Тем не менее поэт дарит надежду, что победа будет на стороне правды и любви. Как верно оценивал другой гений, Фёдор Достоевский: «...Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе». Пушкин жив в нашей памяти, и его предсказания торжества справедливости звучат по-прежнему утешительно и вдохновляюще.

*...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор – и враг бежит.*

Бегут который век, который год не только враги Отечества, отяжелённые грехами, гонимые судьбой, по воле рока все мы мчимся неведомо куда и зачем, пытаюсь догнать ускользающую тень мимолётного счастья.

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*



Относительно молодой человек, каким был Пушкин в 1836 году, создал этот четырёхстрочный шедевр философской поэтической мысли.

И в нём, собственно, вся человеческая жизнь с её мучительными проблемами и попытками их преодоления, познанием себя и тернистого пути к божественному совершенству (возможно ли оно?), борьбой с собственными заблуждениями и предрассудками, ибо зачастую главный враг сидит в нас самих.

Друзья и враги, прошлое и будущее, любовь и ненависть, надежды и разочарования – всё это мир пушкинской поэзии, мир нашего бытия, в котором есть место для всего, в том числе и для безмятежного счастья (которое редко, но случается). И чаще всего это бывает в детстве. Вот уже более двух столетий детство немыслимо без сказок Пушкина, которые приходят к нам в первые годы жизни и остаются в ней навсегда. Его сказки – это как целебный источник для души и ума, который дарит заряд добрых чувств и светлых мыслей, воспитывая милосердие, сочувствие, сострадание. Справедливо и провидчески сказал о себе Александр Сергеевич:

*...И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.*

Он будет любезен нам не долго, а всегда, а его чудные сказки читаются, издаются, экранизируются и помнятся в любом возрасте. Его Лукоморье давно уже стало нашим. И, как сказано, дураки его сказок умнее сказок современных дураков.

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...*

Сказочный мир Лукоморья, в котором отважный Руслан борется за свою любовь, хи-

трый поп повержен смекалистым работником, а старуха своей жадностью и гордыней выводит из себя не только старика, но и золотую рыбку, немыслим без сказочных картин природы. Описания её у Пушкина волшебны не только в сказках, но и в лирических стихах, в «Евгении Онегине», поэмах, везде, где речь заходит о красоте и чарующем обаянии окружающего нас пространства, будь то лесные заросли или степные просторы, речная гладь или небесная высь. Причём красота их не зависит от поры года или суток, погоды или настроения. Эти картины и наяву, и особенно в стихах поэта всегда остаются неизменно прекрасными.

*...Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...*

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...*

*...Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...*

В детском саду или школе каждый из нас учил, читал и декламировал какие-то из этих пушкинских строк или четверостиший. Да и потом вся жизнь не только в России, но и везде, где звучит русская речь, в какой-то мере проходит под знаком Пушкина. Его книги и собрания сочинений издавались миллионными тиражами. И продолжают издаваться. Его день рождения давно стал всенародным праздником, и именно в этот день отмечается День русского языка. Кстати, очевидцы рассказывали, что в день его 150-летия салют в Москве был таким же потрясающе ярким и масштабным, как в День Победы. И это не удивляет. Ведь Пушкин любим всенародно и искренне, как одно из главных достояний рус-

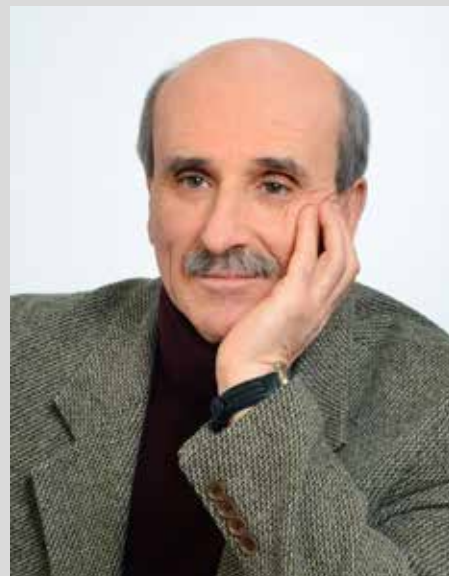
ской и мировой культуры. Не зря даже строгий Белинский говорил о нём: «Он навсегда останется великим, образцовым мастером поэзии, учителем искусства. К особенным свойствам его поэзии принадлежит её способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности». «Неистовому Виссариону», как называли знаменитого критика, можно верить. Но более всего нужно доверять гению поэта, его стихам и прозе, которые сопровождают нас по жизни уже более двух столетий. Сменяют друг друга поколения, «летят за днями дни», но Александр Сергеевич Пушкин стоит на своём постаменте и будет стоять на нём вечно, ибо русская речь и культура окончания не имеют.

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь – как раз умрём.*

*На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

«Тут всё: и наслаждение, и простота, и мгновенная высотность мысли, вдруг обземлющая священным холодом вдохновения читателя... Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. **В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда происходит то, что эти сочинения перечитываешь несколько раз...**» Это оценка великого Гоголя, который, как все гении, тоже был пророком. Бездна пространства – в каждом пушкинском слове, мысли, чувстве, и это пространство подарено, завещано всем нам. Осваивать его – это значит читать и перечитывать Пушкина, наслаждаясь мудростью и красотой Слова, величиим простоты и простотой величия. Это значит помнить и любить то, что забывать нельзя – свои истоки, Родину, родную речь и культуру. В которой есть солнце, чьё имя – Пушкин.

Лицейский сад. Осенний дым. И сквозь него всё менее заметны последней реставрации



Владимир СПЕКТОР

Родился в 1951 году в Луганске, где окончил машиностроительный институт и факультет журналистики университета общественных профессий. После службы в армии работал конструктором, пресс-секретарём на тепловозостроительном заводе. Стал автором 25 изобретений, членом-корреспондентом Транспортной академии Украины. Начиная с 90-х годов был заместителем директора радио «Скайвэй», главным редактором телекомпании «Эфир-1», собкором киевской газеты «Магистраль», редактором журнала «Трансмаш».

Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат нескольких литературных премий. Почётный председатель Межрегионального союза писателей, член Национального союза журналистов Украины.

Публиковался в разных журналах.

С 2015 года живёт в Германии.



Ангел по имени Пушкин

Владимир СПЕКТОР

Ангел по имени Пушкин, прекрасен и неубиен,
В небе парит и пророчит: мол, всё будет мило.
Памятник видит и надпись читает: не Пушкин –
Дассен.

И не поймёт ничего серафим шестикрылый.

Ангел поёт про свободу, где счастья
 пленительный свет.
Пушкин читает, и память опять рукотворна.
Сердцу, живущему будущим, воли в покое
 всё нет.

Время не ангелов – бесов, войны и попкорна.

Ничего не изменилось,
Только время растворилось
 И теперь течёт во мне.
Только кровь моя сгустилась,
Только крылья заострились
 Меж лопаток на спине,
И лечу я, как во сне.
Как цыганка нагадала:
Всё, что будет, – будет мало.
 Быть мне нищим и святым.



Где-то в сумраке вокзала
 Мне дорогу указала.
Оглянулся – только дым.
Где огонь был – всё дымится.
Крыльев нет. Но есть страница,
Вся в слезах. Или мечтах.
На странице чьи-то лица.
Небо, дым, а в небе птицы,
Лица с песней на устах.
Ветер временем играет.
Ветер кровь мою смущает
 Наяву или во сне.
Мальчик с узкими плечами,
 Парень с хмурыми очами –
Я не в вас. Но вы во мне.
Мы с лопаткой на ремне
 Маршируем на ученье,
Всё слышнее наше пенье.
 Мы шагаем и поём.
О красавице-дивчине,
 О судьбе и о калине,
И о времени своём.

* * *

И в самом деле, всё могло быть хуже.
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел, кружит,
Как будто подтверждая: «Всё неплохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт потерям,
Где голубь предстаёт воздушным змеем...
В то, что могло быть хуже, твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

* * *

Дым воспоминаний разъедает глаза.
Память о доме, как воздух, закачана в душу.
Дом пионеров. Салют! Кто против? Кто за?
– Ты ведь не струсил поднять свою руку?
– Не струшу.

Трусить – не трусить... Любишь вишнёвый компот?
Помнишь рубиновый цвет и обманчивость вкуса?
Память с трудом отдаёт. Но зато как поёт...
Дым превращая в дыханье. А минусы – в плюсы...

* * *

Ну что с того, что я там был...

Юрий Левитанский

Ну что с того, что не был там,
Где часть моей родни осталась.
Я вовсе «не давлю на жалость»...
Что жалость звёздам и крестам
На тех могилах, где война
В обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя,
Хоть, кажется, ещё видна
Тень правды, что пока жива
(А кто-то думал, что убита),
Но память крови и гранита
Всегда надёжней, чем слова.
Ну что с того, что не был там,
Во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там – сорок пятый!
Забрать хотите? Не отдам.

* * *

Я, к сожаленью, видел это – плевков ракетный,
роковой...
И стало окаянным лето, а тень войны
над головой
Накрыла сумраком смертельным любви
погасшие зрачки,
Где отразился понедельник началом
траурной строки.

* * *

Условно делимы на «право» и «лево».
Как славно незримы «король, королева,
Сапожник, портной»...
Это со мною и с целой страной,
Где всех поделили почти безусловно
На «любишь – не любишь», на «ровно – не ровно»,
А будто вчера
Жизнь беспечной была, как сестра,
Страна, где так быстро привыкли к плохому,
Где «эники-беники» вышли из дому,
А следом свинец,
Хочешь не хочешь, но сказке – конец.

* * *

Маятник войны – как маятник Фуко.
Взгляд со стороны – близко и далеко.
Маятник беды – не дальше, чем враньё.
Ты или не ты – эхо беды твоё.
Справа – страшный суд, слева – концерт на бис.
Кто ушли – придут. Время, и ты вернись...
Времени злой дождь гасит небесный свет.
Верю, что придёшь. В маятник веры нет.

* * *

Принимаю горечь дня,
как лекарственное средство.
На закуску у меня карамельный
привкус детства.
С горечью знаком сполна –
внутривенно и наружно.
Растворились в ней война,
и любовь, и страх, и дружба...



* * *

И музыка играла, и сердце трепетало...
Но выход был всё там же, не далее, чем вход.
Не далее, не ближе. Кто был никем – обижен.
Я помню, как всё было. А не наоборот.

Я помню, помню, помню и ягоды, и корни,
И даты, как солдаты, стоят в одном ряду.
А врущим я не верю. Находки и потери
Приходят и уходят. И врущие уйдут.

ДЕТСТВО

Дед шил шапки
И пел песни.
А я сидел на столе
И ел картошку.
Пахло кожей
И тёплым мехом.
А на стене
Висела карта мира.
И два портрета
С той картой рядом.
А на них –
Два моих дяди,
Одеты в солдатскую форму,
Чему-то заодно смеялись...
Давно дед шил
Последнюю шапку.
Давно дед спел последнюю песню.
А со своих портретов
Смеются геройски дяди...
Смеются
Из моего детства.

* * *

Было и прошло. Но не бесследно.
Память, словно первая любовь,
Избирательно немилосердна,
Окунаясь в детство вновь и вновь,

Падая в случайные мгновенья,
Где добром отсверкивает зло...
Счастьем было просто ощущение,
Что осталось больше, чем прошло.

* * *

Из-под снега выглянет асфальт –
Как лицо из-под белил.
Главного ещё я не сказал.
Хоть и много вроде говорил.

Всё старо, как прошлогодний снег.
Да и нынешний уже не нов.
Хоть и близким кажется успех –
Дотянуться не хватает слов.

Поищу их в письмах фронтовых.
Там про снег и про войну.
В лица дядей вечно молодых
Сквозь их строки загляну.

Снег в тех письмах тоже молодой,
Лучшие слова – одни на всех.
Время между мною и войной –
Утрамбовано, как снег.

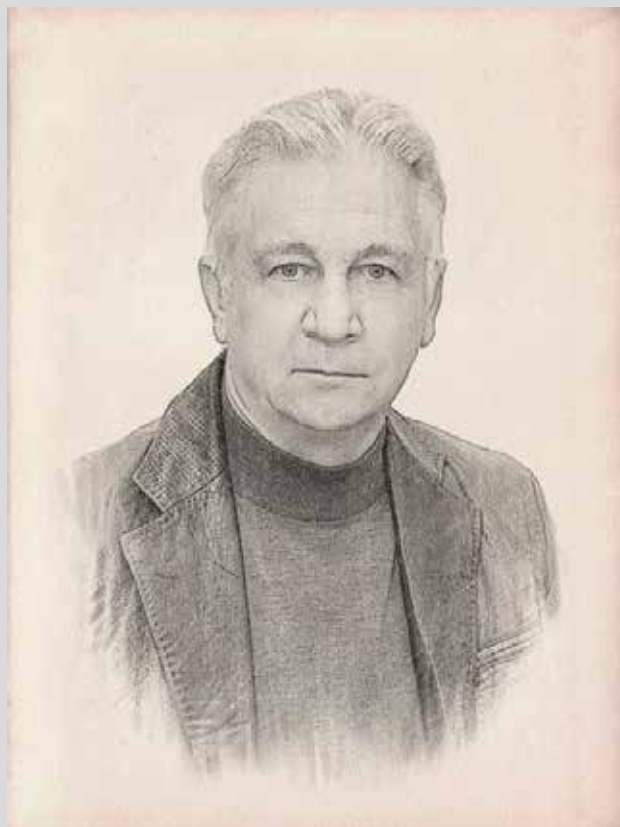
* * *

Вспоминаю армейскую жизнь.
Как шептал я себе: «Держись!»
Как гонял меня старшина
И кричал мне: «А вдруг война?..»

Как я песни в строю орал,
Как потом в лазарете хворал.
Как до блеска я драил полы,
Как казался себе удалым,

Хоть и не был большим удалцом –
Хмурый воин с худющим лицом.
Но зато по команде «Отбой»
Засыпал я, довольный судьбой,

Потому что служил стране
И светилась звезда в окне,
Потому что, как ни ряди,
Жизнь была ещё вся впереди.



Николай ДЕНКЕВИЦ

Николай Эрнстович Денкевиц родился в 1954 году в Куйбышеве.

В 1976 году окончил Куйбышевский политехнический институт имени В. В. Куйбышева, в 1991 году – экономический факультет Всесоюзного заочного финансово-экономического института.

Инженер-электрик, экономист. Много лет работал на Куйбышевском нефтеперерабатывающем заводе, прошёл путь от электромонтёра до главного энергетика завода. Ветеран труда. Почётный энергетик России.

Стихами увлекается с юности. Поэт. Член Российского союза писателей. Автор поэтического сборника «Душа».

Печатался в разных журналах.

Участник Второго открытого чемпионата Балтии по русской поэзии (2013). Номинант национальной литературной премии «Поэт года». За вклад в развитие русской литературы награждён медалью «Александр Пушкин 220 лет».

Живёт в России, в городе Самаре.

Статусы

*Не бойся смерти: пока ты жив – её нет,
когда она придёт, тебя не будет.*

Эпикур

1

Шалит дитя, и мать корит его не строго,
В её глазах любовь к нему видна.
Дитя! Чудесно время детства золотого!
Свою ты душу сохрани, пройдут года,
В конце пути яви её до Бога,
Прозрачную, как родниковая вода.
Рождённая душа лишь чистый лист бумаги.
Не написала жизнь пока суровой саги.

2

Играючи парит над Волгой высоко
Воздушный змей в лучах волшебного заката,
И после дождика так дышится легко,
И грома слышатся далёкие раскаты,
Плывут по лужам стаи белых облаков,
Пьянящей свежестью природа вся объята.
И, как воздушный змей, моя душа
не чувствует года.

В моих мечтах она беспечна, молода.

3

Луч солнца золотой играет на деревьях,
Блестит чуть серебром пожухлая трава,
Обходит ветер ледяной свои владенья
И голый лес. Природа вся мертва.
Поникла осень, проиграв сраженья.
Спешит зима вступить в свои права.
Луч солнца золотой как нити судеб,
«А смерть когда придёт, меня уже не будет».

**БРАТ**

*Но я молчу: нельзя чужой рукой
Спаси того, кто к смерти сам стремится.*
Микеланджело

Ты мне как брат.
С тобой мы в юности союз скрепили кровью.
Как празднику, тебе всегда был рад,
Наш близкий круг встречал тебя с любовью.
В то время оттепель пришла, как божество,
И племя юное дышало новью.

Где наша юность? Ты зеваешь от тоски,
И взгляд твой мрачен от безделья,
И седина чуть тронула виски,
В твоих глазах давно уж нет веселья,
И жаждет плоть лишь одного:
Принять с похмелья зелье.

Раздавлен жизнью ты.
Тебе осталось лишь смириться.
Воспоминания летят из тьмы...
Ночная бабочка над лампочкой кружится.
«Нельзя чужой рукой спасти того,
Кто к смерти сам стремится».

РОНДО

Зачем страдать? Идешь с толпой крикливой,
Страдаешь ты душою сиротливой,
И видно: любит боль тебя всерьёз
И ранит душу, как шипы от роз.

Прожить страдание – наш путь тоскливый.
Душа болит, ты не юнец сопливый,
И к жизни твой подход довольно прост.
Страдать иль не страдать – вот в чём вопрос.
Зачем страдать?

Мы все уйдём из жизни суетливой.
В страдании ты видишь мир счастливый?
Раскрыться боли дай, уйди без слёз,
Как чашу с ядом мимо рта пронёс.
Теперь ты знаешь, гордый, молчаливый,
Зачем страдать.

ТЕРЦИНЫ

Питают душу страсти – не покой.
Микеланджело

Горят огнём осенние листья,
По воздуху летает паутина,
И в осень наши помыслы чисты.
И прожил я уж больше половины.
«Питают душу страсти – не покой».
На лист ложатся стройные терцины.
Ломают страсть порядок наш земной,
И заключает нас в свои объятия,
И держит, словно в клетке золотой.
Мы упиваемся своею властью,
А изнутри нас пожирает страсть,
Не принося ни радости, ни счастья.
И смерть, и грех во власти держат нас,
И, как овец, ведёт судьба кривая,
Пока последний вздох наш не угас.
Живём во зле, погибель приближая,
Не пустят в рай меня мои грехи,
И мается душа моя, страдая.
Люблю свои последние стихи.

* * *

Здесь случайность витает над всеми.
На войне нет хороших людей,
Погибает красивое племя,
И становишься жёстче, грубей.

Не жалеешь, что стал добровольцем,
И подарка не ждёшь от судьбы,
Ты нашёл своё место под солнцем,
Не свернуть уж с военной тропы.

Перед боем так тянется время...
Нужно выжить, охватит озноб,
Застучат тебе мысли под темя,
И покроет испарина лоб.

Выживает в бою расторопный,
И летят твои быстрые сны,
Вспоминаешь в трясине окопной
Интересную жизнь до войны.

ЕСАУЛ

Нет героев в прошедшей Гражданской войне,
Где отважный твой дед воевал есаулом.
На войне только кровь, не жалеют коней,
Где понятие «брат» исчезает под дулом.
«Есаул» на Донбассе был твой позывной,
Били «Грады»: Луганск весь пожаром объятый,
Из домов выносили людей – кто живой,
А «укропы» утюжили танками хаты.
Из огня да в полымя кидает страну.
Всё проходит, и старая Русь не вернулась.
И в Донецке мальчишки играют в войну
И в игре называют себя «Есаулом».

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

Занавески висят здесь годами,
И на пол часто люди плюют,
Затесалось кафе меж домами,
Называют: «Последний приют».

Маска сброшена после стакана.
Не сложился семейный уют.
Жизнь горька со слезами обмана,
Душа ищет последний приют.

Души мечутся в пьяном угаре,
Здесь Володька – лихой уркаган –
На раздолбанной старой гитаре
Твою душу порвёт за сто грамм.

* * *

Блажен, когда моя душа честна,
Ей наплевать на деньги и арены,
И никогда не встанет на колени.
Пока я жив, и смерть не так страшна.
И жизнь моя лишь тем омрачена,
Не принял я чужие перемены:
Войны страдания, людской измены.
И смутные настали времена.
Блажен, когда «друзья», и мне не рады,
И гнев кипит, и мучают сомненья,
И счастлив я, что не утратил смех.
Иду вперёд, я не прошу пощады,
Дорога приведёт к реке забвенья,
И не стараюсь испугать свой грех.

СТАРИК

Зачем ты душу рвёшь свою, старик,
И подвести пытаешься итоги?
И, как слепец, не видишь: проводник
Ведёт Россию не по той дороге.

Ты жил в бараке, поднимал страну,
Народ стремился сказку сделать былью,
Но пробил час: корабль пошёл ко дну,
Идеи коммунизма стали пылью.

Твоя душа как выжатый лимон.
Старик усталый никому не нужен,
Жизнь пролетела, словно чудный сон,
На кухне ждёт тебя холодный ужин.

И за собою зло ведёт вождей
В стремлении к богатству и всемогуществу,
И нет конца страданиям людей.
Ты скуп на слёзы – это от бессилия.

* * *

*Поэта судит только время...
Только оно присваивает ему великое имя.
Омар Хайям*

Не жду я горькой славы, как отравы.
Не подошёл мне шутовской колпак,
И не кичусь стихами, как дурак,
И время смутное мне не по нраву.

Творец, избавь меня от шумной славы,
От фальши медных труб, метаний, драк,
Всё суета сует, и в жизни мрак.
Поэзия не кукла для забавы.

Верна моя душа заветной лире.
И прожил я уже немало лет.
Мне с музой рай, надеюсь, что поэт.
В давно прогнившем и безумном мире
Хватило веры мне, духовных сил,
И счастлив я, что душу сохранил.



САМОЛЁТ «АЛЕКСАНДР ПУШКИН»

Анатолий Васильевич Табуркин – ветеран воздушного флота. Отлетал 37 лет и за это время стал не только асом своего дела, но и настоящим коллекционером-пушкинистом. По счастливой случайности маршрут его самолёта часто пролегал по пушкинским местам, где он приобретал всё, что связано с именем Пушкина. В результате накопилась большая коллекция. В 1997 году, узнав о Пушкинском клубе в нашем городе, пришёл туда со всеми своими материалами. Собранная коллекция не только получила одобрение со стороны членов клуба, но и была отмечена почётной грамотой за умело подобранный материал, имеющий большую познавательную ценность.

Но на этом поиск материалов не закончился. Однажды он узнал от коллег о самолёте с названием «Александр Пушкин». Заинтересовался. Перерыл немало материалов, побывал в архивах, музеях. История самолёта оказалась очень интересной. Сначала коллекционер вышел на писателя Ивана Новикова, автора ряда биографических повестей о Пушкине и ряда исследований о его творчестве. Он жил в военное время в городе Каменск-Уральском. В канун 106-й годовщины со дня смерти поэта писатель начал проводить вечера, посвящённые Пушкину, для рабочих военных заводов. На билетах специально указывалось: «Весь сбор на вечере И. А. Новикова поступает на покупку боевого самолёта "Александр Пушкин"». Поклонники поэта с большим интересом посещали вече-

ра. И вот наконец сумма в 100 тысяч рублей была собрана. В день памяти Александра Сергеевича 9 февраля 1943 года писатель выслал телеграмму об этом в Кремль. В ответ пришла телеграмма с благодарностью лично от Сталина. Её Анатолий Табуркин нашёл аж в музее Ф. М. Решетникова.

А дальше события последовали своим чередом. Вскоре боевой истребитель Як-7Б с надписью «Александр Пушкин» на борту уже сражался над родной Ивану Алексеевичу Орловщиной. А летал на нём командир эскадрильи капитан Юрий Иванович Горохов. Выбор на него пал не только в силу его личных боевых качеств – он со школьных лет увлекался Пушкиным. И на войне читал с воодушевлением его стихи. В военных сводках отмечали, что



Юрий Иванович Горохов

он сражался с особой отвагой. Теперь он воевал «вместе» с Александром Пушкиным. Свой первый боевой вылет на этом самолёте Горохов совершил 28 июня 1943 года и сразу сбил вражеский бомбардировщик. В эфир понеслись радостные слова: «Боевой счёт "Пушкина" открыт! Бомбардировщики обезглавлены!» А их было тридцать семь. Затем Горохов сообщил на командный пункт: «Налёт отражён. Самолёты покинули поле боя». Перешёл на приём и услышал голос командира: «Правильно... Имя Пушкина вписывается в летопись нашей победы».

В конце 1943 года «Александр Пушкин» был отправлен на профилактику. Получив новую машину, Горохов передал самолёт «Пушкин» другому пилоту, Василию Андреевичу Бахиреву. Напутствие его новому пилоту было таким: «Смотри, Вася, береги "Пушкина". Очень сильная машина». Действительно, она такой и оказалась. На «Александре Пушкине», вернувшемся вскоре в строй, стали сражаться другие лётчики. Самолёт «дошёл» до Берлина, а после Победы вместе с другими истребителями был передан одной из частей, которая осталась в Германии.

Меня же заинтересовало, как наш екатеринбургский лётчик пришёл к Пушкину? Он сам из Ирбитского района, из посёлка Красногвардейского. Полюбил ещё в школе? Такая любовь бывает на всю жизнь. Нет, как и все мальчишки, тогда он больше любил футбол. Но тут Анатолий Васильевич показал фото, на

котором запечатлена липовая аллея в самом центре посёлка, посадка которой была осуществлена ещё в 1899 году, когда жители широко отмечали 100-летнюю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина. С тех пор она и называется Пушкинской аллеей, на ней 6 июня 2014 года была установлена мемориальная доска с портретом поэта. А в 1974 году, когда отмечалось 175-летие со дня рождения Пушкина, в саду, в тени липовых крон, собрались жители посёлка и члены литературного объединения «Родничок». Рассказывали о творческом пути Пушкина. Местные поэты читали свои стихи, посвящённые юбиляру. А школьники читали его стихи и отрывки из поэм. Конечно же, наш пушкинист не мог пройти мимо знаменательных событий. Пушкинская аллея, можно сказать, стала той взлётной полосой, которая подняла потом в небо юного ирбитчанина.

Валентина ЧЕРЕМИСИНА





ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Яков ШАФРАН

*Душа путешествует в жизни
не только по горизонта-
ли, но и по вертикали
и лишь по мере раскры-
тия сознания человека
может осознать это и причины
данного перемещения
в ту или другую сторону.
Такое редко происходит в детстве,
чаще уже в зрелом возрасте.*

Мальчик жил в небольшом посёлке, стоящем на песке, в глубокой лесной провинции и втайне мечтал о большом городе, о каких

слышал по радио – крупной чёрной картонной тарелке, висевшей над его постелью. Однако таковых поблизости он не знал, ведь родители из своей местности не выезжали. Тёти, родные младшие сёстры матери, учившиеся в медицинском институте в далёком краю, приезжая к ним на летние студенческие каникулы, рассказывали о жизни в нём. Но потом, после окончания усердной учёбы, они, не имея ни «внушительной», ни «волосатой» руки, по распределению уехали в сельские больницы и тоже никуда оттуда не ездили. Одна из них, отработав три обязательных года, получила в городе, где родилась и из которого ребёнком уехала в эвакуацию, квартиру, как мать-одиночка с младенцем на руках и как

врач, необходимый на тот момент для оборонного предприятия...

Однажды мальчик, его звали Лёней, сильно обиделся на суровый и даже жестокий, во всяком случае вроде так показалось, несправедливый поступок матери, когда она единым махом сбросила с письменного стола на пол фигурки героев любимой им книги «Волшебник Изумрудного города» и её продолжений, частью вырезанные из дерева, частью вылепленные из пластилина, кропотливо изготовленные своими руками. Он ожидал хотя бы скупой похвалы его рукоделию, а вместо этого фигурки, с большой любовью исполненные, теперь, основательно искалеченные, валялись по полу. Лёня написал обстоятельное и взволнованное письмо, и не «на деревню дедушке», а как раз тёте, получившей квартиру, слёзно жалуясь на беспричинную, холодную безжалостность матери, описывая все, далеко не единичные, а во множестве имевшиеся в прошлом случаи несправедливого отношения к нему. Мальчик просил забрать его к себе, чтобы там окончить среднюю школу и поступить в институт, в который, правда, ещё не решил.

И всё удалось будто по лёгкому мановению послушной волшебной палочки: и тётя согласилась принять, и мать отпустила, в чём определяющую роль, что после стало ясно, сыграли два весомых для неё аргумента: тот край, естественно, являлся и её малой родиной и светила заманчивая перспектива серьёзной учёбы сына. Только на этом чудесное волшебство не кончилось. В памятный вечер, когда пришло ответное письмо с сердечным согласием, Лёня лежал в постели, но не спал. Комната наполнилась молчаливым сумраком. Стояла глубокая осень, однако необычно мягкая и тёплая, и форточка была открыта настежь. За окном погромыхивало – неслыханная редкость в данное время года, – тем не менее ожидаемый дождь не начинался. Вдруг через форточку медленно вплыл небольшой огненный шар и направился прямо к нему. На середине пути он неожиданно остановился. Они как бы неотрывно и пристально глядели друг на друга. Минуту, наверно, несколько мгновений, казавшихся продолжи-

тельными, по крайней мере так чувствовалось, и шар поплыл к окну и исчез за ним...

А в морозном, суровом январе, после окончания второй учебной четверти в школе, Лёня с матерью ехал в город к тёте. Неизвестное, но перспективное будущее, многообещающая, мечталось, жизнь в новой среде, иная, не сельская школа, заманчивые перспективы затмевали в возбуждённом подростковом сознании невольное сожаление о родном доме, любимых местах, где читал и играл, откуда любил обозревать близлежащие, милые сердцу, живописные окрестности; о поселковой библиотеке, в которой, несмотря на несовершеннолетие, был записан в предыдущем году на взрослое отделение; о близких друзьях детства. Это в совокупности своей оставалось позади, а он на скором поезде всё быстрее и быстрее устремлялся вперёд.

Во время езды Лёня буквально прилип к вагонному окну и любовался проплывающими мимо очень красивыми зимними лесными, полевыми и жилыми пейзажами с крупными и пышными шапками снега на растущих одиноко и группами деревьях, на крышах – как на экране поселкового кинотеатра и вместе с тем Дома культуры, куда он часто бегал на сеансы за десять копеек вместо покупки любимого мороженого. И эта неподдельная и несказанная радость от увиденного, уходящего вдаль, в прошлое, хотя вроде и закрывающего от него интересное и увлекательное новое завтра, рождала в нём, казалось, неизбывную жизненную, ещё не до конца осознаваемую им, но созидательную силу. Однако невдомёк Лёне тогда было, что она являлась в основном не мужской, ибо полученное в раннем детстве и отрочестве воспитание – порой строгое, порой доброе – всё же чисто женское. Только женщины довели над ним – мать, пусть и суровая, и одинокая строгая тётя, к которой он ехал. Отец был мягким, безобидным человеком, живущим подобно редкому и нежному домашнему растению и не касавшимся развития детей во всех столь необходимых аспектах – физическом, половом, умственном и нравственном. В их немалом семействе имелись двое настоящих мужчин – двоюродный дед и дядя, его сын,



но те жили далеко, да и семейство не представляло собой сплочённый род... И не понимал мальчик в ту далёкую беззаботную пору, почему именно такие родители даны ему, как проблемные дети, которых он должен воспитывать, будучи выше по духу, а с другой стороны, учиться их положительным человеческим качествам, чтобы синтезировать в себе. Тонкие материи в настоящем роде не стали для него в ту пору ещё понятными.

...Минуло время. И вот свершилось. После ничем не примечательных двух с половиной лет старательной школьной учёбы Леонид поступил в политехнический институт, и на перспективную специальность. В тот год и семья перебралась на родину матери. И у парня оказалась отдельная, непроходная, просторная комната в трёхкомнатной, удобной планировки квартире, в доме, расположенном в зелёном районе. Красивый, уходящий вдаль вид открывался из его окна.

Зимне-весеннее полугодие второго учебного курса Лёня закончил блестяще, на одни «отлично», что являлось немаловажным, ибо давало право на получение повышенной стипендии. А это для весьма небогатой семьи с сорока рублями на человека – неплохое дополнительное подспорье для бюджета размером в десять рублей. Данный семестр вообще выдался для Леонида праздничным, чему способствовало и одобрительное отношение ряда преподавателей, и друзья-одногруппники, и увлекательные книги – особенно одна из них, о повсеместности разумной жизни во Вселенной, – и многое иное. В каникулы он по нечаянной путёвке поехал отдыхать в студенческий оздоровительный лагерь, действительно полностью соответствовавший определению «оздоровительный»: кругом выдыхающие озон хвойные леса, величавая река – приток Волги, – тёплая и солнечная погода, чистое голубое небо. Лёня наслаждался освежающим отдыхом и восстанавливался от шести экзаменационных напряжений: выпускных в школе, вступительных в вуз и четырёх за два года обучения, поскольку был прилежным студентом. Необходимо было набираться и благотворных сил на близкое будущее.

Огромная захватывающая радость – ежедневное и частое купание в реке. Нужно сказать, что благодаря неполноценному «женскому» воспитанию Леонид не приучил себя куда-то ходить или ездить, чтобы окунуться в водную стихию. А тут рядом река – большая, многоводная, с ровным, чуть положим у лагеря дном. И однажды, хотя не умел плавать, решил применить свои навыки плавания без дыхания и лицом в воду, приобретённые в дни короткого гостевания – краткого, но незабываемого мига свободы от влияния женщин – у двоюродного деда в Ташкенте, на изрядных размеров чистейшем озере Центрального парка. Проплыл по довольно широкому кругу далеко от песчаного пляжного берега, пока хватало воздуха в лёгких – а хватало надолго, объём их позволял, – он захотел встать на уже ставшее привычным неглубокое дно, и... дна не оказалось.

Как потом выяснилось, Лёня попал в речной омут, вода была очень холодной, и для не умеющего плавать и это стало достаточным. Резкий холод, полная неожиданность произошедшего привели к внезапной потере отчётливого ощущения «лево – право», «верх – низ», сковали движения, его закрутило и потянуло вглубь. Воздух в лёгких кончился, парень начал задыхаться и заглатывать воду. В сознании замелькали ключевые, подобные кадрам кино, эпизоды недолгой жизни, только почему-то в обратном хронологическом порядке – с сегодняшнего дня и до рождения, причём появление на свет представлялось осмысленным. И удивительно, никакого страха неминуемой физической смерти и предсмертной воли жить не ощущалось. Имел место лишь всепоглощающий оценочный интерес души к видимому им, и живое сожаление о несвершившемся будущем посетило на краткий миг.

И в этот момент Леонид почувствовал, что чья-то сильная рука обхватила его за талию и вытащила на ровную поверхность спасительного дна. Однако выйдя на берег и получив от своего спасителя помощь в восстановлении дыхания, он ограничился одним «спасибо» и рукопожатием и, встречаясь с ним в следующие дни, не поблагодарил, как положено,

и не спросил ни имени, ни номера телефона. После случившегося Лёня ни с кем не общался, ни о чём не думал, находился будто в вязком тумане. И ранним вечером, несмотря на громкие оживлённые разговоры соседей по палатке и громкую бодрую музыку на танцплощадке, неодолимый сон объял его.

...И приснилось. Он являл собой некое могущественное Существо высокой духовной степени, до какой возвысился длительными, сознавал, эпохами предшествующего существования. Глубокое уважение равных ему и порой благоговейное поклонение занимавших более низкий иерархический уровень – вот это его и окружало. Но не настоящее наполняло существование, а многочисленные священные обязанности служения, лежавшие на нём и на верных соратниках. Обязанности по всемерному развитию и непрерывному совершенствованию сферы, за которую те несли ответственность, включающую постепенную эволюцию индивидуального и коллективного сознания её бесчисленных обитателей, братское сотрудничество с непосредственными кураторами других эволюционных сфер и дальними обитаемыми звёздными мирами. Мощное неземное свечение, излучавшееся Леоном – Существо звали именно так, – было видно в ближних и дальних, высоких и более низких горных слоях, в прошлом и будущем, ибо там времени в обычном смысле сего слова не существовало. Он обладал колоссальными возможностями, вполне заслуженными своим бессмертным духом...

И вдруг Леон увидел бескрайнюю тьму – та объяла пространство вокруг него, и в данном окружении понял себя исключительно единственным, непревзойдённым светом. Вслед за этим пришла мысль, показывающая его главным, наибольшим, словно нет, не существовало и не будет, даже Свыше, подобных в целой Вселенной, и могущим всё делать, всем управлять без чьей-либо посторонней помощи, не нуждающимся ни в ком.

...Разноголосый шум и резкие толчки кровати разбудили Леонида. Оказалось, в палатку подселили ещё одного парня (профсоюз-

ные путёвки давались на двенадцать дней, но не по твёрдому, а по скользящему графику), и сдвигали их металлические разборные кровати, чтобы разместить новую. Сон, как он ни старался, более не возвращался.

До конца двухнедельного отдыха в лагере и по возвращении домой Лёня так и находился в глубоком и непонятном трансе, не реагируя на происходящее вокруг. Когда состояние прошло, пришло ощущение больших и кардинальных, качественных изменений. Во-первых, возникло настойчивое и неодолимое стремление, логически ничем не подкреплённое, отсоединиться от ребят из институтской группы, от близких, без каких-либо внятных объяснений порвать знакомство с девушкой, с которой познакомился нынешней весной и в которую влюбился, даже пламенные стихи ей посвящал. Во-вторых, вдруг началось резкое и решительное неприятие страны и её социалистического быта. Причём это являлось неприятием и встречаемых на улице и в транспорте людей, и незначительных мелочей. И мало того, в сознании всё не принимаемое в стране и жизни социума быстро вытеснялось и заменялось противоположными образами и категориями. И сокровенные мысли в данном направлении постоянно текли и укреплялись вместе с чувствами.

А родные увещевали Леонида, мол, хорошая, порядочная девушка и у неё может развиться чахотка от горьких сердечных переживаний. И ребята из группы пытались вернуть его в прежнее нормальное, живое общение. Однако предпринимаемое было тщетным, душа не отзывалась на сердечную доброту и любовь, на дружеское доверие и самую дружбу. Он день за днём более и более погружался в мутный и вязкий сумрак полной отсоединённости, обособленности и самости...

И в то время ему приснился второй сон. Существо, Леон, пал с огромной духовной высоты светлого существования и неумолимо опускался ступень за ступенью Иерархической Лестницы ниже и ниже. На каждой ступени он задерживался на достаточно продолжительный срок и активно, огненно противо-



действовал Светлым Силам, хотя поначалу не осознавал их таковыми, а даже наоборот. Затем упорное противодействие стало осмысленным, именно ожесточённой борьбой со Светом. И всё-таки внутри в нём что-то постоянно сопротивлялось, и приходилось преодолевать сопротивление. Но падение, или, вернее, постепенное и тем не менее безудержное низвержение, продолжалось. И вот уже Леон достиг той ступени, где потребовалось разделение на две отдельные половины – мужскую и женскую...

Резкий и требовательный звонок старенького будильника – надо сказать, в те его юные годы будильники были механическими, то есть с однообразным и сразу же на полную мощность, без постепенного нарастания звука, как у нынешних сотовых телефонов и смартфонов с айфонами, звонком – разбудил Леонида, властно вырвав из сна. Накануне он поздно лёг, а утром предстояло идти на «важную» лекцию, где доцент отмечал непришедших, нерадивых студентов (а их всего-то имелось две группы, нетрудно провести короткую переключку), потом на экзамене корректируя в связи с этим оценку. На лекцию Лёня благополучно успел и, увидев недалеко от входа в аудиторию свободное место, сел рядом с самой красивой девушкой из четырёх симпатичных на сорок парней по избранной им специальности. Она сочувственно взглянула на него, невыспавшегося, и шепнула, чуть коснувшись расслабленной руки на колене: «Хочешь, я помогу тебе?» Леонид вопросительно воззрился на неё. «Нет, не в качестве “скорой помощи” сейчас, а вообще... А ты мне с курсовыми и другими работами...» Он промолчал.

Тёти, очень ответственные, у которых Лёня рос до поступления в институт (вторая из них тоже переехала в свой родной город и устроилась в нём), и заботливая бабушка, их мать, запугали доверчивого провинциального паренька. Мол, девицы современные лишь и думают, как окрутить молодого человека, оженить, тем более интеллигентного, и так и норовят забеременеть для пущей верности. И, мол, если парень откажется, могут исклю-

чить из комсомола и, соответственно, автоматически из вуза. Послушный Лёня принял всё за неукоснительную программу действий в отношении противоположного, девичьего пола. А родители, когда он уже жил с ними, никакой воспитательной работы не только в интимном плане, а и в целом не проводили. И парень рос, можно сказать, «тарзаном», без не то что мудрого, но и в целом без какого-либо водительства. Настоящее во многом вытекало и из обособленности и затворничества...

Леонид не ответил той девушке и далее в общении принимал отрешённый вид, будто ничего такого и не слышал.

Парень старался все очередные переходные экзамены, с семестра в семестр, с курса на курс, сдавать на «хорошо» и «отлично», чтобы не остаться без стипендии и не отяготить и без того нищую жизнь крупной по тем временам семьи из пяти человек. И это на фоне полного одиночества. Сердобольные люди познакомили его с девушкой – некрасивой, но доброй, образованной и культурной, интеллигентной. Однажды они устроили небольшую вечеринку на четверых: кроме них – ещё её близкая подруга с парнем. Лёня, подвыпив, пригласил подругу на танец и... поцеловал. Дружеская вечеринка, естественно, в момент стала недружественной и закончилась. В дальнейшем девушка простила, и тем не менее он оставил её.

...И тут ему приснился третий сон. Существо, вернее, это уже был «он», покинул свою женскую, вторую половину на том исходном уровне, где разделились, и опустился на более низкий, физический план, где жил как мужчина – Леон, всё более опускавшийся, что называется, от плохого к худшему, проявляя внутреннее духовное зло, а данное, несомненно, гораздо хуже физического.

...А Леонид дальше и дальше уходил в себя, озлоблялся против страны и лелеял потаённую мечту перебраться на Запад. В озлобленном и фактически болезненном сознании возникали различные планы – найти людей, с кем похитили бы самолёт, проникли на пароход, идущий за границу, на худой конец жениться на девушке, семья которой хочет выехать

в Израиль, и тому подобное. Одногоруппники и сокурсники, не догадывающиеся о его воинственных помыслах и замыслах, но видевшие отчуждённое одиночество, пытались вывести на товарищескую беседу, только... напрасно.

В итоге он, сдав заключительный строгий государственный экзамен и защитив диплом (а руководитель по дипломной работе предлагал непосредственную помощь – устроить в хорошую, престижную фирму по специальности), оборвав все связи, не явился на «последний звонок» – прощальную товарищескую вечеринку в ресторане в завершение длительного обучения в институте. Нужно сказать, Леонид получил справку о свободном трудоустройстве, то есть возможность выбора: либо устроиться на работу по месту жительства, либо обратиться с этой целью к дяде, обитавшему в другом краю, но в те годы занимавшему одну из главных должностей на авиазаводе, либо... Он выбрал третий вариант и, собрав необходимые вещи, уехал наобум Лазаря в Одессу, имея лишь один контактный адрес, добытый через родственников. Люди, проживавшие по сему адресу, и другие, с кем Лёня, поставивший себе целью найти работу, чтобы закрепиться в портовом (читай пограничном) городе, познакомился, не смогли помочь и очень мягко, доброжелательно и ненавязчиво так или иначе советовали вернуться в родные места, в благоустроенную трёхкомнатную квартиру, устроиться там на работу, жениться, ну, в общем, остепениться. Не обосновавшись в Одессе – не на вокзале же жить, – парень вернулся обратно домой.

И в первую ночь Леониду снова приснился сон из серии предыдущих снов данного содержания. Женская половина Леона, Леонелла, длительное время существовала в сфере, где рассталась с ним. Однако неодолимое бессознательное, буквально магнитное влечение к своей мужской части побудило Леонеллу, знающую, что он пребывает где-то на Земле, воплотиться на физическом плане. И она смогла это сделать, сохранив значительную долю высшего сознания и после длительных упорных и неустанных поисков обнаружив Леона. Но в результате нескольких

активных взаимодействий с ним поняла: тот, уже сильно погрязший в бесчисленных тайных и явных пороках, не нуждается в ней и его совсем ничего не тянет к ней. И хотя Леонелла не прервала общения и постоянно находилась рядом, он тесно общался с явно демоническими личностями обоего пола. В итоге Леон совершил тяжкое умышленное преступление, приведшее к чёткой грани, за которой могло быть одно – полное исчезновение.

Известно, демонические слои – а у них строгая тёмная иерархия – питаются негативной энергией живущих на Земле людей, энергией бесчисленных и всевозможных страданий, любого горя, запущенных болезней, бурных ссор и конфликтов; энергией многолюдных сборищ, например на корриде или футболе и так далее; энергией, излучаемой жертвами при различных и тем более массовых катастрофах и крушениях, тех или иных войнах и прочих кровопролитиях. Для данных целей они используют и земных помощников, способствующих организации подобных явлений. Леон мог встроиться в одну из функциональных структур и также получить свой энергоинформационный канал питания, только для этого необходимо было поступиться личной независимостью, какую он ставил превыше всего, и тратить определённые усилия на необходимые по обязанности занятия, чего ему делать не хотелось. И решив раздобыть персональный канал надлежащего питания «незаконным» путём, Леон соблазнил мелкого «клерка» одной из функциональных демонических организаций, обманув того: якобы ждёт высокого назначения и после возьмёт его на значительно большую, «хлебную» должность, чем занимаемая теперь. Задуманное свершилось. Но действия их оказались настолько самонадеянными и настолько шитыми белыми нитками, что результат не заставил себя долго ждать. Однако Леон потянул за собой к наказанию и того бедного «клерка», свалив на него большой объём вины.

...Леонид проснулся в некоем вязком тумане и от непонятного сна, и от полного незнания о дальнейших действиях. Так и лежал в по-



стели, когда в комнату медленно вошла сестра, присела рядом и предложила познакомиться со своей школьной подругой, братья которой якобы желают уехать в Израиль. Он сразу ухватился за столь «полезное» знакомство, и оно состоялось. Леонид, весьма различаясь с новой знакомой и образованием, и интеллектом, будучи несовместим и психологически, невзирая ни на что, упорно шёл к цели – то есть к женитьбе с предполагаемой предстоящей выгодой. В итоге женитьба случилась. Как и следовало ожидать, жили молодые супруги крайне плохо – даже кошка с собакой порой живут дружнее. Бурные ссоры по сущим мелочам, крики, постоянные унижения с её стороны, часто и на людях (чего до брака и в помине не было!), следовали почти ежедневно, а между ссорами наступало угнетённое состояние, когда не хотелось ни думать, ни разговаривать – какое-то небытие. И сразу, когда Леонид выходил из подобного состояния, опять ссоры, крики, унижения. И так происходило всегда... А старые идеи, несмотря на всё, властвовали над ним. И он нашёл людей, желающих того же и думающих подобным образом... Началось ощутимое психологическое давление соответствующей структуры уже вне семейных рамок. В то время Лёня совершил ряд серьёзных ошибок на работе, повлёкших порчу электронного оборудования, и встал вопрос о его предстоящем увольнении.

Однажды молодой человек в полном разладе сознания вернулся домой и, не став открывать дверь ключом, нажал кнопку дверного звонка. «Вам кого?» – спросила жена. В другой раз Леонид, может, и не обратил бы на это излишнего внимания, только сейчас, на эмоционально безрадостном фоне всего происходящего, сказанное сильно подействовало на него. Не обедая, он крепко выпил, что довольно редко случалось, и завалился спать.

...Многосерийный сон, столь долго, но с длительными и неравными промежутками, приходивший к нему, продолжился. Леонелла, терпя, всюду следовала за Леоном. И в самый последний, решающий миг перед исчезновением того, собравшись и призвав на добровольную

помощь Светлых, оставленных им, кого она тоже, естественно, знала, оживила крохотную искру Света, ещё тлеющую в нём. Леон же, озлобившись, убил её. Невзирая на то, искра была активирована. Леонелла нисколько не сомневалась в его поступке, но тем не менее пошла на героическую жертву ради грядущего спасения Леона.

...Леонид проснулся в тяжёлом, угнетённом состоянии. Одно наложило на другое: и жёсткое психологическое давление, и конфликтная ситуация на работе, и всякие гадости, неоднократно сообщаемые ему с явным недвусмысленным намёком на жену, и созвучные всему этому мысли. И он принял спонтанное и жёсткое решение – развестись. Выбрав время, когда супруга с шестилетней любимой дочкой уехали отдыхать на юг, Леонид взял грузовую машину и со своими вещами и книгами сбежал к матери. На настойчивые непрерывные телефонные звонки жены, вернувшейся с отдыха, не отвечал и домой старался приходить поздно, чтобы звонки не заставали, поменял место работы, вплотную занявшись оздоровлением...

Каждодневная работа стала легче, менее ответственной, и Леонид больше внимания уделял ежедневному вдумчивому чтению книг в определённой интересующей его области физического, психологического и духовного совершенствования. Мысли сменились, сделались более здоровыми, более мудрыми, более возвышенными, и сам он изменился и менялся далее. Можно сказать, что Леонид теперешний и прежний всё более становились как небо и земля. И в тот год ему сделали предложение: «Нам нужен писатель!» Оно произвело на него лестное впечатление – ранее, до начала самосовершенствования, он хотел этого и сейчас не имел ничего против, однако думал, о чём станет писать теперь, ведь та неземная высота, на которую поднялся, будет заметно занижена художественным творчеством. А именно небывалый духовный подъём на более значительную высоту занимал тогда все его мысли. И Леонид, чему научился ранее, принял отрешённый вид, будто не слышит сказанного. Далее ему неоднократно и явно намекали на то,

чего от него ждут. Но он не отзывался. А рядом не оказалось близкого человека, кто мог бы вразумить. И выходило: Лёня, словно в дурном сне, зашёл в автобус дальнего следования, купил билет у кондуктора, переоделся в салоне и вышел там же, в пункте отправления...

И тут наступил момент, когда Леонида покинуло высокое сознание, мысли упростились, оздоровлением продолжал заниматься лишь по инерции. Духовных произведений уже не читал, если не считать книги по психологии. Допустимо было говорить даже о некоем помрачении ума. Что и послужило возвращению Лёни на прежнее место работы, да на самую низшую ступеньку в штатном расписании. На старой работе тому не обрадовались, включая тех, кому он когда-то помогал...

...А сон всё продолжал сниться... Леон спас соучастника того «служебного» преступления, признав всю вину полностью за собой, и освободил его от несения наказания. В итоге, получив безоговорочное осуждение, Леон, зная, что произойдёт именно так, смирился с этим и скончался страшной физической смертью. И та мучительная смерть достаточно искупила тяжкий грех ложного обвинения и предательства доверившейся ему души.

...После пробуждения повседневная жизнь Леонида, не могущего жить по-старому, снова начала меняться, только теперь в качественно иную сторону, что привело к уходу с той работы, на которую вернулся. Пошли, как позже обозначилось, многие мытарства. Лёня занимался ещё одной работой по специальности, потом трудился менеджером, розничным продавцом в кооперативе, окончил курсы массажистов и работал в данной сфере, распространял книги и где-то с полгода жил на проценты с отданных в ссуду в одну организацию своих скромных денежных накоплений. Далее судьба забросила в российский сетевой маркетинг, где, по боль-

шей части из-за серьёзных этических нарушений руководства, вначале успешные компании или разваливались, или постепенно сходили на нет. И он переходил из одной в другую, пока не решил порвать с этим неблагодарным делом и устроился охранником. Однако утомительная работа фактически бессонными сутками подорвала и без того не крепкое здоровье. И Леонид сократил до минимума текущие потребности и стал жить на одну скромную пенсию...

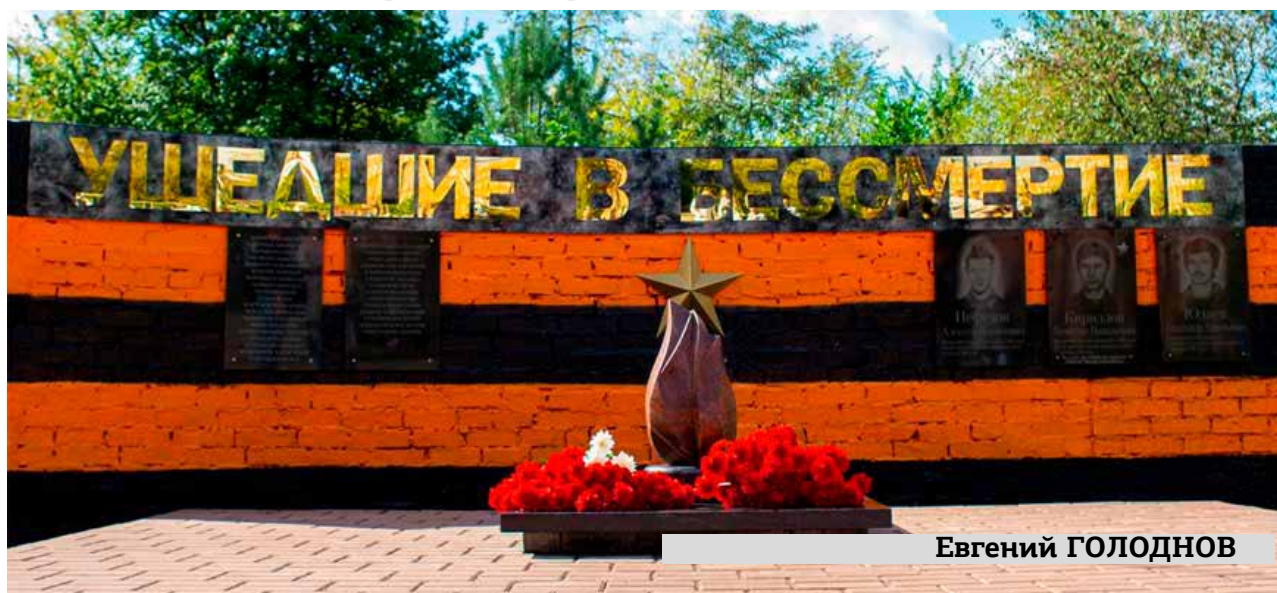
...Серийный сон, ряд лет не посещавший его, однажды всё же приснился... В заключительные считанные мгновения после смерти Леона Леонелла собрала всю свою жизненную энергию и бросилась на объединение с астральным телом Леона, и тот тогда на миг увидел, как видит утопающий, что именно делал и откуда пришёл. Полностью постигший произошедшее мятежный дух не был разложен на первоначальные атомы и постепенно поднимался вверх по эволюционной лестнице...

...Не связанный более никакой работой для зарабатывания необходимых средств к существованию, Леонид снова вернулся к тому сокровенному целостному и живому Учению, которое оставил много лет назад, и начал продвигаться в нём с невеликим, но несомненным успехом, целенаправленно работая над собой. Кроме того, он по мере физических сил способствовал неуклонному продвижению истинного Знания среди людей, в основном через Интернет.

Эти занятия помогли ему осознать в той или иной степени и роль женщины в настоящем и будущем, светлый образ Матери Мира, стоящий за ними, а также роль Иерархии Света, значение Её для индивида и плачевные следствия для него из-за отхода от Нее. Помогли осознать то, каким должен быть человек и каким должно быть общество.

«Серийный сон» более не снился...





ПОВТОРИЛ СУДЬБУ МАРЕСЬЕВА...

Новый учебный год в России, как известно, Указом Президента РФ В. В. Путина объявлен Годом педагога и наставника.

Думаю, что в нынешнем году надо вспомнить по возможности и всех педагогов-фронтовиков, кто после победного 1945-го пришёл в учебные заведения СССР, чтобы навести в них порядок и посвятить свою оставшуюся жизнь детям.

В старейшем учебном заведении подмосковного Орехово-Зуева – школе № 1 – новый учебный год по доброй традиции начался со знаменательного события: на пришкольной территории состоялся многолюдный митинг у обновлённого памятника, посвящённого учителям и ученикам, погибшим в Великой Отечественной войне, а также в локальных войнах.

Старый памятник торжественно открыли ещё в 1965-м, к 20-летию Великой Победы. Главным инициатором этого события был тогда директор-фронтовик Иван Иванович Кобяцкий. Эстафета поколений продолжается: весной 2016-го здесь возложил цветы погибшим воинам народный артист России Александр Панкратов-Чёрный, приезжавший в школу по приглашению выпускников-ветеранов...

Легендарный Иван Иванович Кобяцкий родился 23 января 1917 года вдалеке от Подмоскovie – в селе Крюково Лысогорского сельского совета Куйбышевского района Ростовской области.

В Рабоче-крестьянской Красной армии начал служить с двадцати лет, с сентября 1937 года. До войны успел жениться, супруга – Ефросинья Емельяновна. Зимой 42-го ей пришлось испытать чувство большого горя, когда в её руках дрожало извещение о «без вести пропавшем» супруге-лётчике.

Кобяцкий, судя по архивным документам, служил в 40-м авиационном полку разведчиков Главного командования Красной армии (он же сороковой скоростной ближнебомбардировочный авиационный полк). Был здесь и стрелком-бомбардиром, и штурманом, и адъютантом. Участвовал в бомбардировке вражеских



Гв. ст. лейтенант И. И. Кобяцкий. 1943–1944 гг.

аэродромов, железнодорожных узлов, переправ, войск противника... Неоднократно при выполнении боевых заданий был атакован и обстрелян фашистскими истребителями, но благодаря мастерству и храбрости достойно выходил из самых тяжёлых ситуаций.

Полк базировался у самой границы и подвергся бомбардировке сразу же, в первые минуты войны 22 июня 1941 года. Когда лётчики примчались на аэродром, они увидели несколько разбитых машин, убитых и раненых. Через два часа три девятки взвились в небо. Мощный бомбовый удар краснозвёздных самолётов вывел из строя десятки фашистских танков.

В августе 1941 года полк Кобяцкого передислоцировали в Подмоскowie, поближе к Москве. Там лётчики получили новенькие пикирующие бомбардировщики Пе-2. Обороняя столицу, они ежедневно совершали по семь-восемь боевых вылетов.

Как-то рано утром командир полка майор Павел Садов вызвал заместителя командира

эскадрильи Петра Малай и сообщил, что фашисты рвутся в направлении Яхромы – Дмитров. Штурман Кобяцкий вылетел вместе со своим командиром эскадрильи в первой пятёрке. Спустились так низко, что от взрывов боеприпасов содрогнулись корпуса боевых машин. Этот манёвр вслед за Малаем и Кобяцким повторила вся эскадрилья. Гитлеровцы понесли большие потери, а все советские самолёты без потерь вернулись на военную базу.

Однополчанин и друг Кобяцкого Пётр Малай участвовал в освобождении Праги и Берлина, окончил службу подполковником в возрасте сорока шести лет в мае 1954 года. После Победы жил у себя на родине в Донбассе. В мирное время боевые друзья переписывались, навещали друг друга.

За образцовое выполнение заданий 17 января 1942 года командование полка представило Кобяцкого к ордену Красного Знамени. К этому времени пилот совершил 35 боевых вылетов.

Четырнадцатое февраля 1942-го стало трагическим для всего сорокового полка. В этот день из боевого вылета не вернулись семь лётчиков, в их числе и Кобяцкий. Все они длительное время считались «без вести пропавшими».

Именно 14 февраля полк получил ответственное задание. В районе Великих Лук Псковской области вела кровопролитные бои отрезанная от наших большая группа советских воинов. Бойцы крайне нуждались в боеприпасах, продуктах и медикаментах. Лётчикам надо было определить площадки для посадки своих самолётов. Первым в разведку пошёл самолёт лучшего аса полка, командира звена, кавалера ордена Ленина Сергея Лапшова и стрелка-бомбардира Ивана Кобяцкого.

Во время боевого вылета над территорией Белоруссии бомбардировщик, управляемый Лапшовым и Кобяцким, внезапно атаковали фашисты. Наш самолёт подбили, и он загорелся. Раненный в ногу Кобяцкий по приказу Лапшова выпрыгнул из кабины с парашютом и оказался на территории Витебска, занятой врагом. 22-летний комсомолец Сергей Лапшов не сумел спастись, погиб. Дома в г. Горьком у



него осталась вдовой двадцатилетняя супруга Нина.

Как стало известно позже, под белорусским Витебском, помимо Лапшова, погиб ещё и командир эскадрильи, капитан Виктор Хуртин – в Саратове его не дождалась тридцатилетняя жена Мария.

Сам Кобяцкий и штурман звена, старший лейтенант Евгений Пономаренко, оказались в фашистском плену. Остальные четверо из семи погибли в тот же день в авиационной катастрофе у посёлка Монино Щёлковского района Московской области.

...Четыре дня или пять – лётчик сбился со счёта – пробирался Кобяцкий через лесные заросли, волоча раненую ногу. Без еды, без воды, глотал снег. «Только бы дойти к своим», – надеялся он, преодолевая февральские сугробы.

Недалеко от линии фронта его, обессиленного, схватили немцы. По дороге фашистские мародёры раздели 25-летнего советского пилота: сняли меховой комбинезон, унты, рукавицы. В результате Иван обморозил ноги и руки.

На территории оккупированной фашистами Вязьмы находился лагерь для военнопленных «Дулаг-184», куда и привезли Кобяцкого.

Фашисты превратили «Дулаг», по существу, в лагерь смерти. Именно здесь в 1941–1942 годах погибло около семидесяти тысяч военнопленных. Бывало, что в течение нескольких дней пленных красноармейцев ничем не кормили, потом давали по 50 граммов концентратов в сутки. Хлебный паёк до мая 1942 года пленные бойцы не получали совсем, а рацион питания был представлен супом из испорченной картофельной муки – тоже один раз в день. В январе-феврале 1942 года выдавался суп из льняного семени. Часто гитлеровцы пищу пленным готовили из умерших животных, в том числе кошек и собак. Заключённых использовали на оборонительных работах – рытье окопов и блиндажей. На территории лагеря в большом сарае отводилось помещение, которое называли «лагерным госпиталем». Хотя таковым его можно назвать только условно. Этот большой сарай представлял собой место, где содержались обречённые на смерть раненые красноармейцы.

889

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Ал"танта 1 АБ 40 авиационно разведчиков ГК КА
Лейтенанта К О Б Я Ц К О Г О Ивана Ивановича
(полное имя, фамилия, имя и отчество)
Орден "КРАСНОЕ ЗНАМИ"
(наименование награды)

1. Год рождения 1917 г.
2. Национальность русский
3. Социальное положение служащий
4. Партийность канд. ВКП/б/ с 1939 г.
5. С какого времени в РККА 1937 г.
6. Участие в гражданской войне нет
7. Ранения и контузии не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что не представлялся.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что не имеет.
10. Постоянный адрес _____

1. **Историческое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг**
(составляется в штабе войсковой части, соединения, учреждения или заведения)

Долу партии Ленина-Сталина и Советскому Правительству предан. Имеет 35 боевых вылетов. Как штурман подготовлен хорошо и с выполнением боевых заданий справляется отлично. Объектами бомбардировки были: жел.дор. узлы, переправы, аэродромы, скопление войск противника. После бомбардировки наблюдались большие пожары объектов, а в колоннах войск противника – паника.

При выполнении задания в районе ПХНОВА точным расчетом поджег танки противника, чем создал зазор в продвижении, а после, спустившись на 400 м., обстреливал колонну из пулеметов.

Неоднократно при выполнении боевых заданий был атакован истребителями противника и обстрелян ЗА.

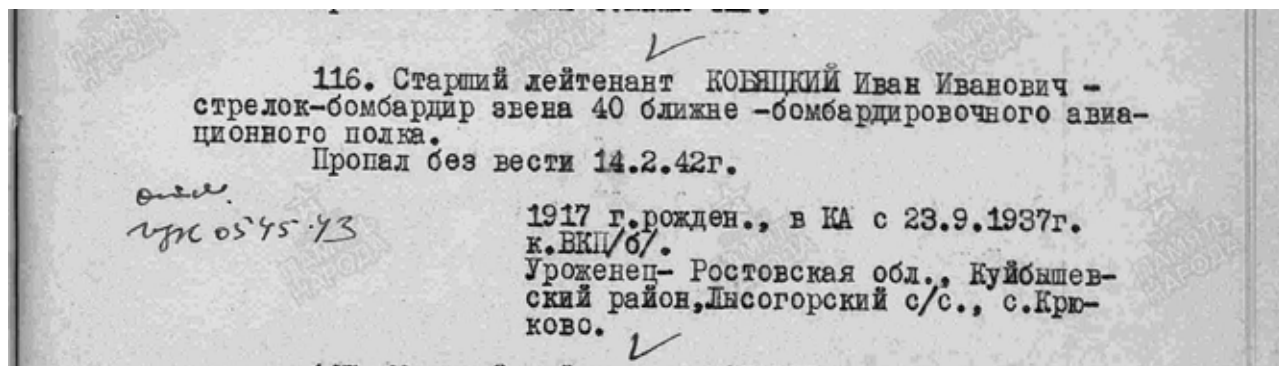
За образцовое выполнение боевых заданий командование поощряет ходатайствует о представлении к Правительственной награде тов. КОБЯЦКОГО И.И. – орден "КРАСНОЕ ЗНАМИ".

КОМАНДИР 40 ДРАП ГК КА
 Маюр: Басов /Сиднев/

ВОЕНКОМ 40 ДРАП ГК КА
 Ст. Бат. Ком: Михайлов /Плюхов/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 40 ДРАП ГК КА
 Маюр: Косилов /Сиднев/

17 января 1942 г.



Не желая расхотать на пленного лётчика Кобяцкого лекарства, немцы ампутировали ему обе ноги. В грязном бараке он смог передвигаться только на коленях. У него начали гнить пальцы рук.

«Прошу вас, перевяжите меня», – обратился он однажды к фельдшеру (тоже из пленных) госпиталя. И за эту просьбу немецкие охранники зверски избили Кобяцкого. Досталось и фельдшеру.

Однажды в барак для уборки пригнали простых русских женщин из смоленской Вязьмы. Одна из них, узнав о тяжёлом положении Ивана Кобяцкого, выдала его за своего брата и получила разрешение взять его домой. Тем самым она спасла советского воина из фашистского ада. У женщины было доброе и отважное сердце. Узнай немцы, что она взяла к себе лётчика-коммуниста, кавалера боевого ордена, уничтожившего сотни фашистов, её бы и саму расстреляли. Женщина долго выхаживала изуродованного фронтовика, помогла Кобяцкому выжить. После войны Иван Иванович пытался разыскать эту женщину, чтобы ещё раз поблагодарить...

Когда 12 марта 1943 года советские войска освободили Вязьму, Кобяцкого нашли однополчане. После лечения в советском военном госпитале фронтовик снова попытался вернуться в свой полк. Но к полётам, как он ни настаивал, его не допустили – кроме обеих ног лётчик лишился ещё и пальцев рук.

Гвардии старшего лейтенанта Кобяцкого торжественно наградили долгожданным орденом Красного Знамени, к которому он был представлен ещё в январе 42-го и который не успели вручить. А потом удостоили ещё медали

«За оборону Москвы». Кобяцкий продолжил службу, но не в небесах, а на земле. Стал инструктором, обучал молодых пилотов.

В 1943 году над полком, где служил Иван Кобяцкий, взял шефство широко известный в СССР коллектив орехово-зуевского завода «Карболит».

После Победы фронтовик узнал, что один из друзей, выполнявших, как и он, боевое задание в феврале 1942-го, штурман старший лейтенант, кавалер ордена Красного Знамени Евгений Пономаренко, не погиб, а попал в немецкий плен, был угнан в Германию, освобождён нашими только через три мучительных года – 2 мая 1945 года. Прошёл спецпроверку в 12-й запасной стрелковой дивизии, окончил службу в возрасте 31 года, 27 ноября 1945 года.

Сам Кобяцкий, комиссованный по болезни и признанный инвалидом, в 1944-м переехал с семьёй в город Орехово-Зуево по приглашению заводчан.

Здесь ему помогли с работой, предоставили комнату. Работая на производстве, Кобяцкий продолжил и свою учёбу в местном Учительском институте (в 1950 году преобразованном в педагогический), успешно окончил его, получил диплом. В Орехово-Зуевском военкомате фронтовику дали направление в школу № 1, сначала учителем истории.

Вскоре лётчик Кобяцкий стал одним из тех многих фронтовиков, кто возглавил местные педагогические коллективы. После войны, оставившей разруху, вдов, разбитые семьи, безотцовщину и тысячи трудных подростков, школа становилась великим полем решающей битвы за судьбы детей – будущих граждан Отечества.

Тридцать лет И. И. Кобяцкий подвижнически трудился в должности директора первой



школы до самой своей кончины 30 августа 1980 года. Новый учебный год 1 сентября начался уже без него.

Он был заслуженным учителем РСФСР. Неоднократно избирался депутатом Орехово-Зуевского городского Совета народных депутатов.

До сих пор добрая память о Кобяцком живёт в коллективе старейшей школы, его помнят многочисленные ученики, сами давно ставшие преподавателями и сотрудниками Государственного гуманитарно-технологического университета (бывшего педвуза).

Иван Иванович Кобяцкий был строгим, принципиальным, справедливым директором. За своих коллег, когда надо, стоял горой.

В школе при нём работала 30-летняя преподаватель-филолог Зоя Сергеевна Старкова, а в будущем – известный советский учёный-искусствовед, автор книг о литературе и кино. Я читал её книги, был лично с ней знаком, в т. ч. в ЦДЛ в Москве на вечере памяти её супруга В. А. Старкова (1931–1966). Старкову очень уважали и любили школьники и студенты за интересные уроки, лекции.

Её муж – из «шестидесятников», выпускник МГУ, журналист и поэт Виктор Старков, трагически погибший в 35 лет, оставил по этому поводу интересные воспоминания: «Однажды Зоя вернулась из школы расстроенной. Большая неприятность. Поводом послужил диспут, который она с большим успехом провела среди старшеклассников на тему "Идеал или одеяло". Я был болельщиком всей подготовки к диспуту. Бунтарский дух Маяковского гудел на четвёртом этаже школы № 1. Были вывешены в коридоре декларации, утверждающие "тезу" и антитезу", спор "Единство и борьба противоположностей", чтобы учащиеся сами находили примеры для своей аргументации. Диалоги Сократа и Платона; жизненные контрасты из биографий Ван Гога и Гогена; уход Льва Толстого осенней ночью из Ясной Поляны; освобождение Чехова от психологии раба перед властью копейки и многое-многое другое. Это был настоящий праздник для школьников.

И вдруг на другой день директор вызывает Зою в кабинет и включает кем-то записанную

фонограмму всего диспута. Ясно – обвинение в безыдейной направленности проведённого мероприятия. Сам директор школы Иван Иванович Кобяцкий – герой Великой Отечественной войны. Он прямо в присутствии З. С. звонит в Орехово-Зуевский ГК КПСС и говорит, что фонограмму прослушал – и ничего крамольного в диспуте не находит...» Короче, защитил молодого и талантливого педагога от давления и наказания «бдительных» товарищей из партийного горкома.

За тридцать лет учительства и мудрого руководства образовательным коллективом при И. И. Кобяцком первая школа выпустила сотни талантливых молодых людей, настоящих граждан, патриотов города и России, прославивших свою альма-матер и малую родину.

А ещё герой-фронтовик воспитал достойного сына. Валерий Иванович Кобяцкий стал замечательным врачом, спас сотни жизней. В последние свои годы он работал заместителем главного врача Московской городской клинической урологической больницы № 47, сотрудничавшей с НИИ урологии. Друзья рассказывают, что он был изумительным человеком: добрым детским врачом, врачом-урологом, обаятельным, весёлым, грамотным профессионалом и настоящим товарищем. Жизнь уготовила ему тяжёлое испытание – сахарный диабет, который «отнял» у него сначала палец на ноге (то есть был удалён оперативным путём), потом стопу с частью голени, а затем и саму жизнь. Но все эти испытания сын фронтовика-героя преодолел, как когда-то и отец, достойно.

Замечательным врачом стал и внук героя – Александр Валерьевич Кобяцкий. Более тридцати лет работает он детским хирургом, многое перенял от отца и деда – добрый, справедливый. Его большой талант тоже служит людям, маленьким и большим...

А ещё я убеждён: в условиях современных вызовов России от враждебных государств мира в российских школах должны быть востребованы такие мужественные профессионалы – директора, педагоги, как Иван Иванович Кобяцкий!



ЗОЛОТАЯ РЫБКА

РАССКАЗ

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Лето 87-го помню как вчера.

Были мы на другой стороне Земли, в Анголе, когда-то стране «рабов и рабовладельцев», а тогда уже свободной и социалистической, но голодной. Ловили рыбу и кормили добрых, приветливых и даже восторгающихся своей революционной неизбежностью жителей страны, находившейся в ленивой, но при этом смертельной рубке со своими соседями по стране, городам, деревням, домам и джунглям, точно такими же, как они сами, но повстанцами из УНИТА. Улов мы сдавали в разные порты – Луанду, Кабинду, Амбриш, Лобиту.

В тот раз была Луанда.

Не знаю почему, но ещё до того, как я в первый раз прогулялся по столице Анголы, покорившей своей южноевропейской красотой в экзотической интерпретации первооткрывателей типа Колумба и Бартоломеу Диаша, которую тогда нужно было ещё суметь разглядеть в полуразбитых, разграбленных особняках и гасиендах сбежавших колонистов-колонизаторов, в останках проспектов и клумб, зараставших наступавшей природой, восстановив в своём воображении бывшее её название – Луанда, – стал её ассоциировать с Лаурой из «Маленьких тра-

гедий» А. С. Пушкина. Может, неславянское происхождение нашего великого русского классика повлияло на меня, может быть, потому что они обе были обворожительны, хотя у непутешинской после выдворения португальских хозяев вся красота была завуалирована неухоженностью, нищетой и вынужденным терпением вынужденного же равнодушия к себе её нового поклонника, а может быть, потому что это был первый по-настоящему афро-африканский порт, в котором я побывал (до этого я был в Дакаре в Сенегале, но это другое – арабо-африканское; к тому же крайне современный по тем временам, прямо-таки портоград), который как бы сказал мне: «Вот такой я, Чёрный континент». Не знаю!

Ну так вот.

Швартуемся. Сразу к нашему пароходу один за другим подъезжают крытые грузовики, привозя с собой пылевые облака, лежащие поверх распластавшейся с утра жары, смешиваясь с ней, не давая дышать, вызывая липкий неизбежный пот и рефлекторное прищуривание, глоток холодной воды не спасает, а усугубляет и обостряет реакцию организма. Чуть помогает только горячий чай без сахара.

Весы. Охрана. Трюм нервно зевал, то показывая, то скрывая свои внутренние тайны-клады – ящики, до краёв наполненные сверкающей



рыбой, пересыпанной рыхлым льдом. У нас на палубе – наши матросы, на причале – аборигены. Два счётчика ящиков – с нашей стороны и с ангольской: ящики, в каждом из которых рыбы килограммов по 25–30, по одному на весы, фиксация веса – сдал, ящики по одному в подошедший грузовик до полного – принял, подпись. Загруженный грузовик отваливал, поднимая на прощанье клубы привезённой им пыли, оставляя её остающимся, добавляя чёрные, непригодные для жизни облака выхлопа, освобождая место такому же, как сам, бескультурному нечестивцу, который и привозил с собой, и увозил в себе то же и так же, что и его предыдущий собрат. И так раз 300–400 – десять тонн, это вам не банка с килькой.

На земле весь этот процесс охраняли кубинские камрады (они воевали в Анголе с теми повстанцами), т. к. со всех сторон перегрузочно-пограничные весы атаковали, словно зомби, голодные босоногие местные. Честно говоря, кубинцы нападавших не жаловали и в случае чего били тех и прикладами «калашей», и сапогами, не разбирая возраста, пола, частей тел и последствий.

Я на вахте на капитанском мостике. Наблюдаю.

И тут вижу, как одному из «пиратов» под сенью одного из автотентов удалось подкрасться к пограничным весам и стащить небольшую рыбку. Сразу бежать с трофеем нельзя – кубинцы увидят, догонят и отвесят по полной. Прятать! Куда?! На этом бедолаге «туника» до пупка и набедренная повязка наподобие такой, как у борцов сумо. Разница лишь в том, что под этой повязкой у смельчака – только то, чем его одарили природа и родители. Делать нечего. Сунул он свою добычу под повязку и стоит как ни в чём не бывало.

Надо заметить, что мы ловили и сдавали рыбу ходками: семь дней на промысле в океане ловим – и дальше на сутки в порт на сдачу. И опять то же самое. Поднимаем трал, сортируем улов, заполняем ящики, пересыпаем льдом, перетаскиваем в трюм.

Я это к тому, что рыба хоть и не замороженная, а лишь охлаждённая, но около нуля

градусов в ней было. И вот теперь этот «ноль» под набедренной повязкой везунчика.

Судно у нас небольшое, и крыло капитанской рубки почти вровень с причалом. Рукой до стоящего на берегу не дотянуться, но при желании посредством черенка лопаты поздороваться можно. Так что догадаться, какой «пожар наоборот», просто-таки криогенный процесс, творится сейчас у этого африканца под повязкой, я мог по его лицу. Я чуть ли не физически прочувствовал на себе то, что творилось с ним. Мне прям до слёз стало жалко и себя, и его. (И ради всего святого, не проводите такие эксперименты над собой и не давайте пробовать подобное своим близким.)

Шалость в глазах счастливец от неожиданной радости от удачи смешалась с физическими изменениями его мимики и всего чернокожего тела, покрасневшего и побелевшего изнутри. И в течение нескольких минут всё это действие окончательно превратилось в выразительный танец племени аборигенов, рассказывающий о вулкане, который вот-вот извергнется и накроет ужасом извергнутого всё и всех вокруг, как Везувий накрывал Помпею и всех её жителей две тысячи лет назад.

«Беги, дурак, отморозишь!..» – крикнул я ему. Голова парня быстро сделала несколько оборотов, выбирая наименее опасное для побега направление. Танец «вулкана» подходил к своему апогею. «Бе-е-ги-и!» – крикнул я ещё громче. И парень рванул, засверкав своими бело-розовыми пятками, да так, как подмигивает семафор на железнодорожном переезде своими огнями, только в несколько раз быстрее. Кубинцы-охранники не то что растерялись, они не успели сделать буквально ничего, даже развести руками, чем дали беглецу значительную фору на старте. Жестами я показал обделённым и обойдённым соглядатаям причину такого спринтерского забега. Кубинцы согнулись от хохота и... не стали догонять призёра – они просто не могли разогнуться, признав тем самым его победу.

Так что к финишу тот счастливчик пришёл первым... с «золотым» трофеем.



НЕ СРАЗУ, НО НАВСЕГДА...

РАССКАЗ

Роман ЛЕОНОВ

– Ну почему же ты никогда не можешь сделать что-нибудь вовремя? Почему мы постоянно из-за тебя опаздываем? – ругался Максим Синицын на свою жену.

Негодование мужчины можно было понять. Его жена Анна в самый неподходящий момент всегда находила какие-то проблемы, на решение которых, как правило, требовалось время. Выехать в гости или выйти на прогулку в тот час, когда было намечено, у пары получалось крайне редко. Но одно дело, когда они просто планировали увидеться с друзьями, которые уже почти все привыкли к опозданиям четы Синицыных, а другое – когда они опаздывали в аэропорт.

И ведь всё начиналось почти отлично. Из квартиры Синицыны вышли почти вовремя, но

когда Максим уже собирался выезжать с парковки во дворе дома, Анна вдруг воскликнула:

– О боже мой! Я забыла наши паспорта!..

– Ну Аня! Я же спрашивал тебя: «Все взяли?» – заворчал её муж.

– Я так и думала, но, как видишь, ошиблась. Подожди, я сейчас быстро сбегаю наверх, возьму документы, и поедем.

– Только, пожалуйста, прошу тебя, скорее, – почти умоляюще протянул Максим.

– Конечно-конечно, туда и обратно, – беззаботно щебетала Анна.

Но когда через пятнадцать минут Максим, не выдержав ожидания, начал звонить жене на мобильный телефон, в трубке он услышал плачущий голос Анны:

– Я не могу найти их! Паспортов нигде нет!

Вскипая от нетерпения, Максим поднялся на восьмой этаж. Мысленно он уже при-



готовил тираду, в которой обвинял жену в том, что она все восемь лет их брака ни одного раза сама не смогла собраться хоть куда-нибудь. Но увидев в прихожей плачущую Анну, Максим не решился сказать хоть слово беззащитной и расстроенной жене, которую он так любил.

Вместе они потратили почти сорок минут на поиски паспортов. Был перевёрнут, кажется, весь дом, а документы обнаружили в сумочке Анны, в той, с которой она ходила за билетами в агентство.

– Ну почему же ты никогда не можешь сделать что-нибудь вовремя? Почему мы постоянно из-за тебя опаздываем? – ругался Максим Синицын на свою жену, когда они уже ехали в аэропорт. – Мы выехали почти на час позже. Не хватало нам ещё встать где-нибудь в пробке! Это будет полный аут!

Но N-ское шоссе, по которому они ехали, было свободно, а вот N-ский проспект стоял.

Через N-ский проспект лежал маршрут Алексея Смирнова. Алексей работал в крупной компании, которая вела дела во многих уголках страны и далеко за рубежом. Сегодня молодой человек, занимавший уже пост начальника отдела, должен был лететь в очередную командировку, которые за последние два года стали привычным делом. Выехал Смирнов из офиса как обычно, но на дороге, как известно, бывают неприятности. Сегодня этой неприятностью стала серьёзная, судя по затору, авария. Алексей слушал радио и нетерпеливо стучал по рулю. «Надо было ехать на метро», – думал он, когда почти за полчаса продвинулся только метров на двести.

Была у Алексея идея доехать до ближайшей станции метро, где-нибудь оставить машину и дальше отправиться в сторону аэропорта на общественном транспорте. Но до станции метро ему пришлось ехать ещё сорок минут.

А вот Екатерина Егорова почти уже сутки ехала общественным транспортом.

Екатерина жила в N-ской области и добиралась до столицы поездом. Теперь, когда она была в Москве, девушка спустилась в метро, чтобы переехать на другой вокзал, а там уже сесть на аэроэкспресс, который домчит её до заветного аэропорта.

Екатерина была просто счастлива. Она никогда прежде не летала на самолёте. И её воображение рисовало прекрасные впечатления, которые должно ей принести путешествие.

Кстати сказать, и эта поездка до сих казалась ей чем-то фантастическим. В её родном городе одна из туристических компаний в этом году праздновала юбилей. В честь этого события турагентство провело конкурс, главным призом которого была путёвка. Суть конкурса заключалась в том, чтобы придумать для юбилея оригинальное поздравление. Екатерина, писавшая довольно приличные стихи, решила сочинить поэтическое поздравление. Это довольно высоко оценили в туркомпании, стихи Екатерины напечатали в местной газете, которая была информационным партнёром юбилея, а самой девушке достался главный приз. Так Егорова и отправилась в дорогу.

Времени у неё было с запасом. Екатерине очень хотелось немного погулять по терминалу аэропорта, посмотреть электронные табло, понаблюдать за прилетающей и улетающей публикой. Но какой ужас её охватил, когда на табло с расписанием рейсов Екатерина не нашла свой. «Я перепутала аэропорты!» – промелькнуло у неё в голове, и всё тело как будто прошибло электрическим током.

Девушка судорожно начала искать в своей сумке билеты. И точно! Аэропорт совсем другой. Ещё немного, и, кажется, её хватил бы удар. Но Екатерина собрала всю свою волю в кулак и начала соображать, что ей делать.

«У меня ещё есть время», – заключила Егорова и бросилась назад к аэроэкспрессу...

Алексей и Екатерина успели на один и тот же рейс аэроэкспресса. Времени оставалось немного, но, кажется, они должны были успеть.

К стойке регистрации Егорова и Смирнов пришли также почти одновременно. Здесь же они застали чету Синицыных, которые снова ругались:

– А я при чём? – срывающимся голосом спрашивала Анна.

– А кто, по-твоему, забыл, куда сунул эти проклятые паспорта? – вопросом на вопрос парировал Максим. – Наверное, виноват я, что

медленно ехал, когда мы выехали почти на час позже от запланированного времени...

Пара не переходила на крик и не сильно привлекала к себе внимание, но, глядя на них, было понятно, что что-то не так.

– Поздравляю, друзья, – обратился Максим к подошедшим Смирнову и Егоровой, – регистрация на рейс закрыта!

– Как?! – невольно вырвалось у Екатерины.

– А вот так. Рейс перенесли на более раннее время. Регистрация закрыта уже полчаса как. Мы опоздали! – сделал и так понятное всем заключение Синицын.

– Что же теперь делать? – тревожилась Егорова.

– Попробовать что-то придумать, – вмешался в разговор Алексей. – Идёмте к стойке информации.

И все двинулись за Смирновым. У Екатерины бешено колотилось сердце, первый полёт сорвался, подаренная путёвка пропадёт! Анна шла чуть не плача, она прекрасно понимала, как она виновата; если бы они выехали, как и планировали, то могли бы успеть и не было бы проблем. Максим хоть и злился на супругу, но понимал, что был не совсем с ней справедлив. В конце концов, он отлично знал: его Аня не мастер по сборам – и должен был сам контролировать всё. А вот Алексей, которому предстоящий полёт, если честно сказать, был не в такую уж радость, был почти равнодушен. Смирнов знал, что компания-перевозчик не уведомила их о переносе вылета, что они хоть и к концу регистрации, но всё-таки успели бы, а это значит, что вполне возможно, они улетят следующим рейсом.

Работники аэропорта внимательно выслушали наших героев и обещали помочь им решить проблемы, но это требовало времени. Всем было предложено подождать в специальной комнате.

В этой комнате было два дивана и несколько стульев, стол и небольшой телевизор, который висел на стене. По телевизору шёл какой-то зарубежный сериал. Некоторое время наши герои сидели молча. Алексей набирал на мобильном сообщении, в котором говорил, что задержится из-за проблем с вылетом. Синицыны сидели взявшись за руки, но лица их всё ещё были довольно мрачные. Екатерина не знала, куда себя деть, и поэтому смотрела в телевизор, хотя сфокусироваться и понять, что происходит на экране, у неё не получалось.

Примерно через двадцать минут в комнату вошёл молодой человек в униформе аэропорта, который сказал, что вынужден просить многоуважаемых пассажиров ещё какое-то время подождать, пока для них подбирают варианты дальнейших отправок. Это время служащий просил наших героев быть в этой комнате для удобного и оперативного общения с ними.

Стали ждать снова.

Внезапно сериал перебила заставка экстренного выпуска новостей. Это привлекло внимание всех присутствующих в комнате.

Диктор сообщал об авиакатастрофе, которая случилась сегодня при взлёте самолёта. До опоздавших на рейс не сразу дошло, что говорят о том самолёте, в котором они должны были сидеть вместе с остальными. Не сразу их охватили тревога и ужас с примесью недоумения и вполне понятной для сложившихся обстоятельств радостью. Не сразу им пришло в голову оповестить всех, кто знал об их путешествии, сказать, что они опоздали, что они живы. Не сразу было решено отмечать этот день как день нового рождения. Не сразу Максим пообещал себе больше никогда не ругаться на жену за её опоздания. Не сразу неженатый Алексей решил спросить номер телефона Екатерины. Не сразу наши герои стали благодарить Небеса за такое избавление. Не сразу, но навсегда...





ЗА СЛУЖЕНИЕ РОССИИ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПРИГОВОРИТЬ!

Александр РАЛОТ

1812 ГОД. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

– Уважаемый господин Кваренги, боюсь, у меня для вас дурные вести. – Чиновник итальянского посольства переминался с ноги на ногу, боясь переступить порог дома архитектора.

Хозяин указал гостю на венский стул:

– Да проходите уж, не стойте как истукан. Что там стряслось на нашем достопочтенном Апеннинском сапоге?¹

– Извольте ознакомиться и расписаться в получении, – продолжая стоять, гость протянул Джакомо Кваренги конверт. – К сожалению, задерживаться не могу, в столице итальянцев немало, и мне надобно каждому лично вручить подобное послание. Вынужден также сообщить, что наше посольство уже завтра ждёт от вас ответ, ибо дело сие чрезвычайной важности и задержка недопустима.

Поняв, что гость к долгой беседе не расположен, архитектор распечатал конверт и быстро ознакомился с содержанием.

«...Всем итальянцам, состоявшим на русской службе, приказано вернуться в Италию...

¹ Один из крупнейших полуостровов Европы, расположенный на юге данной части света и омываемый водами Средиземного моря. На нём находится государство Италия.

в случае отказа каждый ослушавшийся будет незамедлительно приговорён к смертной казни, с конфискацией имущества!.. Король Италии»².

Хозяин дома отвлёкся и хотел что-то сказать посетителю, но того уже не было. Лишь громкий стук входной двери засвидетельствовал, что чиновник ретировался по-английски, поспешно и не прощаясь.

Джакомо подошёл к окну, долго смотрел на проезжающие внизу кареты и спешащих по своим делам людей разного чина. Затем кликнул супругу Анну Катерину Конради. Когда женщина вошла, протянул ей королевский вердикт:

– Что скажешь, дорогая? Как поступим? Будем паковать дорожные баулы или останемся?

– Последнее слово всегда за вами, мой господин, – молвила Анна. – Господь всегда посылает нам испытание по силам нашим. Вспомните, как девятнадцать лет назад во время родов покинула этот бренный мир ваша первая жена. И на вашем попечении остались новорождённая девочка и четверо малолет-

² Приказ был дан в связи с подготовкой похода наполеоновской армии на Россию: Франция установила свой контроль над Италией в результате Кампо-Формийского мирного договора, заключённого 18 октября 1797 года по итогам войны Франции против Австрии (прим. редактора).

них детей. Вы тогда покинули Россию, перебрались в Бергамо, но всё же через два года вернулись. По всему выходит, ваша родина отныне здесь и, полагаю, уже навсегда, ибо правитель Италии слов на ветер не бросает. Окажетесь в его владениях – велит казнить без всякой жалости.

– Я тебя слышал, спасибо. А теперь ступай, мне надобно подумать.

Кваренги, покашливая и кряхтя, опустил на стул. Прожитые годы брали своё.

– Сделай милость, принеси мне кьянти¹.... Нет, лучше завари кофе. Сейчас мне нужна трезвая голова.

* * *

Оставшись один, архитектор предался воспоминаниям. Перед глазами пронеслись годы далёкой юности, споры с отцом Антонио по поводу выбора профессии. Старший Кваренги настаивал, чтобы сын не смел нарушать семейную традицию. В случае если родятся три сына, два из них должны принять сан священнослужителя. А он, Джакомо, младший, второй. Обязан пройти курс обучения в известном в Бергамо колледже «Милосердие», а затем облечься в рясу.

«...Не могу достаточно выразить отвращение, с которым я предавался таким занятиям. Но не буду отрицать, что в курсе риторики я чувствовал особенную склонность к поэзии и что мне до крайности нравились три изящнейших латинских поэта – Катулл, Тибулл и более всех Вергилий, из которых я перевёл в итальянских стихах несколько произведений... но склонность, сильно влёткая меня к художествам, не позволявшая стать ни поэтом, ни философом, ни духовным лицом, была причиною того, что я извлёк мало или совсем не извлёк плодов из таких упражнений»².

В конце концов родитель сдался. Видя, как его наследник всецело увлечён изобразительным искусством, отправил его учиться рисо-

ванию у лучших художников города Бергамо Паоло Бономини и Джованни Раджи.

Но юный бунтарь на этом не успокоился. Утверждал, что манера их преподавания устаревшая!

– Раз тебе и это не по нраву, остаётся одна дорога – в монастырь Сан-Кассино! – отец в гневе стукнул кулаком по столу. – Примешь обет послушания и будешь всецело служить Господу нашему Иисусу Христу.

– Отпусти меня в Рим. Там есть люди, у которых можно получить хорошие знания в области живописи и архитектуры. Обещаю, семью не подведу и фамилию не опозорю.

Настойчивость юноши была столь велика, что отец, немного поколебавшись, всё же сдался.

* * *

Архитектор открыл глаза и посмотрел на чашку с ароматным напитком. Супруги рядом не было. Она прекрасно понимала состояние мужа и, принеся кофе, тихо вышла из комнаты.

* * *

Джакомо попытался вспомнить, как пахнет кофе в далёком Риме, но не смог, а потому, закрыв лицо руками, вновь предался воспоминаниям.

«Аббат Торп познакомил меня со знаменитым меценатом Редзонио. И тот не побоялся заказать у меня проект церкви в Субиако.

Проблема была в том, что её надо было не построить с фундамента, а переделать уже имеющееся здание, причём изменения должны были быть минимальными.

Пришлось изловчиться и создать новый храм внутри уже существующего».

¹ Итальянское сухое красное вино, производимое в регионе Тоскана на основе винограда сорта Санджовезе.

² <https://rgnp.ru/biografia-antonio-kvarengi-biografia-kvarengi-ad-foto-video/>.



* * *

**ЗА ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА
ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. КАБИНЕТ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Царица окунула в чернильницу остро заточенное перо, а затем начертала на чистом листе бумаги:

«Италия. Рим. Барону Фридриху Гримму.

Мой любезнейший друг, не соблаговолите ли в кратчайший срок подыскать двух хороших архитекторов-итальянцев для работы в России. Ибо строительство затеваю масштабное, дабы держава наша не хуже иных европейских стран вид достойный имела!»

* * *

Хозяин дома в два глотка выпил ароматный напиток и поставил чашку на стол. Вспомнил, как, почти не колеблясь, принял предложение императрицы северной страны, как долго добирался через Крым до столицы огромного государства, как приступил к своей первой работе, перестройке дворца Её Высочества на реке Яузе. Затем были православные церкви в Царском Селе, Павловске и Пулкове, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр на Дворцовой набережной, реконструкция покоев царицы в восточной части Зимнего дворца.

«Мальтийская капелла при Воронцовском дворце. Это уже при правлении её сына, Павла Первого, который и присвоил мне звание Архитектора высочайшего двора и капитула ордена святого Иоанна Иерусалимского. Потом было строительство Смольного института. Это уже при нынешнем самодержце, Александре Первом...»

Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

– Так мы остаёмся или нет? – еле слышно произнесла супруга.

– Моя родина отныне и до скончания дней – Россия, – ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

* * *

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира первой степени.

* * *

Архитектор тихо скончался 2 марта 1817 года.

Его тело было предано земле на католическом участке Волкова кладбища.

Сорок три года спустя место его последнего упокоения было утеряно.

ПРОШЛО ЕЩЁ СТО ЛЕТ

В начале шестидесятых годов прошлого века могилу знаменитого итальянца и русского дворянина отыскивали. А в 1967-м – перезахоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

«Значение Кваренги в истории русского зодчества конца XVIII и начала XIX века очень велико. Величайший мастер своего времени, не знавший себе равного в целой Европе, он является в значительной степени создателем той архитектурной физиономии, которую имеет Петербург. Ибо здесь ещё до сих пор стоят почти нетронутыми десять грандиознейших зданий из числа выстроенных им. Но со смертью Кваренги дух его архитектуры не умер, и он нашёл себе достойного продолжателя в лице даровитого К. И. Росси, довершившего начатое им дело украшения столицы. В Европе нет столицы, которая была бы так богата архитектурными сокровищами строгого вкуса» (Игорь Грабарь).



ДАЛЁКОЕ. СВЯТОЕ. ДОРОГОЕ...



Виктор БАКИН

Солнце уронило на крыльцо тёплые ладошки.

Крыльцо было небольшое, почти квадратное, ступенькой в ширину одной сучкастой еловой доски, давно почерневшей и уже начинающей трухлеть и обламываться по сбитым краям. Перед ним на размятую пыльную зелень подорожника хозяйской заботой брошены две узкие горбылины-подножины, а по левую



руку чуть прикопано в землю ржавое железное корытце-скребок для очистки сапог и прочей походной обуви от налипшей уличной грязи. По жаркой июльской поре дождевой воды на дне желобка сейчас не мутилось нисколько, но расхаживающие по одворице белого пера курицы, потряхивая красным гребешком и безумно выкатывая горошины глаз, всё равно поминутно заглядывали в него и тут же высказывали своё недовольство бормотанием или резким кудахтаньем и агрессивным налётом на соседок, прогоняя их к штакетнику чужих палисадников.

Мальчику было хорошо. Загорелый до черноты, в одних коротких матерчатых трусиках, он сидел на округлом порошке входной двери в сени, ощущая заглубившимися ступнями приятную нагретость старых досок крыльца, жмурился от утренних солнечных лучей, вздёргом руки отгонял надоедливых мух и кусачих паутов и осторожно ковырял на сбитой коленке серую коросту, освобождая из-под неё розовый язычок нарождающейся кожи. Пару раз его движения случились неловкими, мёртвая кожа послушно сползала не желала, и тогда колено остро покалывало невидимой иглой, а следом на потревоженном месте надувалась плотная бусинка крови. Шмыгнув носом, он начинал усиленно дуть на это ранение, покачивал согнутой ногой из стороны в сторону, рождая освежающий приятный ветерок, слюнявя палец, размазывал красное выделение грязными полосками по всей угловатой коленной чашечке.

В трёх-четырёх метрах от мальчика почти на середине улицы, по которой пару часов назад прогнали на поскотину деревенское стадо, наряду с уже высохшими до хрупкой невесомости дырявыми навозными лепёшками, густо наложены были сейчас новые пахучие коровьи «подарки», богато облепленные крупными зелёными мухами. Не обходили их стороной и прилётом и суетливые воробы, и любопытные шнырялы-курицы. Но всякий раз, когда самая настырная хохлатка погружала свой вездесущий точёный клюв в плотную массу навоза, в неё летели песчаный камешек, трухлявая палочка или ивовый прутик, которые мальчик наскоро отыскивал тут же, у бревенчатого бока

приземистого бабушкиного дома, и кидал, вызывая куриный переполох.

Ему давно пора было идти завтракать. Большая кружка парного молока рядом с початой трёхлитровой банкой под полиэтиленовой крышкой (наливай сколько хочешь, ежели вдруг не хватило), солидный ломоть рассыпчатого белого хлеба величиной в две взрослые ладони (а может, даже любимая хрустящая корочка, если никто из братьев её прежде не схомякал), выпеченного спозарань в поселковой пекарне, немного подмокший и потому комковатый сахар в пластиковой сахарнице, треснувшей по углу, земляничное варенье в глубокой стеклянной вазочке с невесомой чайной ложкой на плаву – всё это ожидало мальчика в прохладной избе, по-хозяйски накрытое стареньким, местами протёртым до дыр полотенцем. А если этого пропитания мало, сунься привычно в печь, где непременно отыщешь на широкой сковороднице жареную картошку с луком – ещё тёплую, вполне съедобную.

Да, пора было подниматься с порошка и шагать в избу, но солнышко так приятно нежило мальчика и игриво слепило его глаза, что он всё сидел и сидел на золотом от яркого света крыльце, пугая песчаником неугомонных несущек, ловко прихлопывая на расцарапанном от покусов впалом животе монотонно жужжащих паутов, тут же подвергая их жестокой экзекуции и кидая себе под ноги обезглавленные крылатые трупы.

Воля вольная на четыре стороны, чистое утро, деревенская улица, избы, сарайки, сеновалы, огородные прясла, молодой кудрявый березник за околицей, одинокая горбатая сосна на тропинке к реке – вся широкая округа залита солнечным светом, потому и на душе у мальчика сладостно, покойно, безмятежно. Хотя нет – что-то в близкой памяти всё же подзванивало тревожным колокольцем, тонкой, едва уловимой минорной ноткой проскальзывало поперёк.

Мальчик сделал робкое усилие, чтобы вспомнить день вчерашний.

– ...Бабушка моет меня в бане и всё приговаривает: «Личико шанежкой, глазки гороши-

ком... Личико шанежкой, глазки горошиком...» Вот шанежкой и выросло... Наша мама – красавица писаная, а мы с сестрой прямо незнамо в кого такие небаские уродились. Поди-ка теперь спознай-угадай...

Чей это рассказ, про кого? Ах да, это же бабушка о своей бабушке воспоминание вела, когда вчера у крыльца на лавочке с соседкой вдруг завечерили. Дверь в дом распахнута настежь, мальчик в сенях за высоким марлевым пологом никак заснуть не мог, слушая внешний комариный писк, – всё ворочался, подушку комкал да дощатой лежанкой скрипел, вот и подслушал невольно старушечью случайную посиделку. Они уж и посмеялись там, и поплакали даже за своими скорбными откровениями.

– ...Отца у нас не было. А у соседей, у наших подружек, отец поедет на базар в Шурму – очень уж хороший базар был в Шурме, и своим дочерям непременно везёт с него подарки. Всякие-разные. И вот они вылетают на улицу и хвалятся: «Мне тятка вон что привёз! Мне тятка вон что привёз!» Показывают, хвастают взахлёб, на нашу острую зависть. А мне тоже хотца гостинец. И я бегу в их дом и кричу сквозь слёзы: «А мне бы тятка тоже привёз гостинец. Тоже, тоже...» Однажды Екатерина Тимофеевна, соседка наша добрая, вынесла мне три сушки. Кругленькие, хрустящие. Я их взяла в руку и несу, как малый букетик. Рада-радехонька. И всем встречным заявляю: «А мне тятка вот что с базара привёз. А мне тятка вот что с базара привёз...» Тоже ведь хотелось любви и отцовской заботы. А как же...

Бабушка вздохнула тяжело, потерявила вечный передник, помолчала минуту, другую:

– ...Мама, конечно, настрадалась с нами. Маму Марфой Ивановной звали... Настрадалась она с нами, миленькая труженица. Великая мученица. Великомученица, можно прямо сказать...

Уходила она на работу рано утром – мы ещё спали. Просыпались – крынка с молоком на столе, и хлебушек кусочком, и картошка в мундире. И мы с сестрой ели самостоятельно... А потом вперёд – тоже за работу. Да-да... Была у нас свинья. Хрюшаня. И мы обязаны были эту

свинью пасти. Свинья большая, жирная, ленивая, а мы махонькие, шесть и семь годков нам с сестрой всего набежалось... И вот выгоним эту свинью со двора и пасём, как могём. Как могём, так и пастушим. А ещё надо курей накормить. И курей кормили – картошки им намнём сколько-то, и довольно... Помню, очень боялись грозы. А тут нашла такая гроза страшная! Ливень, ветер сучья ломит, а у нас свинья никак домой не идёт. Мы её гоним-стягаем, а она в луже валяется. Похрюкивает ещё с удовольствия. Потом треск, словно дерево какое в аккурат пополам распластало... А за деревней тогда было гумно. И вот загорелось это гумно. Потом второй треск, шум, тарарам – на мельнице девятилетнего парня убило. Молнией прямо попало... Гумно горит, мельница тоже занялась, а в деревне никого, все на работе в поле. Одни старики на полатах. Да мы с сестрой – сопли-свинопасы... Кое-как загнали всё ж тогда упрямую скотину во двор. Она в навозе шоркается, и мы лежим тут же, в подворотне, слезами исходим. Описались даже. Страшно как было – не передать...

Мальчику на своей немилой лежанке тоже вдруг сделалось страшно. Он ещё потомился пару минут с закрытыми глазами, чутко вслушиваясь в окружающую тишину, словно ожидал раската грома, потом сбил в ноги одеяло, резко откинул полог и быстро юркнул на крыльцо – бабушке под защитный бочок. Та совсем не удивилась явлению внука – шершавой ладонью провела по его вихрастому чубу и вернулась к прерванному рассказу:

– Мама работала в колхозе, жилось нам тяжело. Потому она договорилась с фермой, чтобы мы с сестрой пастушили теперь и колхозных свиней. Два часа до обеда и два часа опосля. Тринадцать свиноматок по списку, поросят не счесть да ещё и подростки... Выводили их на прогулку далеко в поле, за два километра. Там грязи полно – они в ней и купались в охотку. Не выгонишь силком... И война когда стряслась, мы тоже пастушили, около кладбища. Глядим, на лошадке верхом парень бойко скачет, Николай Макарыч. Он пацан ещё, но его пошто-то с детства все звали только так: Николай Макарыч... Вот едет и кричит: «Нинка, Лидка, бросайте всё



к херям. Война приключилась...» Ой, мы так сразу и спужались. Давай гнать домой своих поросяточек. А они не идут. Ни в какую! Не догуляли своё, потому не вылазят из грязи. Мы уж сами все расхристанные, в глине по уши, не отличишь от свиньи. Кое-как всё-таки справились, загнали на место и... На площади около церкви уже народищу! Тьма. Там трибуна дощатая. И кто ревет, кто храбрится... А мы возрастом салажата, вон, как Стёпка. Что с нас взять? Глупыши неразумные...

Бабушка вновь погладила мальчика по головке.

– Что не спишь-то, внучок? – спросила ласково.

– Не хоча... – коротко ответил мальчик.

– Ну ладно, коли так. Посиди маленько...

Сидели молча, наблюдая, как медленной синевой истекает на горизонте уходящий день.

– Экошь как, значит, – подала голос Митрониха, бабушкина верная напарница и подружница. Она уж, верно, сколько раз этот рассказ слышала, а всё дивится, как новости:

– А мне всё больше помнится, как мамке нашей мы хотели подсобить. Да всё в раскоряку, всё в убыток выпадало... Раз за хороший труд, за ударную работу выделили ей наградную пачку мыла. Печатка такая хозяйственная, большая... И мы, жалеючи маму, решили с сестрой помочь. Моя инициатива: «Давай постираем бельё. Мама придёт и нас похвалит...» Собрали всё, что можно и не можно, унесли на речку. Там всю печатку и измылили... Мама приходит вечером с поля. И мы ей дружным хором: «Мама, мама, а мы тебе помогли!» – «Что-что?» – «А мы всё бельё перестирали. Всю одежду...» – «Да? А чем же вы стирали?» – «А мылом». – «А где мыло?» – «А мы измылили...» – «Да этим мылом только белые платочки потребно стирать...» Так-то в деревне все стирали золой. Зольной водой. А тут мы, помощнички... Она даже поплакала. А мы думали, она нас похвалит...

Митрониха перевела дыхание и тут же продолжила:

– Или вот ещё. Зима. И опять мы стараемся маме подсобить. Дров наносим к печке. Большая печка была, и ещё вдобавок железная

печка. С трубами. И туда, и туда наносим... А электричества не было – лампа только. Да и лампа-то пятилинейная, маленькая, тусклая. А если и керосина нет, так коптилка тогда... И вот закоптилось стекло пятилинейной лампы. Я сестре говорю: «Давай вычистим. Маме сделаем подарок...» Она противится: «Сломаешь». – «Нет, не ломаю». – «Ты плохо вычистишь». – «Нет, я хорошо вычищу». И я вычистила на крыльце снегом это стекло. Чисто-чисто стало... Топая обратно в избу и, чтобы не сразу показать сестре, какое оно чистое, прячу стекло за спиной. Прохожу у печки, а трубка за угол – дзинь! И сломалась... Господи, горя-то сколько было. Сколько плача. Слез-то сколько было пролито. Стекла-то ведь такого негде было купить. Вот ведь проблема какая стала... Как отревелись, залезли на полати, под тулупом угомонились. Мама приходит ночью, уже темно. Но сестра выставилась тут же и заявляет с ябедой: «Мама, коптилку зажигай. Танька стекло поломала, лампу нельзя трогать...» Мама зажгла коптилочку, устрепалась скоро со скотиной. И лишь тогда спросила: «Зачем вы это сделали? Я вот вас сейчас накажу ту и другую без разборки, будете знать». Взяла сучилку – батожок тоненький – и раз-раз. Поколотила маленько. Не по нам, по тулупу...

Прильнув к тёплому бабушкиному боку, мальчик уж было начал подрёмывать, посапывая и клоня голову на грудь. Но услышав, как кого-то где-то поколотили, выхватив это слово случайным порядком из чужого рассказа, тут же широко распахнул глаза, поёжился, передрнув плечами.

– Спать-то не пора ли тебе, милоч? – вновь спросила бабушка.

– Не пора, – капризно ответил мальчик, понимая, что обманывает и себя, и взрослых. А потому минуту спустя уже без лишних уговоров поднялся с места и поплёлся в сени на кровать.

– Спокойной ночи! – кинула ему вслед бабушка привычное пожелание и вернулась к разговору с соседкой: – А война грянула – страшно как. Стали забирать на фронт мужиков. И девушек несколько забрали. Плача было

скоко... Вон Настя Кораниха жила. У неё муж русский, Алексей по имени, но почему-то он всё время читал Коран. И прозвище ему дали соответственное – Коран. А она, следовательно, Кораниха... Он перед самой войной умер, этот Алексей Коран, и она осталась вдовая. У неё было пятеро сыновей и одна дочка последняя. И вот все эти парни, друг за дружкой, оказались в армии. Кто во флоте, кто чего. И бедная Настя сначала одну похоронную получила. Следом вторую, третью, четвёртую... Когда последнюю похоронку принесли в сельский совет – на пятого, – тогда уж и не знали, как это Насте сообщить. И так вся никакая, от горя чёрная, как головешка, а тут ещё добавка. Но сообщать всё одно надо, как иначе... А парни-то были какие красивые. Высокие, кудрявые. Сероглазые, чернобровые, румяные. Статные такие. Я всех их очень помню, хотя и малявка была... И вот пришла похоронная на пятого. Секретарка сельсовета, молодая баба Паня, жалобится: «Не знаю, как вручать...» А мама моя была утешительницей. И ещё Катя Кондрашиха. Тоже утешительница. Только мама словами могла утешать, а Катя всё лаской да нежным поглаживанием... В итоге они пошли втроём. Секретарь и две утешительницы. А дело было вечером, после работы. Увидала их Настя и сразу остамела вся. «Чё, – говорит, – случилось?» Ещё вопрос не успела задать, а уже поняла сердцем, что к

ней сельсоветских привело, какая тяжкая работа... Упала тут же, как подкосили её, окаменела вся. И трое суток, считай, от неё не отходили мама и эта Катя Кондрашиха. Одна до обеда сидела дежуркой, другая после обеда. Одна до полуночи, другая с полночи. А Кораниха всё лежала недвижно, словно и вправду насосем померла... Фельдшера не нашли, медика не было. Ничего сделать с бабой не могли. Уж и ноги-то ей мочили колодезной водой, и голову тормошили, и по щекам её хвостали, и по рукам-то её били до чёрных синяков. Всё делали, чтобы только привести в чувство. А она лежит трупом, глазами, правда, смотрит, но никаких потуг к жизни не подаёт. Потом уж только, на третий, кажись, день, к вечеру отошла. Головой качнула, рукой шевельнула. Жива! И как тогда плакала, как завывала. Как зверь дикий, прямо точь-в-точь. И утешительницы тут же с ней подголоском – воют и воют, и слёзы по щекам размазывают...

Бабушка махнула согнутыми пальцами по глазам, словно случайную слезу тоже старалась скрыть:

– А в сорок четвёртом году и у нас мама серьёзно захворала. Перед тем у её родного брата, пропавшего без вести, жена померла – четверо детей от них остались. Повесились они тогда на нашу маму, плачут, жалостят: «Крёстна, не сдавай нас в детдом. Крёстна, не сдавай...» Так

и стало нас общей оравой шестеро, и мама одна. А потом она заболела... А почему занедужила-то? Кормить нас надо, а кормить нечем. И она пошла с подружкой по ранней весне на озеро рыбу ловить. За пять километров... Сетей нет, морды какие-то плетёные ставили. Чтобы принести рыбу одним разом и себе, и в колхоз, в столовую. Или куда там ещё. Это уж я не помню... И вот они шли по озеру и провалились. Простуди-





лись сильно. Но напарница-то выдюжила, не расхворалась, а мама слегла. И мы вот – ой-ой. Настрадались как, Господи!.. Мама лежит, а налоги-то вынь да положь. Налоги страшные. Надо скоко-то килограммов масла сдать, надо сто яиц сдать, надо мешок шерсти сдать. Это всё один сельхозналог. Да плюсом живые деньги... И вот приехали из района агенты. Мужики крепкие, мордастые. По домам давай шастать. Раз приходят к нам – у нас денег нет. Второй раз приехали – денег нет. Третий раз приехали – денег нет. А мама лежит – жёлтая, худая. Кожа да кости. Уже совсем помирает. И над ней, представь, двое здоровяк-мужчин топают ногами. А мы рядом жмёмся, ревём. Шесть душ, и все крохи... И вот она повела в нашу сторону рукой и заявляет: «Возьмите их всех... как налог...» Те только фыркнули, дверью хлопбыстнули. Через два дня приезжают вновь, уже на тарантасе. Заходят прямо в огород, вырывают всю морковь, капусту всю вырывают. Лук, чеснок и что там ещё было. И всё это погружают скопом и увозят. За налог якобы... А соседка, тётка Мясникова, видит это бесчинство и прямо в лицо им бросает: «Бессовестные вы ахиды, что же это вы творите? Креста на вас нет. Ребят-то голодом пошто хотите заморить? Сироты-то в чём провинны?...» А в Троицком в то время был лесопункт, там и столовка. В эту столовую агенты сдали наши овощи, а выручку пропили. Нам же ни квитанции, ничего... Подходит окончательный срок платить налог. Снова приезжают. Уже другие шныри. И повели у нас со двора корову. Кормилицу нашу. Тётка Мясникова, помню, вновь выбежала и кричит: «Ой, что деется, что деется! Вот кого убивать-то надо. Вот изверги, вот враги!..»

Когда увели корову, мы, конечно, страшно голодали. Так все, даже с дальнего конца деревни, несли нам молочка. В крыночках, в черепажных горшочках. В платочек поставят портяной и принесут: «Марфочка, возьми...» А мама только плачет, ничего сказать не может... Лежит и тихо помирает. В общем, совсем худы дела...

Единственная ценная вещь осталась у мамы в сундуке – это скатерть. Необыкновенно

красивая. Подарок... И вот как-то приходит тётка Мясникова и советует: «Нинка, скатерть-то продайте. Хоть хлеба купите. Может, мать-то у вас с того и поправится...» Послали меня с этой скатертью к соседу через дом, который работал в сельпо на складе. Это не селинский уроженец, пришлый, но в Селино как-то прижился, обженился. И вот я пришла и стою. Он спрашивает: «Чего пришла, девочка?» – «Пётр Трофимыч, мамка умирает, и мы с голоду пухнем. Возьмите скатерть, дайте хлеба...» – «Ну, показывай...» Развернул скатерть, покивал довольно головой. И командует жене: «Дай полтора ярушника...» А ярушнички тоненькие. Целый и половинка. Кило двести, не больше. Но я и этой подачке рада...

Принесла я этот хлеб, выложила на стол, все тут же собрались. Смотрелки устроили. Сестра заявляет: «Никто не трогает. Это маме!..» А у всех слюнки, всем хочется хоть крошечку. Как тут утерпишь... И тогда сестра спрятала всё в большую корчагу и убрала подальше. Только маме сразу отрезала половинку тонкого ломтика. И пока мама ела, мы молились. Ну как молились... Встанем рядком, на восток смотрим и крестимся. Просим Господа Бога, чтобы сохранил нашу маму. И она и вправду потихоньку выправились...

Мальчик лежал в сенках с закрытыми глазами, сложив руки на груди, и никак не мог заснуть. Но и бабушкин рассказ он почти не слышал – так, отдельные фразы, отдельные слова: «голод», «скатерть», «ломтик», «крестимся»... Он поскрёб ногтями лоб, который почему-то зачесался, хлопнул по животу, давая проникшего сквозь марлевый занавес одиночного комара, затем потёр правое плечо, саднящее от полуденного загара, притянул край одеяла к левому боку – словно тоже осенил себя крестом-оберегом. Сказал, как скомандовал, чётко и громко: «Надо спать! Надо спать!..» Но ещё долго ворочался, едва улавливая затихающим слухом осторожный старушечий говор на улице.

– А я, Ивановна, всё племянницу забыть не могу. Стоит перед глазами как живая, – подхватила рассказ подруги Митрониha. – Уж такая была красивая, прямо ангел во плоти. Волосы

белые, как ленок, вьющиеся. Глаза открытые, голубые-голубые. У мамы нашей такие были глаза. Бровки чёрные, что шнурочки, сама румянёная. Полюночка! Мы её так все любили... И вот когда недоедали, она всё отекает, отекает. И умерла тихонько. А ей всего пятый годок пошёл... Хоронить некому, женщин всех запрягли на лесоповал. Один старичок под боком, Василий Кузьмич, Царство ему Небесное. Мы к нему сходили, упросили. Он пришёл, мерочку снял. Гробик скоро сколотил. И мы все: я, сестра, двоюродный брат, мой ровесник, – мы втроём пошли копать могилку. В декабре месяце. Взяли топор, взяли лопаты, взяли печню, заступ такой железный, заострённый... Нашли на кладбище, где родственники похоронены, расчистили свободное место. И стали рубить землю топором. Но силы-то нет рубить, да и замёрзла земля. И печнёй стучаем – не поддаётся. Но всё ж таки сколько-то топором порубим, лопатой погребём. И руками больше, руками... Наверное, с полметра только и выковыряли в глубину, больше силы не осталось... Потом иная проблема – на чём везти. Лошадей забрали на фронт – быки только. А быки – кто воду возит, кто корм возит. Даже быка нельзя получить. И вот на саночки этот гробик махонький поставили и поехали хоронить... И как мы плакали – как мы её любили все. Даже теперь у меня... не отходит от меня это чувство любви к ней. Это восхищение – такая была умнёная да красивёная, голосочек такой нежный... И вот мы её хороним. Опосля палочку случайную на могилку воткнули, поперечину чем-то прихватили. Как крестик...

Последние слова Митрониха произнесла, едва сдерживая всхлипы, комкая в кулаке мягкий солоноватый платок.

– Да-а, сколько уже с той поры годков отстукало, а всё помнится, – вздохнула бабушка мальчика. – Горькое время выпало, а памятное, неотступное.

– Далёкие годики, да дорогие, – согласно закивала и Митрониха...

...А новое утро длилось и длилось нескончаемо.

Выгнув спину и помяв серый бок о дверной шершавый косяк, мягко ступил на крыльцо бабушкин кот Ванька. Задрал вверх остроухую голову, посмотрел без особого интереса на лежащее на коньке соседней избы солнечное блескучее кольцо и тоже вдруг повалился на доски, подсовывая под почёсывание свой мохнатый живот. Мальчик сначала хотел пихнуть настырного кота в придорожную пыль, но потом передумал. Помахал ивовою веточкой перед кошачьим носом, заставляя Ваньку впустую махать в воздухе лапой и выпускать коготки, потом помяукал несколько раз, насупив брови и уставившись тупым стеклянным взглядом в расширившиеся зрачки насторожившегося кота, подразнил его суровой гримасой, ожидая спешного кошачьего бегства, но всё было без толку. Деревенский проныра – то ли по природной своей лености, то ли по иной веской причине – стойко перенёс все мальчишечьи выдумки и издевалки.

– Ах ты, гад, – сказал мальчик и довольно рассмеялся.

И указательным пальцем ласково коснулся тёплой, чуть подрагивающей шёрстки живота хитрого хвостатого ленивца.

Вытянул кот лапы на солнечных ладошках – сейчас замурлычет.





Людмила БРАГИНА

В четвёртом часу солнечный свет стал приглушённое, словно укрывшись за матовой прозрачной вуалью. Зимний день короткий, и я старалась в выходной успеть сделать побольше дел, накопившихся за неделю. Наконец выдохлась и прилегла на кровать. Спать было жалко: уснёшь на часочек, глаза откроешь – а за окном уже темно и никаких сияний и переливов, и потом до утра только жёлтое однообразное свечение люстры под потолком. Поэтому я лежала, смотрела в окно и наслаждалась покоем и сладкими, мерно накарывающими волнами полудрёмы.

Но ведь не может быть так хорошо человеку вечно, на этот случай есть телефон.

– Привет. Я вернулась из Питера, если что.

Это Валя. Мы подруги со школьной парты. В седьмом классе я перешла в другую школу. Район, куда мы переехали с мамой, был, что называется, пролетарский. В облупившихся хрущёвках жил утомлённый пьющий рабочий люд и их самостоятельно выросшие отпрыски. Выходя на балкон, я каждый раз видела одну и ту же безрадостную картину: посередине заросшего сорной травой двора три контейнера

для пищевых отходов. Чуть поодаль, под старым тополем, грубый деревянный стол, лысые и седые макушки сидящих за ним мужиков в застиранных майках, играющих с утра в карты или домино. Иногда это сонное и тягучее происходящее разбавлялось двумя сценариями: медным лязганьем и глухими ударами похоронного оркестра или пронзительным воем милицейской сирены.

Мой новый классный руководитель, учитель физики Иван Петрович Шивотов, узнав, что я хорошистка, посадил меня к самому отпетому нарушителю дисциплины, который, как я узнала позже, был на два года старше всех и недавно вернулся из колонии для несовершеннолетних. Это было сделано с целью его исправления путём моего благотворного влияния. Игорь Зайцев, так его звали. Меня это соседство вгоняло в состояние ступора. От него мерзко воняло табаком, он вертелся и бузил на уроках, но появлялся редко. Чаще его видели на школьном стадионе, где он с такими же оболтусами гонял мяч. В классе говорили, что отца у него нет, брат сидит в тюрьме, а мать не работает. Вскоре за кражу сахара в

ближайшем гастрономе «Восход» Игорь снова был задержан и в школе больше не появился.

Через некоторое время Иван Петрович подобрал ещё одну кандидатуру на исправление – светловолосого щупленького мальчика с лёгкой неотмирной улыбкой. С первого взгляда Виталик Калинин мог даже показаться дурачком, но его серые глаза смотрели внимательно и пытливо, и временами в них проскакивали озорные искры. Он оказался матёрым прогульщиком-путешественником. У него была кличка Расмус-бродяга, которая удивительно точно ему соответствовала, было даже внешнее сходство с главным героем недавно вышедшего приключенческого фильма. А скорее всего, ещё и сам Виталик выбрал его образцом для подражания. В руководство школы периодически приходили сообщения из линейных отделений милиции железнодорожных станций с разных сторон нашей необъятной родины, где его снимали с поезда. География путешествий была непредсказуемой, они отличались длительностью и постоянством.

В общем, получалось так, что в основном я сидела за партой одна, открытая всем враждебным ветрам, как сказал когда-то Саша Чёрный. Не у кого ни списать, ни спросить, ни просто почувствовать человеческое тепло рядом.

Наконец неугомонный физик посадил меня с девочкой. На этот раз миссия моя была неясна. Я знала, что одноклассницу зовут Валя Коваль, учится на тройки, молчаливая, скрытная. Она исподлобья насторожённо взглянула на меня и ничего не сказала. Я тоже промолчала. Мы сидели, как два волчонка, стараясь не смотреть друг на друга. После уроков, уже выходя из калитки, мы оказались рядом, и Валя немного стеснённо предложила:

- Давай дружить? Я читать люблю, а ты?
- Конечно, давай! Я очень люблю читать.

И с этой минуты до самого выпускного мы не расставались ни на день. Наши дома находились на одинаковом расстоянии, но в разных сторонах от школы, поэтому мы после занятий задерживались возле калитки обсудить новости, договориться, что мы будем делать, когда встретимся после обеда, пока кто-то из учителей не разгонял нас по домам.

Сейчас мы живём на разных концах города, встречаемся реже, в основном общаемся по телефону, но в курсе всех событий жизни друг друга.

Год назад её дочь вышла замуж. Поработав вместе с мужем на нашу среднеарифметическую провинциальную зарплату, при которой будь ты хоть трёх пядей во лбу, а хоть и змий о трёх головах, выше них не прыгнешь, решили попытать счастья в Северной столице. Молодые, лёгкие на подъём, решительные, даже немножко завидно прошлым числом, ещё здесь нашли на «Букинге» квартиру, а на досках объявлений – работу и уехали.

По мессенджерам особо не наговоришься, не насмотришься, поэтому, подгадав, когда у ребят отпуск, а у родной тётки день рождения, Валя махнула на недельку в гости. Везучая.

- Ну, расскажи, какой он теперь?
- Он прекрасен. Ноги только гудят.
- Помню, ноги нужны страусины.

Хотя я говорю это больше для того, чтобы поддержать разговор. Какие в шестнадцать лет проблемы с прогулками на дальние расстояния? В первый раз мы отправились в гости к этому каменному красавцу, обласканному мировой славой, на летних каникулах, окончив девятый класс. И были готовы бегать с утра до вечера по проспектам и набережным, Ботаническому, Александровскому, Летнему садам.

Утром, просыпаясь в квартире Валиной тётки на Московском проспекте, я каждое утро рассматривала лепнину на четырёхметровом потолке и думала, что уснула в музее.

Вспомнились наши зачарованные блуждания белыми ночами, похожими на жидкий чай, разбавленный молоком, и поездки на катере в зелёный, бьющий в небо искрящимися брызгами фонтанов Петергоф. И снова я удивилась, как наши родители отпустили нас одних...

Это лето было таким фантастично-невозможным, каким его не описал и до сих пор ни один из тех сочинителей, которые высасывают из перегретых мозгов миры, уменьшая или увеличивая обычных людей, вытягивая



им уши, приставляя на макушку антенны или тупо окрашивая в синий цвет.

За время нашего гостевания на Питер не упало ни единой дождинки. Нева и каналы были идеально гладкими и блистали кобальтом и золотом лиможского фарфора.

Мы были восхитительно свободны, юны и легки. Мы не чувствовали никаких заземлений в образе надвигающегося нового учебного года, скучных форменных платьев, стопок учебников. Не думали о них вообще.

Нас будили кофейни и горячее молоко с круассанами, позаимствованная капелька тётиных духов «Нина Риччи» с двумя очаровательными белыми голубками, стоявших на туалетном столике. Они назывались «Воздух Времени» – терпкие и нежные, полностью совпадающие с духом того беззаботного и романтического времени, понимания без слов.

Вернувшись домой и отославшись, мы встретились на следующий день. Едва увидела подружку, у меня сжалось сердце. Свет её зелёных глаз померк, потускнел, радость полиняла, как после долгого и холодного дождя, на лицо подруги снова вернулось напряжённо-загнанное выражение, речь стала неловкой и зажатой. И я знала, почему это случилось.

Я росла без отца, мама развелась с ним, когда мне было семь месяцев. Сколько себя помню, наравне со сказками я обожала смотреть американские фильмы. Самые любимые кадры – это когда вся семья собирается за столом вокруг румяного пирога или опять-таки все, весёлые и позитивные, отправляются в путешествие или поездку, где будут опасности и приключения, но обязательно всё закончится хеппи-эндом. И весь мой фокус внимания был сосредоточен на главе семьи, подтянутом, уверенном, понимающем, готовом прийти на помощь не только советом, но и защитить от всех опасностей внешнего мира, как Джон Мэтрикс из «Коммандо». Но это позже, в отрочестве. А в три-пять мне очень хотелось на ручки и чтобы папа дарил игрушки и сапожки.

Меня это не отпускало лет до восемнадцати, почему-то периодически я возвращалась к этому состоянию. В новой школе мне было неуютно и одиноко, и я думала: «Вот пришёл бы папа, он бы "поговорил по-мужски" с моими обидчиками». Воскресным вечером, когда приползала домой после дачи, в голове крутилось снова: «Вот если бы был отец, он бы помог вырыть эту жуткую картошку в два счёта, а мы с мамой потом надели нарядные платья и пошли бы в кино...» И тому подобное.

В самом начале нашего с Валею знакомства, узнав, что мы с мамой живём вдвоём, она искренне воскликнула: «Какая ты счастливая, что у тебя отца нет!» Я тогда смолчала, даже обиделась, но потом, когда мы подружились и стали бегать друг к



Людмила БРАГИНА

Родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета.

Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г.) молодежной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея.

Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников.

Редактор литературного журнала «Дрон».

Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995),

лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012).

Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

Публиковалась в журналах «Дрон», «Звонница», «Наш современник», «Нижний Новгород», «Парус», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и ночь», «Истоки», «Литкультпривет!» и других.

другу домой, не только поняла, но и во многом согласилась с ней.

Дядя Коля работал на заводе столяром. Вредная и даже опасная для здоровья профессия. У всех перед глазами складывается картинка: просторная мастерская, стоящий за верстаком крепкий молодец в кожаном фартуке, с мускулистыми руками, с рубанком, от которого расходятся лёгкие волны золотистой кудрявой стружки. Но если взглянуть правде в глаза, то именно такие молодцы, как и другие мастеровые, специалисты в своём деле – электрики, слесаря, газовики, – быстрее всего и спиваются из-за своего повсеместно востребованного ремесла. Кстати, даже сказочный родитель деревянной куклы Буратино, Джозеппе, тоже частенько любил заложить за воротник.

Выглядел дядя Коля так, что мог сойти не за Валиного отца, а за дедушку. Сутулый, щупленький, наполовину беззубый. Возвращался домой он нетвёрдой, пошатывающейся походкой, на лице блуждала бессмысленная пьяная улыбка. Если мы были в это время во дворе, Валя мгновенно скукоживалась, отворачивалась и старалась встать так, чтобы он её не заметил и не стал окликать, по-дурацки размахивая руками.

Потоптавшись немного у подъезда, он брёл домой. Сам готовил ужин, как правило, жарил на сале несколько яиц. Пока они шкворчали и румянились, дядя Коля брал алюминиевую кружку и шёл к соседке по площадке бабе Нюре.

По факту он получал двойную зарплату: ту, которую гарантировал и контролировал трудовой кодекс и заводской профсоюз, и серую: в другой, жидкой, но более твёрдой валюте.

«Вот о каком парадоксе было бы интересно поговорить с физиком», – усмехнувшись, подумала я. Даже школьники знали, что за магарыч можно было и рассчитаться за услуги, и «достать» любой дефицит, хоть чёрта с рогами. Нормой жизни стало тариться и запасаться надёжными платёжными «денежными единицами», храня их в заглазниках и холодильных «сейфах».

Пока страждущий народ проклинал «минерального секретаря» в очередях длиннее,

чем к Мавзолею, и оголтело штурмовал точки продажи алкогольной продукции, стремясь пройти по блату через чёрный вход, как могли только «белые люди», самогонщики сметали с полок весь сахар.

Бутылка государственной «беленькой» подросла и заматерела с трёх шестидесяти до девяти рублей, а поллитровка косорыловки обходилась в 50 копеек при смешных расходах – бидон и ванна. И такой расклад наглядно подтверждал расхожее высказывание о том, что «нет такого преступления, на которое не пойдёт бутлегер ради прибыли в 300 процентов».

Вот и у дяди Коли прямо за стенкой варилось ведьминское зелье, бурлило и капало из подколодного змеевика...

Возвращаясь, ставил чёрную чугунную сковороду на облезлую, изодранную клеёнку, выпивал половину кружки, ел, чавкая и вытирая текущие слюни хлебом. Потом опрокидывал в рот оставшийся самогон и закусывал вареньем.

Обычно Валя и её мать, тётя Оля, на это время старались куда-нибудь уйти. Если же они оказывались дома, то ни уроки, ничего другого делать было невозможно – он начинал докапываться с идиотскими разговорами. Кривя щербатый рот, причмокивая и шепелявя, вспоминал старые обиды, которые происходили от неуважения к нему, трудовому человеку, который ради них горбатится всю жизнь. Потом его лицо шло пятнами, глаза наливались кровью, он оскорблял и обвинял их во всех несправедливостях жизни, пока самогон бабы Нюры не срубал его, добавляя ещё одну к уже случившимся.

Мне было тогда лет десять. Шли летние каникулы, и в один из погожих благодатных днейков мы с бабушкой выбрались на дачу. Для городского ребёнка вроде меня каждая такая поездка становилась волнующим приключением. Чистый воздух, простор, пение птиц вызывали восторг, вдохновляли и окрыляли. Бабушку я просто обожала, её хорошее, бодрое настроение заряжало энергией, она рассказывала так много интересного, и мне постоянно хотелось у неё учиться.



– Ты смотри, середина лета, а земля зимы никак не просохнет, – сокрушалась она, прохаживаясь по дорожкам, заросшим всевозможной растительностью. – Не дача, а болото, совсем закислилась, уже и плаун вылез!

– Какой плаун?

– Плаун-баранец, – бабушка показала на маленький травянистый кустик-ёлочку с крошечной зелёной шишечкой наверху. – Он у нас по оврагам, сырым сосновым лесам да по окраинам болот рос.

Она сорвала один побег, густо покрытый узкими кожистыми листочками, и протянула мне. Ёлочка была жёсткой, прохладной и маслянистой на ощупь.

– Бабки-ворожки его высоко ценили.

– А за что, расскажи!

– Придёт к ним какая-нибудь горемычная, у которой муж пьёт, рада последнее, что осталось, отдать, в ноги кидается, просит помочь. Вот они ей настой баранца и дадут, и научат, как, когда и куда налить...

– И что?

– И у Ивана и Федота от спиртного будет рвота. Отвар из него добавляли пьяндыгам в еду и питьё, а потом их так выворачивало, что не только пить, и глядеть не могли, самого слова боялись! А иногда из плаунов и венки плели на кладбище, – задумчиво продолжила бабушка, – руки помой после него, ядовитый он.

Вот этот давний разговор и вспомнился мне после нашего возвращения из поездки. И я рассказала подруге, от всего сердца желая помочь ей исцелить дядю Колю от злого постыдного недуга.

– Валь, а ведь сейчас как раз время, плаун-баранец в августе-сентябре собирают и сушат, может, съездим на дачу, вдруг найдём?

– А ты знаешь, как его готовить?

– В принципе, да. Отвары примерно одинаково на водяной бане готовятся, охлаждаются, отжимаются и доводятся до первоначального объёма. Тут только надо, чтобы он после спиртного выпил...

– Ну, за этим дело не станет, – горько усмехнулась Валя.

Через пару часов мы уже ехали на автобусе домой и везли в полотняной сумочке зелёную охапку будущего лекарства.

Сушили его у меня на балконе в глубокой тайне, точно совершали магический обряд. На боковой полочке я постелила чистую бумагу, разложила каждую ёлочку отдельно и накрыла сверху слоем марли, чтобы на растение не попадали прямые солнечные лучи. Несколько дней я усердно следила, чтобы маме ничего не понадобилось на балконе. Один раз в самый последний момент едва успела перехватить тазик с постиранным бельём и вызвалась сама повесить его, хотя обычно терпеть не могла эту процедуру.

Когда после неверного цоканья по замку, бряцанья падающих на пол ключей, кряхтения, чертыханья и возни дверь наконец распахнулась, у нас всё было готово. «Лекарство» налито в небольшую бутылочку и сокрыто до своего часа в кармане старенького Валиного халата.

– О-о-о-о, у нас хозяйюшки дома! – преувеличенно радостно вскричал наш «пациент». – Сейчас вечерять будем!

– Ага, – закивали мы, улыбаясь и усыпляя его бдительность.

Бухнув сковородку на плиту и мигом нашинковав сала, дядя Коля решил добавить праздника и скрошил туда же три здоровенных луковицы. Мы зашмыгали носами и отодвинулись к дверям. Что-то напевая себе под нос, он достал лоток с яйцами и начал разбивать их сначала о сковороду, потом о плиту, последние о стену, периодически оборачиваясь с лихим видом знаменитого повара-виртуоза. Остановив на нас мутный взгляд, дядя Коля покрутил головой:

– Э нет, так не пойдёт, кто не работает – не ест! – и поманил заскорузлым пальцем. – Вы тут последите, чтоб не пригорело, а я сейчас! Захватив неизменную кружку и хитро подмигнув в дверях, выскочил на площадку.

– У нас три минуты, – шепнула Валя и достала бутылочку.

– Давай на яичницу, на хлеб набрызгаем и остальное в компот, на стол поставим, может, выпьет...

Хлопнула дверь. Валин отец уже бережно нёс кружку с ценным содержимым, не отрывая от неё взгляда.

– Будете? – с воодушевлением в голосе обратился к нам. – Чего ж вы не садитесь?

– Так, всё. Мы пошли уроки делать, – насупилась Валя, испытывая острое чувство стыда за родителя.

– Эх, молодёжь! Вам бы всё... а отца уважить, этого нет...

И, махнув рукой, он принялся ужинать.

Мы сидели в маленькой Валиной комнате тихо как мыши, смотрели друг на друга круглыми глазами, прислушивались и ждали. Сначала с кухни были слышны резкий выдох и утробные булькающие звуки, царапание вилки по металлу, причмокивания, икота и бормотание. Несколько раз подряд дядя Коля чихнул. Потом установилась тишина. Мы боялись выглянуть. Минуты тянулись до бесконечности.

– Может, он заснул за столом? – шёпотом предположила я.

– Ага, гляди, – тоже шёпотом, но со злостью отозвалась Валя.

И тут с кухни раздался глухой протяжный стон.

Мы вздрогнули и схватились за руки.

Стон перешёл в подвывание и прозвучал ближе.

Посреди зала с безумной гримасой стоял дядя Коля. Все спирты его организма восстали, пройдясь огненной лихорадкой по всему тощему, дрожащему телу. Лицо его побурело, потом побледнело и стало похоже на несвежую мумию. Из рта пошла слюна, по лбу градом потёк пот, он схватился за живот и бросился в туалет.

«Баранец же ещё и слабительное, – мысленно схватилась я за голову, – бабушка ведь тогда говорила – проносное! И мочегонное! Ой, что же мы натворили...»

Шатаясь от слабости, похожий на зомби из «Живых мертвецов», он вышел, но теперь уже приступ рвоты снова кинул его к унитазу. В перерывах между спазмами он клял кого-то, но слов было не разобрать. Когда его на время отпустило, на четвереньках он пополз к дивану.

Тело дрожало и подёргивалось, как будто через него пропустили ток. Дядя Коля попытался встать, но забарахтался, задрогал ногами, глаза закатились, он растянулся на полу и затих.

Мы взвизгнули, вылетели из квартиры и через двор помчались к соседнему дому, где был телефонный автомат, вызывать скорую. Пока не приехала машина, мы испуганно толклись в коридоре у открытой входной двери.

Минут через десять, увидев, что по лестнице поднимаются мужчина и женщина в белых халатах, мы выскочили им навстречу.

– Сюда, сюда! Тут человеку стало плохо.

Едва зайдя в квартиру, мужчина-врач окинул цепким взглядом обстановку, лежащего в той же позе на полу дядю Колю, повёл носом и, скривившись, бросил:

– Перебрал.

Дебелая фельдшерица, отдуваясь, поставила на стол серебристый чемоданчик с красным крестом, открыла, достала из него пузырёк с нашатырём, смочила ватку и брезгливо сунула под нос лежащему. Дядя Коля мотнул головой, но глаза не открыл.

– Человеку... – протянула она с явным осуждением. – Люди ради этого человека чемодан по десять килограммов с этажа на этаж таскают, а другие люди с инсультами и инфарктами ждут, а тут плохо ему... – И уже тише продолжила: – Кто он вам?

Валя вздрогнула, покраснела и сжалась.

– Отец.

– Собери ему документы и самые необходимые вещи. Сейчас доктор ему массаж сердца сделает, и повезём в больницу промывать желудок.

Всю неделю, пока Валин отец находился в больнице, мы чувствовали себя главными фигурантами дела «врачей-отравителей» и каждую минуту ждали, когда за нами придут и поведут в тюрьму. Тётя Оля ничего о нашем лиходеястве не знала, она сходила к дяде Коле в больницу и сказала, что скоро его выпишут. Впрочем, сообщила эту новость довольно уныло.

А мы, наоборот, воспряли духом и ждали чудесного результата. Мы верили в плаун-баранец.



Дядя Коля вернулся из больницы посве-
жевший, но всё ещё временами нервно вибри-
рующий.

Вечером его первого рабочего дня мы ни-
куда не пошли, ждали его возвращения и га-
дали: вернётся он к своему прежнему ритуалу
или нет? От нетерпения мы попеременно вы-
глядывали в окно, вглядываясь в каждого, кто
появлялся во дворе. Первой его увидела Валя.

– Идёт! Трезвый, что ли, не пойму...

Шёл он медленно, понуро опустив голову,
шаркая ногами. Через несколько минут вход-
ная дверь открылась, и на пороге показался
мрачный и угрюмый Валин отец. Он в сердцах
бросил ключи на полку. Однако, обнаружив нас
дома, повеселел и взбодрился.

– Спасибо, девчата, что спасли меня. Не
будь вас, я бы тут концы отдал, а так всё ещё
жив, не помер. Есть хотите?

Мы отказались, но невзначай прохажива-
лись мимо кухни и подглядывали, стараясь не
пропустить главного.

На ужин тётя Оля сварила какую-то кашу,
и он не стал ничего добавлять, осторожно по-
ложил себе на тарелку и стал есть. Механиче-
ски жевал, глядя в одну точку, словно решая
для себя какой-то исключительно важный для
него вопрос. Его охватила та же идея, что и
Родиона Раскольникова в отношении стару-
хи-процентщицы.

Сполоснув тарелку, он потянулся было к
алюминиевой кружке, но сморщился от отвраще-
ния и перевёл взгляд на ящик с инструментами,
где сверху лежал тяжёлый плотницкий топор. Но
тут вернулась домой тётя Оля. Переобувшись в
передней, она с улыбкой заглянула на кухню.

– Ну что, моя каша вкуснее, чем в боль-
нице?

Он по привычке схватил кружку и, про-
скочив мимо неё, выбежал из квартиры.

Всё кипело у него в душе. С пролетарской
ненавистью он вдавил кнопку звонка и держал,
пока за дверью не послышалось недовольное:

– Да иду, не голоси, горит тебе...

Баба Ньюра открыла дверь, абсолютно не
подозревая, какая страшная участь приго-
товлена ей за порогом. Едва она высунулась

в проём, как дядя Коля взмахнул рукой. Она
дёрнула головой, и кружка просвистела мимо
её уха, как снаряд, сопровождаемый потоком
не вписывающихся в нормативную лексику
выражений.

Дядя Коля схватил её за ворот вязаной
кофты и жидкий седой крысиный хвостик и
выволок на площадку.

– Говори, старая карга, что намешала в
своё пойло? Из чего гнала? На чём настаивала?

В этот миг в его голосе скрежетал металл
Великого Инквизитора.

Королева шмурдяка выпучила глаза и
стала божиться, что не меняла испытанный и
проверенный годами рецепт и никаких новых
ингредиентов не вносила.

– Димедрол небось добавляла? Куриный
помёт сыпала? Воду из батареи наливала? Го-
вори, чёртова кукла!

Он всё трепал её за шкуру и норовил
стукнуть кружкой по голове, но уже с гаран-
тией не промахнуться.

Баба Ньюра плакала и отбивалась. Потом
вырвалась и резво помчалась вверх, отчаян-
но тарабаня во все двери с криком: «Убивают!
Милиция! Спасайте!»

Дядя Коля со злой улыбкой и одержимо-
стью Терминатора гнался за ней, перескаки-
вая через две ступеньки: «Вызываешь огонь
на себя? Тогда ори громче!»

– В эфире «Военное ревю». С вами говорит
полковник Баранец! – сквозь белый шум воспо-
минаний пробился бравый голос из маленького
приёмника.

Я потрясла головой, пытаюсь разграни-
чить времена своего присутствия. За окном
сгустились осенние сумерки, на кухне суетился
Станислав, на столе стояла дымящаяся тарелка
борща. Он оживлённо потирал руки, доставая
из холодильника чекушку водки:

– Ох, и продрог я, октябрь уж наступил,
дохнул осенний хлад...

Я посмотрела на его покрасневшее
лицо, рюмку, полочку с гомонящим приём-
ником...

– Баранец, говоришь, ну-ну...



ВСТРЕЧА НА УЗКОЙ ДОРОГЕ

Джернс АЛОП (Андрей Лесной)

31 год. Проживает в с. Новый Быт Ромненского муниципального округа. Работает лесником. Публиковался в альманах-газете «НЕОнлайн» (<http://amirpoet.ru/neo>). Публикуется под псевдонимом.

Узкая тропа, извинаясь между кустарников, деревьев, каменных скоплений и прочих преград почти девственного леса, на карте отображалась не иначе как широкая просека, доступная для грузового транспорта в любое время года. Впрочем, Андрей прекрасно знал цену всем этим картам по опыту своего деда, который начинал работу лесником в районе притоков Томи сразу после демобилизации из действующей армии осенью тысяча девятьсот сорок пятого. Дед проработал более пятидесяти лет, даже остался ещё надолго после выхода на пенсию и ушёл на покой в свой дом в Быту, только когда десятикилометровый марш на лыжах отозвался сильной тахикардией в течение остатка зимы. Потому руководство лесничества пожало руку Павлу Александровичу, подарило скромные подарки и пожелало прожить ещё лет тридцать, помимо семидесяти семи, исполнившихся аккуратно через неделю после лыжного забега. От прежней работы остались четыре машины дров ежегодно, воспоминания, хорошее здоровье и кипа карт бассейна Томи и смежной с ней через хребет

Турана реки Ченкан. На всех, начиная с карты сороковых годов, имелась именно эта просека, существовавшая, возможно, в середине прошлого века, но исчезнувшая за большое количество прошедших лет.

Двигаясь по тропе на снегоходе, Андрей в некоторых местах находил немые свидетельства функционирования просеки. Ещё в детстве он прекрасно запомнил два места, где остались разные части старых грузовиков, которые так и не смогли эвакуировать после поломки в силу различных причин. В пяти местах находились геодезические точки неизвестно какого года, представлявшие собой деревянные столбы с различной выцветшей маркировкой. Отец рассказывал, что ещё он помнил, как на этих точках крепились специальное оборудование или метки, а потом долго виднелись в местах крепления отверстия, ставшие местом самого активного гниения.

Андрей сейчас как раз проезжал мимо одной из таких точек, расположенной примерно в пяти метрах от тропы, почти в глубине леса. Столб уже практически ничем не выделялся среди окружающей природы, сливаясь с лиственничной тайгой. Метели насыпали на него огромную снежную шапку, кажущуюся гнездом или даже скворечником, словно это стоял некий таможенный пункт для дальнейшего продолжения движения в глубину хребта Турана. Если мужчина правильно помнил, двигаться до конечной точки

ему оставалось около четырёх часов, а проехать требовалось ещё четыре геодезические точки, не отмечавшие строгое расстояние друг от друга. Главное – успеть засветло, чтобы не заблудиться по сумеркам или в темноте, что нередко случалось с куда более опытными дедом и отцом, вызывая последующее недовольство руководства.

Дед вообще исправно выполнял любые наказы руководства лесничества, даже то, что касалось продолжительности жизни. С долголетием он держался до сих пор, побывав на похоронах всех бывших руководителей. Три дня назад Андрей поздравил его со столетним юбилеем, после чего отправился в путь по известной тропе, получив на всякий случай напоминание о ней:

– Значит, так, внучок! – дед специально отозвал Андрея в баню помочь натопить, чтобы никто из женщин ничего не слышал. – Как из Придорожного дойти до избушки на Правом Кунгуле, говорить не буду, там небось до сих пор наезженная охотничками и рыболовами колея! Потом вертаешься на юго-восток и вплоть до Ташины. Но надобно переходить Ташину там, где ещё не влился в неё Тимошкин ручей, слишком бойкий тот и тёплый, можно угодить в воду запросто. Опосля вертаешь на северо-восток и держишь путь прямо.

Как раз на северо-восток Андрей уже и держал путь последние полтора часа, оставив самые дальние места, куда доходили местные мужики на своих лыжах и снегоходах. Дальше идти можно было любому, но для чего? Никто не знал точно, насколько далеко будет следующая река, доступна ли будет для подлёдного лова. Специально ходить на зверя в этих местах тоже считалось глупым, ибо мало тут было копытных, те обитали в большинстве своём севернее. Намного севернее!

Сейчас Андрей прокручивал в голове слова отца, смешившие и тем самым согревавшие. Тот, чуть попозже после деда отведя на разговор в дровник, чтобы никто не услышал, дополнил наставление своим:

– До самых истоков Джалинки не иди, на снегоходе спокойно проедешь через русло её, не беда. А вот в верховьях может попасться и камень, и оползень. – Все слова мужчины сопровождал

движениями рук, рисуя в воздухе маршрут, как по карте. – Не лезь, как дурень, на хребет Турана – там хоть и стланик метров после восьмисот появляется, но опять же камни да неровности! Огибай с севера плавно, в лиственничнике не заблудишься и не поранишься! А как увидишь Литр-рюмочный, знай: скоро будут верхние русла Ченкана; пересекаешь его, потом раз, два, – отец на всякий случай для достоверности загнул пальцы, – после третьего, чуть болотистого, направо и вверх. Там в пещерке уже заночуешь, разберёшься, снегоход можно спрятать от лишних глаз!

Под «Литр-рюмочным» подразумевался господствующий в этой местности пик, с которого начинались настоящие каменистые отроги хребта Турана вместо преобладающей холмистости. Конечно, до звания настоящей горы высота в тысячу двадцать пять метров существенно не дотягивала, однако вместе с тем для покорения новичку в любом случае заготовила немало сложностей.

Ближе к пикам хребта Турана двигаться становилось всё сложнее и сложнее. Незаметной походкой подкрадывалась усталость, всё больше одолевала жажда. Сидеть на снегоходе подчас не приходилось вовсе – больше привставать, переминаться с ноги на ногу, помогая преодолеть очередные препятствия в виде поваленных брёвен, наклоняться под ветками, чтобы не обрушить на себя накопленную на них снежную шапку. Мужчина чувствовал, как серьёзно вспотел. Однако вся одежда была нужной, в противном случае можно в любой момент замёрзнуть, особенно в продуваемых безлесых местах, где ветер спокойно пронизывал даже через тулуп и пару свитеров. То, что мороз сейчас стоял серьёзный, ясно было по лицу, по которому Андрей проводил время от времени рукой, чтобы проверить чувствительность, а также смахивая образовавшийся на ресницах и бровях иней. Отработанный за много лет план остановок говорил, что требовалось ехать ещё километров десять до кабины старого грузовика, где можно укрыться, развести огонь, привести себя в порядок. Самое главное – там теплее всего было снять нижний пропотевший свитер и надеть его наизнанку поверх всех, чтобы в полевых условиях он как можно быстрее просох. Место стоянки так и называлось по-семейному –

Кабина ожидания, поскольку оттуда просматривался почти весь путь до Литр-рюмочного пика.

Семья Андрея ценила Литр-рюмочный не за красоту или необычность покорения. Ценность безымянной на всех без исключения картах высоты заключалась в обилии золотоносных жил и удалённом расстоянии от любых сёл Амурской области или сопредельного Хабаровского края. Из горной толщи пробивались два больших ручья, несущих свои воды на север вплоть до неширокого в этой местности Ченкана. Один из них оказался особенно удобным для промывки золота. Именно вдоль него имелось больше всего отметок на карте, оставленных и дедом, и отцом, и самим Андреем, чтобы не запутаться и не начать промывку в уже отработанных местах. Дед решил использовать карту тысяча девятьсот сорок четвёртого года, поскольку о ней к семидесятым годам все могли просто забыть и не потребовать в случае чего обратно, как казённую вещь. Всё это вместе с устным пересказом и передачей опыта промывки являлось самым главным наследством от деда отцу, а от них обоим – самому Андрею.

Внезапно ход мыслей мужчины прервался. После очередного поворота перед снегоходом показалось непреодолимое, на первый взгляд, препятствие в виде массивной упавшей лиственницы. Огромное дерево полностью перегородило узкую тропинку, завалившись наискосок на лесной массив напротив, потянув за собой другие, менее крупные лиственницы, берёзы и сосны. Ветви выросли настолько густо, что практически стеной встали на пути, после чего покрылись снегом, сформировав одну огромную снежную стену. объехать стороной, даже ближе к вершине упавшей великанши, не представлялось возможным, нырнуть в глубину тайги на объездной путь выглядело куда более предпочтительным, пусть и утомительным вариантом. Очевидно, лиственница упала уже по морозам, не выдержав навалившегося снега вместе с ветром.

Андрей остановил снегоход, но не стал его глушить, чтобы не испытать возможных проблем с пуском двигателя на холоде. Оценивая ситуацию, он покрутил головой по сторонам, стараясь рассмотреть мельчайшие намёки на альтернативный путь. Чаще всего таким могла служить

тропа, по которой передвигались животные – кабаны или волки, следовавшие за кабанами по следу. Конечно, идти по кабаньей тропе долго было крайне опасным делом, однако на минуту-другую она могла сослужить службу, помогая двигаться дальше по графику или практически по графику.

Ничего не было видно!

Словно зверь здесь не жил, не питался, не охотился и не старался убежать от охотника-зверя. Это казалось странным – всё-таки приближался хребет Турана, где человек появлялся крайне редко, не мешая особенно сильно ни травоядным, ни хищникам. Возможно, звериная тропа или тропы, пересекавшие бывшую просеку не единожды, имелись за лиственницей. Сказать это можно, только находясь на той стороне лесной стены.

Тишина оглушала. Слышен был только ветер над тайгой, порывавшийся сдуть снег и с упавшей лиственницы. Дул восточный ветер – в лицо мужчине. Внизу еле слышно рокотал мотор снегохода.

Таёжник спустился в снег и тут же ушёл практически на треть своего роста – снег оказался глубиной выше колена. Передвижение выглядело больше плаванием огромного ледокола, наваливающегося на толстые льдины, – идти чуть наклонившись вперёд, подминая под себя снег, в такой ситуации являлось простейшим выходом. Правой рукой Андрей инстинктивно нащупывал на поясе топор, с помощью которого предполагалось попробовать проложить себе путь сквозь упавшую лиственницу, а при возможности разрубить её вообще на отдельные части.

По мере приближения за лиственнично-снеговой стеной послышался робкий шорох, потом раздался дикий крик, который мог оглушить любого городского жителя. Через мгновение к первому крику добавились новые – более высокие, вызывая небольшую панику и резкое учащение сердцебиения даже у опытного охотника и таёжника. Прошло ещё мгновение, и звуки пришли в движение. Если раньше они шли как будто спереди, то сейчас стали внезапно перемещаться чуть влево и словно двигаться вперёд.

В голове мужчины всё слилось в одну какофонию, область зрения резко сузилась, словно зрачки, повинувшись выплеску адреналина, настро-



ились только на одну точку – как если бы кошка, большая или малая, нацелилась ловить добычу. Правая рука всё ещё продолжала нащупывать топор, однако левая уже потянулась к правому плечу, чтобы ухватиться за висевшее наискосок через туловище ружьё.

Время стало идти медленнее. Затем – ещё медленнее, потом стало замирать... словно каждый такт разворачивающегося действия развивался только с новым ударом стука человеческого сердца, а частота биений возросла раза в два!

Вот Андрей заметил, как с левой стороны лиственницы начал осыпаться огромными хлопьями снег, потом из глубины показались ветки, так, словно они раздвигались от некоего огромного внутреннего взрыва, разносившего всё и вся в щепки и пыль. Через мгновение изнутри появилось рыло большого дикого кабана,двигающегося в лес в направлении левого плеча таёжника. Кaban едва виднелся над слоем снега, за ним точно двигался ещё один, потом третий, четвёртый – куда более мелкие, что отчётливо наблюдалось по поднимаемым облакам снега.

Мужчина замер, продолжая снимать с себя ружьё и забыв напрочь про топор, который в таком случае уже ничем не смог бы помочь. Провожая взглядом кабаний строй, он начал медленно поворачивать голову влево, инстинктивно поворачиваясь туда же сам. Если не потревожить кабанов, можно чуть позже использовать эту удачу, расширив сделанный животными проход в преграде!

Когда ружьё оказалось сжатым в руках, ветки лиственницы распахнулись ещё раз – чуть выше того места, откуда двигались кабаны. Из стены вырвалось нечто оранжево-чёрное. Раздался душераздирающий звук, включивший в себя хрип, писк, кабаний визг, громогласный рык. Вскоре огромное оранжево-чёрное нечто кубарем полетело вперёд, кувыряясь в снегу вместе с внушительной тушей кабана. Между Андреем и упавшей лиственницей насчитывалось метров двадцать. Однако за три-пять секунд клубок докатился почти вплотную, поднимая тучи снежных брызг.

Таёжник не успел сделать и шагу назад от неожиданности, как перед ним буквально в пяти

метрах поднялся на лапы тигр, яростно дёргая своим длинным, казавшимся практически бесконечным хвостом. Мужчине даже показалось, что вот-вот – и хвост запросто коснётся его самого. Визг и рык стихли.

В голове крутились самые разнообразные мысли, начиная от «Как сюда мог попасть тигр?» или «Что делать с тигром? Вести себя как с волком?» до «Ещё же хотел зашить носок тёплый, там дырка намечается» вместе с «Надо было идти за остатками рыжьи в марте!».

Встав на ноги, огромная кошка повернула голову влево, провожая взглядом убежавших кабанов. В этот момент тигр почувствовал что-то за собой и в один прыжок поднялся над снегом, развернувшись в воздухе. Встав на лапы, он пригнулся, не выпуская почти стокилограммового кабана из пасти, втянул в себя голову. Глаза глядели прямо перед собой, устремившись на человека. Зрачки стали медленно сужаться...

Андрей, ещё не успев взять ружьё так, чтобы подготовиться к выстрелу, тут же отвёл в сторону левую руку, поднимая её вверх. Правой рукой он ухватился за оружие, но также приподнимал его, демонстрируя по-человечьи безопасность и желание сдаться.

Тигр замер, простояв так достаточно длительное время. Всё это время кошка не сводила глаз с человека.

Андрей моргнул. Потом ещё и ещё раз. Потом моргнул чуть медленнее, задерживая свои движения.

Тигр поднял голову и сделал то ли шаг назад, то ли перенёс массу на задние ноги, но в конце своего движения тоже моргнул.

Таёжник ловил воздух, стараясь не раскрывать рот, и как будто считал удары сердца, отмеряя свои секунды. Казалось, прошло с полминуты моргания обеих сторон, замерших в глубоком снегу. После чего послышался урчащий звук, какой издают домашние кошки, только существенно громче. Возможно, что это стал работать чуть сильнее двигатель снегохода, но тигр неспешно сделал несколько шагов назад, потом чуть повернулся в сторону, подождал и в несколько прыжков скрылся за преградой в виде лиственницы...



РОЗЫСК «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Валерий РУМЯНЦЕВ

До начала грандиозного литературного мероприятия оставалось два дня.

В одной из больших комнат Администрации Президента России за круглым столом собрались литературные критики и литературоведы: Николай Александрович Добролюбов, Вячеслав Дмитриевич Лютый, Виктор Леонидович Топоров, Юрий Михайлович Лотман, Вадим Валерианович Кожинов. Были и две представительницы прекрасного пола: Светлана Замелова и Виктория Лерманская.

Совещание открыл сотрудник администрации президента, который уже много лет пытался написать эпохальный роман, но у него это плохо получалось. С учётом того, что его имя читателям неизвестно, назовём его просто Иваном Ивановичем Ивановым.

Иван Иванович был в хорошем расположении духа и беседу начал словами:

– Всем здравствуйте! Искренне рад видеть вас. Спасибо, что откликнулись на нашу просьбу и пришли для серьёзного разговора. Громадное спасибо Николаю Александровичу, – он повер-

нул голову в сторону Добролюбова, – для нас ваше присутствие – это особая честь.

Тему нашего разговора все вы знаете: нам необходимо найти «героя нашего времени» в современной русской литературе, то есть в литературе новой России. Мы должны выработать единое мнение, чтобы, опираясь на него, Вячеслав Дмитриевич Лютый подготовил коротенький доклад, с которым он и выступит на предстоящем мероприятии. Он согласился, спасибо ему.

– У меня вопрос, – сказал Юрий Лотман и поправил пышные усы. – Как известно, в нашей литературе подобные герои традиционно существовали в двух ипостасях. Первые – это те, кто соответствовал лексическому значению слова «герой», то есть человек, совершающий акт самопожертвования ради общего блага. Вторая категория «героев нашего времени» – это литературный образ, вобравший в себя типичные черты эпохи, отобразивший дух времени, что совершенно не обязательно должно быть связано с героизмом, благородством и бескорыстием. Я так понимаю: нам надо найти героев из первой категории?



– Да, да, безусловно, – согласился Иван Иванович.

– Но предварительно, – вступил в разговор Виктор Топоров, – зададим себе вопрос: кто может сегодня стать прототипом такого «героя нашего времени»?

– Действительно, кто же? – переспросил Добролюбов. – Подавляющее большинство молодёжи, да и взрослых людей тоже, уже получивших воспитание на образах «лолит» и «интердевочек», не задумываются над содержанием той эпохи, в которой они живут; им просто неинтересно. И это неудивительно: дикий капитализм в нашей стране, в общем понятии, послужил нравственному обнищанию как молодёжи, так и представителей старшего поколения.

– При этом появилось стойкое нежелание человека вникать в прекрасные черты литературного разума, – поддержала Виктория Лерманская тезис Добролюбова и добавила: – мыслить в размерах вечности, развиваться духовно.

– Действительно, кто же сегодня может быть прототипом «героя нашего времени»? – повторила уже прозвучавший вопрос Светлана Замлелова. – Олигарх Прохоров? Навальный? Стрелков? Рядовой боец донецкого фронта?

– А может, активист коммунистического подполья? – задался вопросом Добролюбов и отметил: – Из нашей литературы в последние десятилетия выветрились даже попытки создать «героя нашего времени».

– Да, поиск подлинных «героев нашего времени» в современной русской литературе – дело непростое, но необходимое, – выразил своё мнение Иван Иванович. – Именно для этого мы с вами здесь и собрались. Давайте вести поиск через, если можно так выразиться, призму нашей национальной идеи. Я бы даже сказал так, «герой нашего времени» – это человек, который борется и, может, даже отдаёт свою жизнь за реализацию национальной идеи.

– Сегодня в России национальная идея – православие и антисоветизм...

– Ну-ну, – Иванов перебил Добролюбова, – Николай Александрович, не надо так.

– Я долго изучал творчество Александра Сергеевича Пушкина, – решил сгладить остроту момента Юрий Лотман, – и сделал вывод, что для него национальной идеей было величие России, которого можно было достичь лишь путём свержения самодержавия, отменой крепостного права и внедрением политических свобод для граждан. Может, и будем искать такого литературного героя, который способствует величию России?

– А Гоголь своё понимание национальной идеи сформулировал в «Выбранных местах из переписки с друзьями», – напомнил присутствующим Добролюбов. – Он был убеждён, что единственным условием духовного возрождения России является воцерковление русской жизни. Но вы же все знаете, какова на это была реакция Белинского: «В словах "бог" и "религия" вижу тьму, мрак, цепи и кнут».

– Но православие, – оживился Иван Иванович, – это действительно национальная идея государствообразующего народа Российской Федерации.

– Ни одна религия, в том числе православие, никогда не отстаивала интересы эксплуатируемых, а всегда была, есть и будет на стороне эксплуататоров, – не сдавался Добролюбов. – Лишний раз этот вывод подтверждает сегодняшняя жизнь в России. У патриарха Кирилла всегда хорошее настроение: по одним данным, его состояние оценивается в три, по другим – в четыре миллиарда долларов. Настоятели церквей в Москве по сравнению с Кириллом просто нищие: зарплата у них от 200 тысяч до миллиона рублей.

Добролюбова активно поддержал Кожин. Он воскликнул:

– Как тут не вспомнить сонет Рембо! – и продекламировал:

*Пока над головой свистят плевки картечи,
Окрашивая синь кровавою слюной,
И, сотни тысяч тел сжигая и калеча,
Злорадный властелин полки бросает в бой;*

*Пока скрежещет сталь, сводя с ума бегущих,
И грудью парной растёт в полях зола –*

*Бедняги мертвецы! В твоих, природа, куцах!
Зачем же ты людей так свято создала? –*

*В то время бог, смеясь и глядя на узоры
Покровов, алтарей, на блеск тяжёлых чаш,
Успев сто раз на дню уснуть под «Отче наш»,*

*Проснётся, ощутив тоскующие взоры
Скорбящих матерей: они пришли – и что ж? –
Он с жадностью глядит на их последний грош.*

– Вадим Валерианович, не надо, не надо так, – начал возмущаться Иван Иванович. – Среди присутствующих, скорее всего, есть православные. Не надо оскорблять чувства верующих.

На замечание Кожинов ничего не ответил и замолчал.

– Сегодня в России всё чаще говорят о национальной идее и при этом нередко формулируют её в виде различных лозунгов, – решил донести до присутствующих свою мысль Добролюбов. – Однако национальная идея – это не столько лозунг, сколько совокупность конкретных принципов, которыми руководствуется государство в политике, экономике и других сферах жизни для реализации того или иного лозунга.

– Я вспомнил, – опять вмешался Кожинов, – в 2004 году Владимир Путин на встрече со своими доверенными лицами заявил, что национальной идеей России является конкурентоспособность. А в 2011 году в интервью какому-то журналу он назвал национальной идеей «сбережение народа», процитировав Солженицына. Результаты этого «сбережения», как вы знаете, весьма плачевны: по данным Росстата, за последние 18 лет число русских людей в РФ уменьшилось на семь миллионов человек. Впрочем, это неудивительно. В своё время Егор Гайдар публично заявил: «Россия как государство русских не имеет исторической перспективы». А какую новую национальную идею мы услышим от нашего лидера через годик-другой, никому не известно.

– Ну, знаете, – возмутился Иванов, – критиковать президента в его администрации... Побойтесь Бога!

– Хочу ещё вот что добавить, – сказал Добролюбов. – Взяв на вооружение марксизм-ленинизм, народы СССР получили то, чего не имели при царизме, – поэтому идею социалистического строительства поддержало подавляющее большинство граждан. Это и стало национальной идеей. Несмотря на многочисленные ошибки, враждебное окружение и борьбу антисоциалистических сил внутри страны, Россия сделала фантастический рывок в своём развитии во всех сферах жизни и одержала победу в ходе Великой Отечественной войны. Даже такой яркий диссидент, как Александр Зиновьев, признал: «Советский период – вершина российской истории».

– Господа, товарищи! Я вас ещё раз прошу, – взмолился Иван Иванович, – давайте заниматься делом. Нам надо искать «героя нашего времени», а мы... – И говорящий развёл руками.

Возникла короткая пауза, которую прервал Юрий Лотман:

– Мне представляется, что современные российские писатели пока находятся лишь на подступах к созданию образа «героя нашего времени», только-только «нащупывают» контуры этого героя. Для создания полноценного эталона им не хватает писательского мастерства, сравнимого с нашими литературными классиками.

– Я, с вашего позволения, добавлю, – сказала Виктория Лерманская. – Современная литература создаётся на примитивном бытовом уровне, обожествляя порой аморальное, все темы затронуты поверхностно, герои и их характеристики проработаны лишь частично, что отдаёт их на растерзание воображению читателей...

– Но кого-то же из современных писателей запишут в классики? – спросил Иван Иванович, обращаясь к присутствующим.

– Безусловно, что-то из современной литературы назовут классикой, – согласилась Виктория. – Но станет ли она такой же величественной, будут ли помнить её и почитать, будет ли она способна через столетия возрождать и трогать сердца читателей?



– Героем нашего времени можно смело назвать Иуду! – неожиданно заявила Светлана Замлелова. – Образ его становится понятен через совершённый им выбор. Посему важно разобраться не в том, почему и зачем он предал, а в том, что именно он выбрал. Иуда оказался прообразом «общества потребления», для которого, так же как и для Иуды, невозможно, оставаясь собой, сохранить верность высоким идеалам. Героического в современной литературе действительно немного. Но это именно потому, что героическое перестало быть типичным. Власти некого предложить в герои, а обществу – некого выдвинуть. Именно поэтому в последние десятилетия из нашей литературы выветрились даже попытки создать «героя нашего времени».

– Давайте свернём рассуждения и перейдём к решению нашей задачи путём рассмотрения конкретных произведений, – предложил Вячеслав Лютый. – Но перед этим буквально два слова о той картине, которая мне видится. После распада Советского Союза все самые худшие черты старого русского прошлого и западного настоящего, словно ночной убийца, проникли на территорию России и заявили о своих хозяйских правах. Сегодня нувориш и продажный суд, вязкая бюрократия и презрение к простому человеку вновь превратились в нашей стране в обыденность. Так вот, имея в виду эти самые общие черты минувшего и сиюминутного, мы должны определить «героя нашего времени».

Иван Иванович решил взять под свой жёсткий контроль ход дальнейшей беседы и с начальственной интонацией обратился к участникам совещания:

– Давайте называть конкретного автора и искать у него «героя нашего времени». Вот, скажем, наш классик Александр Исаевич Солженицын. Неужели у него нельзя найти нужного нам героя?

– 80 лет – тот возраст, в котором и литературной знаменитости хочется напомнить о себе, – прозвучал голос Виктора Топорова, – если уж не взрывом, то взвизгом. И вот восьмидесятилетний нобелевский лауреат затевает

двухтомное издание «Двести лет вместе» – и впервые с тех пор, как рухнул Советский Союз, становится хоть кому-то, пусть и ненадолго, со своими утомительно-надсадными писаниями интересен. Я не вижу у него нужного нам героя.

– Уж как-то вы, Виктор Леонидович, неуважительно... – начал Иванов и, уловив, что защитников Солженицына не нашлось, продолжил: – А вот Виктор Пелевин. Тиражи у него ого-го.

– У каждого писателя есть срок годности. У Пелевина он истёк лет двадцать назад, – отчеканил Топоров.

– Могут ли такие персонажи Пелевина, как Пётр Пустота из романа «Чапаев и Пустота» или Вавилен Татарский из романа «Generation "П"» быть «героями нашего времени»? – задал вопрос Вадим Кожин и сам ответил: – Применительно к названным текстам этот вопрос задавать как-то неприлично.

Иван Иванович увидел унылые лица литераторов и констатировал:

– Мнение присутствующих понятно. А вот, Виктор Леонидович, может быть, у Василия Аксёнова можно кого-то найти?

– Читать его прозу, разумеется, невозможно, в том числе и просто физически: читателя попеременно одолевают тошнота и зевота. Бывает, накатывают и вместе.

– Виктор Леонидович применил в данном случае, конечно, избыточную дозу гротеска, но по сути правильно сказал, – отозвался Юрий Лотман. – Нужного нам героя мы в постсоветской прозе Аксёнова не найдём.

– А что если поискать у Акунина, у него ведь есть такие зажигательные герои? – предложил Иван Иванович.

Первым на эту реплику опять откликнулся Виктор Топоров:

– Борис Акунин разучился писать буквально в тот же день и час, когда, возможно несколько опрометчиво, признался в том, что его на самом деле зовут Григорием Чхартишвили.

Вадим Кожин усмехнулся, одобряюще махнул рукой и согласился:

– Правильно.

– А вот Дмитрий Быков у нас в последние годы всё премии получает, – продолжал Иван Иванович. – Я, честно говоря, многое не успеваю прочитывать. Как там у него? Светлана Георгиевна, может, вы что скажете?

– Я думаю, лучше Виктора Леонидовича насчёт Быкова никто не скажет, – с улыбкой ответила Замлелова.

Все присутствующие взглянули на Топорова, и тот с удовольствием высказался:

– Недавно, бичуя нынешнюю литературу, Дмитрий Быков завершил свою речь на неожиданно оптимистической ноте. Мол, остаётся надеяться на то, что не за горами свой «Обломов», свои «Отцы и дети», а там, чем чёрт не шутит, и «Война и мир». Да, конечно, это именно он, Быков, по-гончаровски умрёт от ожирения сердца, но и по-тургеневски порвёт связи с Родиной тоже он. Быков – наше всё, если не в объективной реальности, то в самооценке.

– А вот Роман Сенчин, Сергей Шаргунов, Захар Прилепин. Николай Александрович, – Иванов обратился к Добролюбову, – как вы оцениваете, в их произведениях присутствует «герой нашего времени»?

Добролюбов тяжело вздохнул, откашлялся и начал свой монолог:

– Лучшим произведением Романа Сенчина литературными критиками и читателями признан роман «Елтышевы», в котором пронзительно сквозит горькая правда о современной отвратительной русской жизни. Все члены семьи Елтышевых при активном содействии новой буржуазной России терпят в жизни фиаско по всем позициям. Читатель задыхается от переизбытка красок пессимизма в ткани произведения. Автор утверждает, что будущего у наших граждан нет, а значит, делают вывод читатели, нет будущего и у России. Может ли хоть один из персонажей этого повествования претендовать на роль «героя нашего времени»? Нет, конечно, – разочарованно сказал Николай Александрович и продолжил: – Посмотрим, как в этом смысле «чувствует себя» Сергей Шаргунов со своим романом «1993», в котором он пишет о событиях в Москве, когда схлестнулись сторонники Ельцина и Верховного Совета,

президентом разогнанного и расстрелянного. Главный герой Виктор Брянецев, испытывающий ненависть к новой власти, становится на защиту Белого дома и погибает там, но не от пули, а в результате инсульта. Жизнь – это прежде всего мысли и чувства, остальное – бутафория. И этой «бутафории» Сергей Шаргунов уделяет в романе, на мой взгляд, избыточно много внимания.

И ещё в романе подспудно присутствует вопрос, который волнует многих читателей: будет ли в России новая революция или она всё-таки не случится?

И этот вопрос с каждым годом, когда трудящиеся стремительно беднеют, а богатые баснословно богатеют, становится всё актуальнее. Прочитывая роман через призму именно этого вопроса, Виктора Брянцева, видимо, можно считать «героем нашего времени» в русской литературе.

Скорее всего, немалая часть молодых читателей увидит «героя нашего времени» в образе Александра Тишина из романа Захара Прилепина «Санька». Это произведение вполне заслуженно вызвало у нас живой интерес по той причине, что в нём автор ребром поставил вопрос: доколе мы будем терпеть от президента и правительства такое варварское отношение к народу? Захар Прилепин прекрасно понимает, что рабство меняет формы, но не содержание.

Александр Тишин порождает симпатии в связи с тем, что он занимает активную жизненную позицию и борется за социальную справедливость так, как подсказывает ему совесть. Одни читатели посчитают, что Санька поступил глупо. Другие – будут оправдывать героя: мол, лучше действовать таким образом, чем заниматься нытьём и сидеть сложа руки. Правильно ли литературный герой выбрал дорогу или «мы пойдём другим путём» – это уже вопрос второй. При всех издержках, которые присутствуют в романе, образ Тишина вполне может претендовать на «героя нашего времени».

Добролюбов закончил свой длинный монолог. Сидящие за столом молча обдумывали услышанное.

Тишину прервал Вадим Кожинов:



– Николай Александрович, здесь сразу же возникает другой вопрос: в течение какого времени этого персонажа можно считать «героем»? В течение пяти, десяти лет? Мы помним, как в недавнем прошлом тиражировались казавшиеся тогда яркими романы и повести. К примеру, «ЧП районного масштаба» Юрия Полякова. Но прошёл всего десяток лет – и те «герои нашего времени» померкли, как цветы в конце осени. А нам, согласитесь, нужны не «сезонные» «герои нашего времени», а подлинные.

– У каждого времени свои герои, – ответил Добролюбов. – Другое дело – масштаб личности этого героя и его воздействие на читателей.

– Спасибо, Николай Александрович, за очень интересный анализ, – Иван Иванович спешил уйти от всех этих героев-революционеров. – У кого ещё какие будут предложения?

– На мой взгляд, – продолжил обсуждение Вячеслав Лютый, – можно считать героем переломной эпохи умного, принципиального и честного журналиста Ивана Базанова из романа Петра Краснова «Заполье». Этот трагический образ остаётся в памяти надолго, он неразрывно соединён со временем, в котором раскрывается его судьба.

– Мы что-то забыли про литературные журналы, – встрепнулся Иван Иванович и спросил: – А может, тот, кого мы ищем, «прячется» в литературных журналах? Там же каждый год публикуется немало и романов, и повестей.

Виктор Топоров погладил свою могучую бороду и сказал:

– Сталин говорил: дело первостепенной важности нельзя поручать третьестепенным людям. В традиционных толстых журналах работают (а главное, задают тон) третьестепенные люди с пятистепенными вкусами. Твардовский, Кочетов, Катаев были прежде всего яркими личностями – а нынче что? Причём служивая серость сидит в журналах долгими десятилетиями и не забывает воспитать себе точно такую же смену.

– Вот это не в бровь, а в глаз, – согласился Добролюбов.

Литераторы ещё долго сидели за столом и занимались розыском «героя нашего времени» не только в прозе, но и в поэзии и драматургии.

Попутно обсуждали и другие вопросы, связанные с литературой: влияние постмодернизма на современных авторов, массовый «падёж» читателей, отношение государства к писателям, кому и как дают литературные премии, состояние современной литературной критики, новая школьная программа по литературе...

Иван Иванович уже изрядно утомился, ему нестерпимо хотелось покурить, и он жаждал быстрее закончить этот бесконечный разговор.

Он попросил Вячеслава Лютотого быстренько набросать черновик резолюции круглого стола. Когда литературный критик поставил последнюю точку и протянул листок бумаги Иванову, тот не стал брать его в руки и предложил:

– Вы, Вячеслав Дмитриевич, сами и прочитайте.

Лютый огласил проект резолюции. На листке было написано следующее:

«Круглый стол писателей, поэтов и филологов на тему "Герой нашего времени в современной российской литературе" выявил широкую панораму мнений творческого литературного сообщества в поле взаимодействия современной русской литературы и современной русской жизни. Необходимость положительного, собственно героического начала в нашей литературе – требование настоящего дня. Именно так можно преобразовать нынешнее российское общество, у которого множество пороков и недостатков, в завтрашнюю Россию, когда слова "Родина" и "государство" не будут антагонистами».

Когда Вячеслав Дмитриевич закончил читать, Иван Иванович слегка сморщился и с ноткой недовольства сказал:

– А вот заключительная часть как-то режет ухо...

– Если присутствующие проголосуют против, уберём, – спокойноотреагировал Лютый. За резолюцию проголосовали единогласно.

Покидая помещение, Иван Иванович подумал: «Как-то всё комом прошло. Ну да ладно, галочку поставили», – и полез в карман за сигаретами.



ЮБИЛЕЙ КЛАССИКА

В 2022 году Союз писателей России обратился к руководству АО «Марка» с просьбой увековечить память А. Н. Островского, юбилей которого отмечается в 2023 году.

Александр Николаевич Островский (1823–1886) – драматург, творчество которого стало важнейшим этапом развития русского национального театра, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Он создал около 50 пьес: «Доходное место» (1856), «Гроза» (1859), «Бешеные деньги» (1869), «Лес» (1870), «Снегурочка» (1873), «Бесприданница» (1878) и многие другие. С именем Островского связана целая эпоха в истории русского театра. Его перу принадлежат переводы Сервантеса, Шекспира, Теренция, Гольдони.

Его драматургия сыграла решающую роль в утверждении на русской сцене самобытного и яркого репертуара, способствовала формированию национальной сценической школы.

В 1865 году А. Н. Островский основал в Москве артистический кружок и стал одним из его руководителей. В 1870 году по его инициативе было создано Общество русских драматических писателей, бессменным пред-

седателем которого он являлся с 1874 года и до конца жизни.

Приведённые аргументы возымели действие, и 27 апреля 2023 года были выпущены почтовая марка и почтовый конверт с оригинальной маркой.

На почтовой марке изображён портрет А. Н. Островского, на полях марочного листа – цитаты из произведений писателя. Фото для портрета великого драматурга выбрано из собрания Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля. На конверте изображена усадьба Островского в Щёлкове. Тираж марки 60 000 экземпляров.

В гашении конверта первого дня принял участие рабочий секретарь Союза писателей России Анатолий Труба. В дальнейшем эти первые конверты, погашенные особым способом, будут переданы в музей писателя.

Работа по увековечению памяти писателей продолжается. Так, уже поданы заявки на выпуск конвертов и марок в 2024 году, а уже 7 июня увидит свет почтовая марка «100 лет со дня рождения Р. Г. Гамзатова (1923–2003), поэта».

Александр СЕРГЕЕВ



«И снова "Коктебельская весна", И снова гумилёвские мотивы...»

Из года в год шагает известный Гумилёвский фестиваль «Коктебельская весна» по крымской земле. Восемнадцатый раз на фестивальных площадках Симферополя, Феодосии, Коктебеля собрались представители органов власти, писатели, деятели искусств и культуры, читатели, чтобы почтить память яркого поэта Серебряного века, целую эпоху, связанную с созвездием талантливых имён, и соединить живой нитью прошлое и день сегодняшний в русской литературе.

В нынешнем году центр праздничных мероприятий сместился в столицу Крыма, в Симферополь. Однако первым делом 18 апреля писатели и общественность собрались в Коктебеле, чтобы традиционно начать фестивальные дни здесь, у памятника Николаю Гумилёву, возложить весенние цветы и провести церемонию награждения новых лауреатов всероссийской литературной премии, носящей его имя.

Крымским поэтам Ольге Голубевой (Симферополь), Марине Орловой (Севастополь), Раисе Наумовой (Коктебель) были вручены награды рабочим секретарём Союза писателей России, публицистом, прозаиком, главным редактором литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолием Трубой. Анатолий Сергеевич также в этом году удостоен звания лауреата Гумилёвской премии.

У памятника поэту звучали стихи лауреатов, произведения Николая Гумилёва в исполнении учащихся Коктебельской школы имени И. Березнюка.

Мероприятия переместились в феодосийскую Центральную городскую библиотеку имени А. Грина, которая и в этом году тепло, по-дружески встретила гостей, предоставив свой читальный зал для поэтической программы «Николай Гумилёв: формула судьбы», где приняли участие лауреаты фестиваля. Приятно отметить, что директор библиотеки Оксана Филатова в этом году награждена Почётной грамотой правления Союза писателей России.

19 апреля в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке имени И. Франко в Мраморном зале состоялось торжественное открытие XVIII Международного Гумилёвского поэтического фестиваля «Коктебельская весна – 2023». Мероприятию дал старт председатель комитета по культуре и вопросам охраны культурного наследия Государственного Совета Республики Крым Николай Волков.

Приветственное слово министра культуры Республики Крым Татьяны Манежиной зачитал начальник Управления музейного, библиотечного дела и образования в сфере культуры Сергей Патрушев. Он же вручил Почётную грамоту Министерства культуры РК известному общественному деятелю, писателю Вячеславу Ложко за его заслуги в становлении и многолетнем проведении Гумилёвского фестиваля.

Немало усилий приложили к подготовке празднования сотрудники республиканской библиотеки, умело и творчески возглавляемой директором Еленой Ясиновой. Под аплодисменты зала руководитель Крымского отделения СПР, генеральный директор «Крымского центра творчества, науки и культуры» Владимир Сорокин вручил Елене Валентиновне почётную грамоту, подписанную председателем правления Союза писателей России Николаем Ивановым.

За организационный труд в проведении фестивальных дней хочется выразить большую благодарность и заведующей отделом культурно-досуговой работы Ирине Брызгуновой.

Вслед за официальной частью состоялся торжественный концерт мастеров искусств Крыма. Горячими аплодисментами зрителей было отмечено прекрасное выступление камерного хора Крымской государственной филармонии «Таврический благовест» под управлением заслуженного деятеля искусств Республики Крым Владимира Николенко. Казалось, что и сердца слушателей, и каждый уголок зала буквально заполнила музыка Сергея Рахманинова. Этот выбор был не случайным!

Имя великого русского композитора, чьё 150-летие в апреле отметил музыкальный мир, связано с Крымом, где он побывал и дал свой первый концерт в Ялте. А в 1909 году, будучи председателем Русского музыкального общества, подписал декрет о создании в Симферополе музыкальных классов, на основе которых образовалось ныне действующее музыкальное училище имени П. Чайковского. Его камерный хор «Гаудеамус» также принял участие в концертной программе.

Изящно и проникновенно прозвучало в зале авторское музыкальное произведение на стихи Анны Ахматовой в исполнении Марии Середы (скрипка) и Анастасии Поповой (вокал, фортепиано).

Среди музыкальных выступлений запомнились слушателям и голос лауреата международных и всероссийских конкурсов вокального искусства Дмитрия Полюшкина, с чувством исполнившего романс «Королева» на стихи Сергея Есенина.

Конечно, порадовал публику своими истинно русскими по духу стихами и песнями артист, поэт, автор-исполнитель, лауреат Государственной премии Крыма Константин Фролов.

В день торжественного открытия фестиваля в Симферополе прошёл поэтический и бардовский марафон «Ещё не раз вы вспомните меня», зарядивший публику энергией пламенных, искренних и высоких чувств его участников. В их числе – лауреаты Всероссийской литературной премии имени Николая Гумилёва нынешнего года и прошлых лет, приехавшие в этот день из разных городов Крыма.

Замечательно, что эстафету интереса и любви к поэзии писатели передают своим де-

тям и внукам. Так произошло и со стихотворением «Крымский мост» Ольги Ивановой, которое с удовольствием и успешно прочла её внучка Василиса. Примечательно и символично, что и сам марафон открыла молодёжь – выступали победители II виртуального конкурса чтецов «Серебряный звон русской поэзии», проведённого в рамках подготовки к фестивалю с 20 марта по 10 апреля 2023 года. Строки Николая Гумилёва и других поэтов Серебряного века, казалось, шли от самого сердца молодых исполнителей.

Свою музыкально-певческую эмоциональную лепту внесли также авторские песни Игоря Семёнова, Владимира Грачёва. Смело можно сказать: традиционный поэтический и бардовский марафон обрёл здесь, в стенах Крымской республиканской библиотеки, своё второе дыхание и прошёл на достойном профессиональном уровне.

Среди мероприятий в программе фестивальных дней, прошедших с 18 по 22 апреля, зрителей, безусловно, привлекла мастерски проведённая открытая лекция кандидата искусствоведения, доцента, заслуженной артистки Республики Крым Лилии Шиловой, посвящённая жизни и творчеству Анны Ахматовой.

Запомнится и совместная «Прогулка по Серебряному веку», которую предложила слушателям музыкально-поэтической программы заслуженный работник культуры Республики Крым, автор песен, исполнитель Ирина Ермолова.

Гумилёвский фестиваль «Коктебельская весна – 2023» завершён, и его главным итогом видится сопричастность к богатству минувшей литературной эпохи, которую мы помним, чтим, и глубокое ощущение эмоционального и ментального единения в духовных и творческих накоплениях прошлого и настоящего, объединённых великой силой искусства, художественного слова.

Очень важно, чтобы и молодое поколение участников фестиваля ощущало эту крепкую связь, проявляло искренний интерес к отечественной литературе как источнику нравственного и духовного развития.

Елена ОСМИНКИНА,
заслуженный деятель искусств
Республики Крым





«АЛЕКСАНДРЪ»

 **alexlib.ru**